

ISSN 0207-6918
e-ISSN 2310-3701

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК

KANTIAN JOURNAL

2019

Том
Vol. 38

№ 1

Калининград
Издательство Балтийского федерального
университета им. Иммануила Канта

Kaliningrad
Immanuel Kant Baltic Federal University
Press

2019

Кантовский сборник. — 2019. — Т. 38, №1. — 100 с.

Kantian Journal, 2019, vol. 38, no.1, 100 pp.

Интернет-адрес: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/
URL: http://journals.kantiana.ru/kant_collection/

Издается с 1975 г.
Выходит 4 раза в год

Published since 1975
A quarterly periodical

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ №ФС77-46310 от 26 августа 2011 г.

Registered with the Federal Service for Media Law Compliance and Cultural Heritage
Certificate from the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting
and Mass Communication Media ПИ №ФС77-46310 of August 26, 2011

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»
(236016, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14)

Established by

the “Immanuel Kant Baltic Federal University” Federal Autonomous Educational Institution of Higher Education
(14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia)

Адрес редколлегии:
236016, г. Калининград, ул. А. Невского, 14, БФУ им. И. Канта, Академия Кантиана
e-mail: kant@kantiana.ru

Editorial board address:
Academia Kantiana
14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236016, Russia
e-mail: kant@kantiana.ru

© Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, 2019

© Immanuel Kant Baltic Federal University,
2019

Редакционная коллегия

- Дмитриева Нина Анатольевна*, доктор философских наук, профессор, научный директор Academia Kantiana Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; профессор, Московский педагогический государственный университет (Россия) — главный редактор;
- Чалый Вадим Александрович*, кандидат философских наук, доцент, Academia Kantiana Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — заместитель главного редактора;
- Бажанов Валентин Александрович*, доктор философских наук, профессор, Ульяновский государственный университет (Россия);
- Байзер Фредерик Ч.*, доктор философии, профессор, Сиракьюсский университет (США);
- Белов Владимир Николаевич*, доктор философских наук, профессор, Российский университет дружбы народов (Россия);
- Васильев Вадим Валерьевич*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия);
- Вуд Аллен*, доктор философии, профессор, Индианский университет в Блумингтоне (США);
- Дёрфлингер Бернд*, доктор философии, профессор, Университет Трира (Германия);
- Зильбер Андрей Сергеевич*, младший научный сотрудник, Academia Kantiana Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный секретарь;
- Калинников Леонард Александрович*, доктор философских наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия);
- Кляйнгельд Паулине*, доктор философии, профессор, Гронингенский университет (Нидерланды);
- Конеv Владимир Александрович*, доктор философских наук, профессор, Самарский государственный университет (Россия);
- Копцев Иван Демьянович*, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия);
- Круглов Алексей Николаевич*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Россия);
- Мотрошилова Неля Васильевна*, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии РАН (Россия);
- Пушкарский Анатолий Геннадьевич*, старший преподаватель, Academia Kantiana Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный секретарь;
- Разеев Данил Николаевич*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия);
- Румянцева Татьяна Герардовна*, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет (Беларусь);
- Соболева Майя Евгеньевна*, доктор философских наук, Марбургский университет (Германия);
- Сорина Галина Вениаминовна*, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Россия);
- Тиммерманн Йенс*, доктор философии, профессор, Сент-Эндрюсский университет (Великобритания);
- Тремблэй Фредерик*, доктор философии, старший научный сотрудник Academia Kantiana Института гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); научный сотрудник, Софийский университет им. Св. Климента Охридского (Болгария);
- Уоткинс Эрик*, доктор философии, профессор, Калифорнийский университет в Сан-Диего (США);
- Чернов Сергей Александрович*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (Россия);
- Штарк Вернер*, доктор философии, почетный профессор, Марбургский университет им. Филиппа (Германия)

Editorial board

- Prof. Nina A. Dmitrieva, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University; Moscow State Pedagogical University (Russia) — Editor-in-chief;
- Dr Vadim A. Chaly, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) — Deputy Editor-in-chief;
- Prof. Valentin A. Bazhanov, Ulyanovsk State University (Russia);
- Prof. Frederick Ch. Beiser, Syracuse University (USA);
- Prof. Vladimir N. Belov, The Peoples' Friendship University of Russia (Russia);
- Prof. Sergey A. Chernov, Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications (Russia);
- Prof. Bernd Dörflinger, University of Trier (Germany);
- Prof. Leonard A. Kalinnikov, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia);
- Prof. Pauline Kleingeld, University of Groningen (the Netherlands);
- Prof. Vladimir A. Konev, Samara State University (Russia);
- Prof. Ivan D. Koptsev, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia);
- Prof. Alexei N. Krouglov, Russian State University for the Humanities (Russia);
- Prof. Nelly V. Motroshilova, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia);
- Anatoly G. Pushkarsky, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) — Executive secretary;
- Prof. Danil N. Razeev, Saint Petersburg State University (Russia);
- Prof. Tatiana G. Rumyantseva, Belarusian State University (Belarus);
- Prof. Maja E. Soboleva, University of Marburg (Germany);
- Prof. Galina V. Sorina, Lomonosov Moscow State University (Russia);
- Prof. Werner Stark, Philipps University of Marburg (Germany);
- Prof. Jens Timmermann, University of St Andrew (UK);
- Dr Frederic Tremblay, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Sofia University «St. Kliment Ohridski» (Bulgaria);
- Prof. Vadim V. Vasilyev, Lomonosov Moscow State University (Russia);
- Prof. Eric Watkins, University of California, San Diego (USA);
- Prof. Allen W. Wood, Indiana University Bloomington (USA);
- Andrei S. Zilber, Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) — Executive secretary

Ссылки на оригинальные тексты Канта приводятся по изданию: Kant I. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe). Berlin, 1900 ff. — и оформляются в тексте статьи следующим образом: (AA 07, S. 578), где сначала цифрами указывается номер тома данного издания, а затем дается страница по этому изданию. Ссылки на «Критику чистого разума» оформляются по этому же изданию, например: (A 000) — для текстов из первого издания, (B 000) — для второго издания или (A 000 / B 000) — для фрагментов текста, встречающихся в обоих изданиях.

References to Kant's original texts (I. Kant. *Gesammelte Schriften* (Akademie-Ausgabe), Berlin 1900 ff.) are presented in the following form: *Siglum*, AA (Vol.-Number.), page[s], for example: (*MpVt*, AA 08, p. 264). Siglen index see here: https://www.degruyter.com/view/supplement/s16131134_Instructions_for_Authors_2015_en.pdf References to the *Critique of Pure Reason* are given as follows: (*KrV*, A 000) for the texts of the first edition, (*KrV*, B 000) for the texts of the second edition, and (*KrV*, A 000 / B 000) for fragments present in both editions.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Философия Канта

<i>Мер Р.</i> Через «Трансцендентальную диалектику» окольными путями. Принципы однородности, спецификации и непрерывности.....	7
<i>Лайхо Х.</i> Типы содержания представлений у Канта	30
<i>Семенов В. Е.</i> Дедукция свободы <i>vs</i> дедукция опыта в метафизике И. Канта	55
<i>Фасоро С. А.</i> Кант о человеческом достоинстве: автономия, человечность и права человека	81

Объявления

Третья международная летняя школа по изучению наследия И. Канта «Кант о науке и рациональности»	98
---	----

CONTENTS

Articles

Kant's Philosophy

<i>Meer, R.</i> Taking Detours through the "Transcendental Dialectic". The Principles of Homogeneity, Specification, and Continuity	7
<i>Laiho, H. A.</i> Types of Representational Content in Kant	30
<i>Semyonov, V. E.</i> Deduction of Freedom vs Deduction of Experience in Kant's Metaphysics.....	55
<i>Fasoro, S. A.</i> Kant on Human Dignity: Autonomy, Humanity, and Human Rights ...	81

Announcements

The Third Immanuel Kant International Summer School "Kant on Science and Rationality"	98
---	----

УДК 1(091)

**ЧЕРЕЗ «ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНУЮ
 ДИАЛЕКТИКУ» ОКОЛЬНЫМИ ПУТЯМИ.
 ПРИНЦИПЫ ОДНОРОДНОСТИ,
 СПЕЦИФИКАЦИИ И НЕПРЕРЫВНОСТИ**

Р. Мер¹

В ключевом фрагменте (A 663 – 664 / B 691 – 692) первой части «Приложения к трансцендентальной диалектике» Кант обсуждает специфический статус принципов однородности, спецификации и непрерывности. Там он ссылается на «уже доказанное утверждение» и, следовательно, на другие пассажи «Критики чистого разума». «Трансцендентальная аналитика» и в особенности первая книга «Трансцендентальной диалектики» представляются теми местами, где стоит искать тот фрагмент, на который ссылается Кант. Хотя эта контекстуализация и требует дальнейших размышлений над системой и редактурой первой «Критики», она также позволяет нам прояснить статус указанных принципов и их обоснование в отношении субъективной дедукции. В «Предисловии» к первому изданию «Критики чистого разума», а потом в первой книге «Трансцендентальной диалектики» Кант вместе с субъективной дедукцией предлагает аргументативную стратегию, отличающуюся от объективной, но обеспечивающую «некоторую объективную значимость» (A 664 / B 692) и, следовательно, обладающую систематическим значением для принципов однородности, спецификации и непрерывности. Моя цель – предложить имманентные стратегии для обоснования принципов однородности, спецификации и непрерывности в структуре «Критики чистого разума».

Ключевые слова: Кант, разум, идеи, объективная дедукция, субъективная дедукция, трансцендентальная дедукция, однородность, спецификация, непрерывность, трансцендентальная диалектика.

1. Введение

Регулятивные идеи Бога, мира и души составляют имманентную часть «Трансцендентальной

¹ Грацский университет, 8010, Австрия, Грац, Хайнрихштрассе, 33; Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, д. 14. Поступила в редакцию: 31.10.2018 г.
 doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-1
 © Мер Р., 2019.

**TAKING DETOURS THROUGH THE
 "TRANSCENDENTAL DIALECTIC".
 THE PRINCIPLES OF HOMOGENEITY,
 SPECIFICATION, AND CONTINUITY**

R. Meer¹

In a crucial paragraph (KrV, A 663-664 / B 691-692) of the first part of the "Appendix to the Transcendental Dialectic", Kant discusses the specific status of the principles of homogeneity, specification, and continuity. In doing so, he refers to an already proven argument and thus to other passages of the Critique of Pure Reason. In search of this argument the "Transcendental Analytic" but in particular the "first book" of the "Transcendental Dialectic" turn out to be possible reference points. Although this contextualisation demands further systematic and editorial reflections, it also allows the clarification of the status of the principles and their justification in relation to a subjective deduction. Kant offers with the subjective deduction, as introduced in the "Preface" (of the first edition of the Critique of Pure Reason) and again in the "first book" of the "Transcendental Dialectic", a first argumentative strategy, which differs from the objective one but provides "some objective validity" (KrV, A 664 / B 692; Kant, 1998, p. 602) and therefore has systematic importance for the principles of homogeneity, specification, and continuity. My aim is to offer immanent strategies for a justification of the principles of homogeneity, specification, and continuity in the framework of the Critique of Pure Reason.

Keywords: Kant, reason, ideas, objective deduction, subjective deduction, transcendental deduction, homogeneity, specification, continuity, transcendental dialectic.

1. Introduction

The regulative ideas of God, world and soul build an immanent part of the "Transcendental Dialectic" of the Critique of Pure Reason. Although

¹ University of Graz, Heinrichstraße 33, 8010 Graz, Austria; Immanuel Kant Baltic Federal University, 14 Aleksandra Nevskogo st., 236016 Kaliningrad, Russia.
 Received: 31.10.2018.
 doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-1
 © Meer R., 2019.

диалектики»² первой «Критики». Хотя их *locus classicus* находится во второй части «Приложения к трансцендентальной диалектике» и, следовательно, они не занимают систематического места в структуре первой «Критики», они также присутствуют в первой книге «Трансцендентальной диалектики», во второй ее книге, в частности в «Антиномии чистого разума», а также в «Идеале чистого разума» и в «Учении о методе». Совсем по-другому обстоят дела с принципами однородности, спецификации и непрерывности. Кант лишь вводит эти принципы в первой части «Приложения к трансцендентальной диалектике»³. По этой причине они оказываются в большой степени изолированными от остальных частей первой «Критики». Эти принципы кажутся инородным телом в «Критике чистого разума» и особенно в «Трансцендентальной диалектике» не только в отношении архитек-

² Для обзора различных исследовательских позиций относительно исследования проблем «Приложения к трансцендентальной диалектике» см.: Ypi, 2017, p. 163–165; Thöle, 2000, S. 113–148; Meer, 2018, S. 3–8; Grier, 2001, p. 261–270; Klimmek, 2005, S. 17–51; Guyer, 1984, s. 115–122; Morrison, 1989, p. 155–172). Для более детального анализа регулятивных идей Бога, мира вообще и души во второй части «Приложения» и их контекста в рамках «Трансцендентальной диалектики» см.: (Goldman, 2012, p. 124–157; Serck-Hanssen, 2011, S. 59–70; Engelhard, 2005, S. 385–413; Theis, 2004, S. 77–110). Для детального анализа принципов однородности, спецификации и непрерывности см.: (Caimi, 1995, S. 308–320; Kitcher, 1986, p. 201–235; Karásek, 2010, S. 59–74; Zöller, 2011, p. 13–28; Krausser, 1987, S. 164–196). Отношение «первой книги» к «Приложению» исследовано в работах (Willaschek, 2018, p. 17–98; Klimmek, 2005, S. 57–116).

³ Несмотря на это архитектурное включение различных понятий разума, стоит заметить, что Кант не проводит строгого различия между идеями и принципами разума. Время от времени он называет те и другие понятиями разума (A 645 / B 673, A 659 / B 687, A 682 / B 710, A 685 / B 713, A 686 / B 714), хотя мы можем найти различие между принципами разума (однородностью, спецификацией и непрерывностью) и идеями разума (Богом, миром, душой). Однако эти понятия используются не строго, поскольку в первой части «Приложения к трансцендентальной диалектике» (A 643 / B 671, A 644 / B 672, A 645 / B 673, A 646 / B 674, A 649 / B 677, etc.) термин *идея* (разума), а во второй части – *принцип* (разума) (A 674 / B 702, A 676 / B 704, A 680 / B 708, A 684 / B 712, etc.).

С систематической точки зрения существенное различие между понятиями Бога, мира и души и принципами однородности, спецификации и непрерывности заключается в том, что идеи представляют собой продукт трех форм синтеза (а именно категорического, гипотетического и дизъюнктивного) (A 650 / B 678). Несмотря на это различие, между темами обеих частей видны переклички, например понятие цели (A 643 / B 671, A 686–687 / B 714–715); понятие естественной диалектики (A 642 / B 670, A 669 / B 697); различие правильного и неправильного употребления понятий разума (A 653 / B 671, A 676 / B 704); понятия разума как максимы (KrV, A 667 / B 695, A 680 / B 708); размышления о предмете в идее и о схемах идей (A 693 / B 665, A 670 / B 698).

their *locus classicus* is the second part of the “Appendix to the Transcendental Dialectic”² and hence they do not have a systematic place in the architectural structure of the first *Critique*, they are also present in the “first book” of the “Transcendental Dialectic”, the “second book”, in particular in the “Antinomy of Pure Reason” and the “Ideal of Pure Reason”, and also the “Doctrine of Method”. The situation is altogether different concerning the principles of homogeneity, specification, and continuity. Kant merely introduces these principles in the first part of the “Appendix to the Transcendental Dialectic”.³ For this reason, they are largely isolated from other parts of the first *Critique*. Not merely with regard to the architectural structure but also with regard to the systematic content, these principles seem

² For an overview of the controversies and different research positions concerning the “Appendix to the Transcendental Dialectic” see: Ypi, 2017, pp. 163-165; Thöle, 2000, pp. 113-148; Meer, 2018, pp. 3-8; Grier, 2001, pp. 261-270; Klimmek, 2005, pp. 17-51; Guyer, 1984, pp. 115-122; Morrison, 1989, pp. 155-172. For a detailed analysis of the regulative ideas of God, world, and soul in the second part of the “Appendix” and their context in the “Transcendental Dialectic” see: Goldman, 2012, pp. 124-157; Serck-Hanssen, 2011, pp. 59-70; Engelhard, 2005, pp. 385-413; Theis, 2004, pp. 77-110. For a detailed analysis of the principles of homogeneity, specification, and continuity see: Caimi, 1995, pp. 308-320; Kitcher, 1986, pp. 201-235; Karásek, 2010, pp. 59-74; Zöller, 2011, pp. 13-28; Krausser, 1987, pp. 164-196. The relation between the “first book” and the “Appendix to the Transcendental Dialectic” is examined by Willaschek, 2018, pp. 17-98 and Klimmek, 2005, pp. 57-116.

³ Regardless of this architectural embedding of the various concepts of reason, it is noteworthy that Kant does not strictly distinguish between ideas and principles of reason. Occasionally, he describes both as concepts of reason (KrV, A 645 / B 673, A 659 / B 687, A 682 / B 710, A 685 / B 713, A 686 / B 714), although we can find a differentiation between principles of reason (homogeneity, specification, continuity) and ideas of reason (God, world, soul). However, these terms are not used stringently, because Kant also uses in the first part of the “Appendix to the Transcendental Dialectic” (KrV, A 643 / B 671, A 644 / B 672, A 645 / B 673, A 646 / B 674, A 649 / B 677, etc.) the term *idea* (of reason) and in the second part (KrV, A 674 / B 702, A 676 / B 704, A 680 / B 708, A 684 / B 712, etc.) the term *principle* (of reason).

From a systematic point of view, the essential difference between the concepts of God, world, and soul, and the principles of homogeneity, specification, and continuity lies in the fact that the ideas are concluded products from the three forms of synthesis (these being the categorical, the hypothetical and the disjunctive synthesis), and that the principles are the transcendental presupposition of the logical structure (KrV, A 650 / B 678). Beside this differentiation, there are also many thematic overlaps in both parts, e.g. the concept of purpose (KrV, A 643 / B 671, A 686-687 / B 714-715); the concept of a natural dialectic (KrV, A 642 / B 670, A 669 / B 697); the differentiation between a right and a wrong use of the concepts of reason (KrV, A 653 / B 671, A 676 / B 704); the concepts of reason as maxims (KrV, A 667 / B 695, A 680 / B 708); considerations on the object in the idea and a schema of the ideas (KrV, A 665 / B 693, A 670 / B 698).

турной структуры текста, но также и в отношении его систематического содержания. Основываясь на этом факте, Л. Скаравелли приходит к выводу, что «Приложение» есть «само по себе независимый трактат» (Scaravelli, 1954, p. 387)⁴, и в этом же смысле С. Маркуччи описывает его как «Приложение, которое не является приложением» (Marcucci, 1988, p. 43)⁵. Многие интерпретаторы придерживаются этой позиции, классифицируя первую часть «Приложения» как изолированный фрагмент «Критики чистого разума» (Serck-Hanssen, 2011, S. 67; Heimsoeth, 1969, S. 546; Goldman, 2012, p. 124–157; Longuenesse, 1995, p. 521–537).

В этой статье я детально исследую один ключевой фрагмент (A 663–664 / B 691–692) первой части «Приложения к трансцендентальной диалектике». В нем Кант объясняет статус принципов однородности, спецификации и непрерывности, отсылая читателя к уже доказанному утверждению и, следовательно, к другим фрагментам «Критики чистого разума». Первым шагом моего анализа будет реконструкция даваемой Кантом в этом фрагменте ссылки, а вторым — локализация возможных фрагментов «Трансцендентальной аналитики» и «Трансцендентальной диалектики», в особенности «Книги первой», на которые он ссылается. Контекстуализация этого фрагмента ведет нас к третьему шагу — обсуждению статуса принципов и их обоснованности в отношении субъективной дедукции. Соответственно, цель данной работы — предложить имманентные стратегии для оправдания принципов однородности, спецификации и непрерывности в форме размышлений о системе и редактуре «Критики чистого разума».

2. Статус принципов однородности, спецификации и непрерывности

Во фрагменте A 663–664 / B 691–692 Кант сосредотачивается на вопросе, касающемся возможности трансцендентальной дедукции принципов однородности, спецификации и непрерывности⁶.

В этих принципах примечательно и единственно интересно для нас следующее: они кажутся трансцендентальными и, — хотя содержат в себе только идеи

to be a foreign body of the *Critique of Pure Reason* and in particular of the “Transcendental Dialectic”. Based on this fact, L. Scaravelli comes to the conclusion that the “Appendix” is “for itself an independent treatise” (Scaravelli, 1954, p. 387),⁴ and in the same sense, S. Marcucci describes the passage as an “Appendix that is not an appendix” (Marcucci, 1988, p. 43).⁵ Many interpreters follow this position by classifying the first part of the “Appendix” as an isolated text passage of the *Critique of Pure Reason* (Serck-Hanssen, 2011, p. 67; Heimsoeth, 1969, p. 546; Goldman, 2012, pp. 124-157; Longuenesse, 1995, pp. 521-537).

In this paper, I develop a detailed examination of one crucial paragraph (*KrV*, A 663-664 / B 691-692) of the first part of the “Appendix to the Transcendental Dialectic”. In this passage, Kant explains the status of the principles of homogeneity, specification, and continuity by referring to an *already proven argument* and thus to other passages of the *Critique of Pure Reason*. In a first step of my analysis, I reconstruct Kant’s reference given in this passage and in a second step, locate possible reference points in the “Transcendental Analytic” and the “Transcendental Dialectic”, in particular the “first book”. The contextualisation of this text passage leads in a third step to a discussion on the status of the principles and their justification. The aim of the paper is, therefore, to offer immanent strategies for a justification of the principles in the form of systematic and editorial reflections in the framework of the *Critique of Pure Reason*.

2. The Status of the Principles of Homogeneity, Specification, and Continuity

In the passage A 663-664 / B 691-692, Kant focuses on the question concerning the possibility of a transcendental deduction of the principles of homogeneity, specification, and continuity.⁶

What is strange about these principles, and what alone concerns us, is this: that they seem to be transcendental, and even though they contain mere ideas to be followed in the empirical use of reason, which reason can follow only asymptotically, as it

⁴ Ит. «da sol[o], un vero e proprio trattato».

⁵ Ит. «Una Appendice che non è appendice».

⁶ Об экстенсивных функциях принципов однородности, спецификации и непрерывности см.: (Lequan, 2015a, S. 1045–1046; Leguan, 2015b, S. 1271–1272; Goy, 2015, S. 2146–2147).

⁴ My translation of: “da sol[o], un vero e proprio trattato.”

⁵ My translation of: “Una Appendice che non è appendice.”

⁶ For an overview regarding the extensive functions of the principles of homogeneity, specification, and continuity see Lequan, 2015a, pp. 1045-1046; Leguan, 2015b, pp. 1271-1272; Goy, 2015, pp. 2146-2147.

для следования эмпирическому применению разума, за которыми это применение разума может следовать только как бы асимптотически, то есть только приближаясь к ним, но никогда не достигая их, — тем не менее обладают, как синтетические положения *a priori*, объективной, пусть и неопределенной, значимостью, служат правилом возможного опыта и действительно удачно применяются при обработке опыта как эвристические основоположения; однако трансцендентальная дедукция их не может быть осуществлена, так как она вообще невозможна в отношении идей, как это было доказано выше (А 663—664 / В 691—692; Кант, 2006а, с. 847—849).

В очень компактной форме — весь абзац состоит из одного предложения — Кант формулирует следующее сопоставление: принципы разума есть «синтетические положения *a priori*» (А 663 / В 691; Кант, 2006а, с. 849), они «служат правилом возможного опыта» (там же) и «кажутся трансцендентальными» (А 663 / В 691; Кант, 2006а, с. 847). Однако в то же время они представляют «эвристические основоположения» (А 663 / В 691; Кант, 2006а, с. 849) в отношении возможного опыта, которые ведут за собой эмпирическое применение разума, но «только как бы асимптотически» (там же).

Хотя Кант в данном фрагменте выбирает слова очень осторожно, он не предоставляет никакого детального исследования того, каким образом возможно совместить эти два различных статуса. Более того, в начале приведенного абзаца он подчеркивает особую *примечательность*, которая заключается в том факте, что он сопоставляет друг с другом два определения, до этого в «Критике чистого разума» строго разграничивавшиеся. На основании этого сопоставления и того, что трансцендентальное обоснование понятий осуществимо только в отношении к многообразному во времени и пространстве (А 85 / В 117), Кант приходит к выводу, что «трансцендентальная дедукция... вообще невозможна в отношении идей» (А 663—664 / В 691—692; Кант, 2006а, с. 849). Тем не менее он утверждает, что принципы разума обладают «объективной, пусть и неопределенной, значимостью» (А 663 / В 691; Кант, 2006а, с. 849), или, как он формулирует это в следующем абзаце, «некоторой объективной значимостью» (А 664 / В 692; Кант, 2006а, с. 849)⁷.

⁷ Несмотря на все различия между принципами однородности, спецификации и непрерывности и идеями Бога, мира и души, во второй части «Приложения к трансцендентальной диалектике» Кант описывает статус идей схожим образом (Meer, 2018, S. 69—124). Во фрагменте А 669 / В 697 он пишет, что идеи имеют «некоторую, хотя бы неопределенную, объективную значимость» (А 669 / В 697; Кант, 2006а, с. 855),

were, i.e., merely by approximation, without ever reaching them, yet these principles, as synthetic propositions *a priori*, nevertheless have objective but indeterminate validity, and serve as a rule of possible experience, and can even be used with good success, as heuristic principles, in actually elaborating it; and yet one cannot bring about a transcendental deduction of them, which, as has been proved above, is always impossible in regard to ideas (*KrV*, A 663-664 / B 691-692; Kant, 1998, pp. 601-602).

In a very compact form (the whole paragraph consists of only one sentence) Kant formulates the following juxtaposition: The principles of reason are “synthetic propositions *a priori*” (*KrV*, A 663 / B 691; Kant, 1998, p. 602), they “serve as a rule of possible experience” (*ibid.*) and they “seem to be transcendental” (*KrV*, A 663 / B 691; Kant, 1998, p. 601). At the same time, however, they also represent “heuristic principles” (*KrV*, A 663 / B 691; Kant, 1998, p. 602) in the treatment of possible experience, by which the empirical use of reason is guided, but follows “only asymptotically” (*KrV*, A 663 / B 691; Kant, 1998, p. 601).

Although Kant chooses his words in this passage very carefully, he gives no detailed examination of how these two different statuses are compatible. Moreover, he highlights a specific *strangeness* at the beginning of the quoted passage. The strangeness lies in the fact that he brings together in this juxtaposition two characterisations, which were strictly divided in the *Critique of Pure Reason* so far. Based on this juxtaposition and the fact that a transcendental justification of concepts is merely feasible with reference to the manifold in time and space (*KrV*, A 85 / B 117), Kant comes to the conclusion that a “transcendental deduction [...] is always impossible in regard to ideas” (*KrV*, A 663-664 / B 691-692; Kant, 1998 p. 602). Nevertheless, he claims that the principles of reason have “objective but indeterminate validity” (*KrV*, A 663 / B 691 Kant, 1998, p. 602) or, as Kant formulates this in the following paragraph, “some objective validity” (*KrV*, A 664 / B 692; Kant, 1998, p. 602).⁷

⁷ Despite all differences between the principles of homogeneity, specification, and continuity and the ideas of God, world, and soul, Kant describes the status of the ideas in the second part of the “Appendix to the Transcendental Dialectic” in a similar way (Meer, 2018, pp. 69-124). In passage A 669 / B 697, he writes that ideas have “objective validity, even if it is only an indeterminate one” (*KrV*, A 669 / B 697; Kant, 1998, p. 605),

В отношении этого фрагмента особенно заметно, что Кант отсылает к уже доказанному утверждению. В данном абзаце о проблеме возможности трансцендентальной дедукции понятий разума говорится как об уже решенной. В частности, на это указывает фраза «как это было доказано выше» (A 664 / B 692; Кант, 2006а, с. 849), открывающая множество возможностей для интерпретации. Ясно только, что тут он не может ссылаться на «Приложение к трансцендентальной диалектике», поскольку до рассматриваемого фрагмента Кант не поднимал в явном виде эту проблему. В частности, начало абзаца: «В этих принципах примечательно и единственно интересно для нас следующее...» (A 663 / B 691; Кант, 2006а, с. 847) — показывает, что Кант только начинает освещать данную тему. Когда Кант пишет «интересно» (*beschäftigt*), это указывает на то, что он собирается не представлять конкретные результаты своих размышлений, а скорее объяснить проблемную область, для которой пытается найти решение. Одновременно слово «единственно» может читаться как уточнение: Кант выносит все прочие вопросы за скобки и занимается одним только аспектом статуса понятий разума.

Существуют две возможности для прояснения ссылок во фрагменте A 663–664 / B 691–692: оставленные Кантом следы могут вести, с одной стороны, к первой книге «Трансцендентальной аналитики», с другой — к первой книге «Трансцендентальной диалектики».

3. В поисках утверждения

3.1. «Трансцендентальная аналитика» как возможный источник

Специфическая структура «Приложения к трансцендентальной диалектике», в котором Кант

и описывает их как «*principium vagum*» (A 680 / B 708; Кант, 2006а, с. 867). Это значит, что и идеи, и принципы разума характеризуются в обеих частях «Приложения» как всего лишь идеи, но обладающие трансцендентальной значимостью. Данный факт особенно интересен в связи с указанием Канта во второй части «Приложения к трансцендентальной диалектике» на то, что «нельзя с уверенностью пользоваться понятием *a priori*, не осуществляя трансцендентальной дедукции его» (A 669 / B 697; Кант, 1998, р. 605), и именно этой задачей «завершается критическая работа чистого разума» (A 670 / B 698; Кант, 2006а, с. 855). Схожие выражения встречаются во фрагментах A 671 / B 699 и A 680 / B 708, где Кант явно ссылается на эту уже проведенную трансцендентальную дедукцию. В сноске 9 и в разделе 5 (*Некоторая объективная значимость. Заключение*) я вновь к этому вернусь в отношении дедукции понятий разума.

In respect to this passage, it is particularly noticeable that Kant refers to an already proven argument. The paragraph deals with the problem of the possibility of a transcendental deduction of the concepts of reason as an already-solved problem. This is suggested, in particular, by the phrase “as has been proved above” (*KrV*, A 664 / B 692; Kant, 1998, p. 602), which opens many possibilities of interpretation: It is only clear that this reference cannot refer to the “Appendix to the Transcendental Dialectic”, because Kant has not explicitly explained this topic until this section of the text. The beginning of this passage – “What is strange about these principles, and what alone concerns us, is this” (*KrV*, A 663-664 / B 691-692; Kant, 1998, p. 601) – in particular shows that Kant is starting to elucidate this issue. When Kant writes “concern,” it indicates that he does not intend to present specific results of his reflections, but rather to explain a problem area for which he is trying to develop a solution. Simultaneously, the term “alone” can be read as a specification: Kant puts all other possible questions in the background to deal just with the aspect of the status of the concepts of reason.

There are two options for clarifying the reference points of the passage A 663-664 / B 691-692: On the one hand, the trace laid by Kant can lead to the “first book” of the “Transcendental Analytic”, on the other hand, to the “first book” of the “Transcendental Dialectic”.

3. In Search of the Argument

3.1. The “Transcendental Analytic” as Possible Reference Point

The specific structure of the “Appendix to the Transcendental Dialectic” – in which Kant repeat-

and describes them as “*principium vagum*” (*KrV*, A 680 / B 708; Kant, 1998, p. 611). This means, the ideas and principles of reason are characterised in both parts of the “Appendix” as mere ideas but with transcendental validity. This fact is in particular interesting because Kant notes in the second part of the “Appendix to the Transcendental Dialectic” that “[o]ne cannot avail oneself of a concept *a priori* with any security unless one has brought about a transcendental deduction of it” (*KrV*, A 669 / B 697; Kant, 1998, p. 605), and precisely this is the “completion of the critical business of pure reason” (*KrV*, A 670 / B 698; Kant, 1998, p. 605). Similar expressions can be found in the passages A 671 / B 699 and A 680 / B 708, in which Kant explicitly refers to such an already implemented transcendental deduction. In footnote 9 and section 5 (“Some Objective Validity”), I will refer again to this different assessment concerning a deduction of the concepts of reason.

постоянно дает систематические ссылки на понятия рассудка из «Трансцендентальной аналитики», но все время модифицирует регулятивное применение разума и изменяет его систематическое значение, подразумевает, что Кант отрицает трансцендентальную дедукцию принципов разума во фрагменте А 663–664 / В 691–692 в отношении к трансцендентальной дедукции понятий рассудка. В этом смысле он даже ссылается в следующем абзаце на «Трансцендентальную аналитику»: там он отделяет вопрос о праве категорий от вопроса о праве понятий разума, делая различие между конститутивным и регулятивным. Это различие можно найти уже в «Систематическом представлении обо всех синтетических основоположениях чистого рассудка», когда Кант различает «динамические основоположения как чисто регулятивные принципы созерцания в отличие от математических основоположений, которые конститутивны в отношении созерцания» (А 664 / В 692; Кант, 2006а, с. 849). Таким образом, Кант вводит два разных различия: математические и динамические категории, или основоположения рассудка, и конститутивное и регулятивное применение разума (там же). Соответственно, регулятивные принципы разума отличаются не только от математических основоположений, но и от динамических. Динамические основоположения рассудка не конструктивны, в отличие от математических, но тем не менее конститутивны. Понятия разума — это «регулятивные основоположения» (А 666 / В 694; Кант, 2006а, с. 851), поскольку они не основаны на рассудочных схемах, а следовательно, не относятся к «предмету *in concreto*» (А 664 / В 692; Кант, 2006а, с. 849)⁸.

Кант использует определенный структурный элемент «Трансцендентальной аналитики», но применяет его другим способом для прояснения другой и новой проблемной области. Что же касается кантовской ссылки в А 663–664 / В 691–692 на уже доказанное утверждение, принципы однородности, спецификации и непрерывности отличаются от обоих типов категорий, а следовательно, трансцендентальная дедукция невозможна⁹.

⁸ Более подробный анализ различия между конститутивным и регулятивным или математическим и динамическим принципами в «Критике чистого разума» см.: (Birken-Bertsch, 2015, S. 1264–1266; Willaschek, 2018, p. 107–119).

⁹ Более того, во второй части «Приложения» Кант ссылается на «Трансцендентальную аналитику», выражая дедукцию понятий разума через ее отличие от дедукции категорий: «...должна быть вполне возможна их дедукция — при условии, что она далеко отклоняется от той дедукции, которую можно допустить в отношении категорий» (А 670 / В 698; Кант, 2006а, с. 855).

edly creates systematic references to the concepts of understanding in the “Transcendental Analytic”, but constantly modifies the regulative use of reason and changes its systematic meaning – suggests that Kant is rejecting a transcendental deduction of the principles of reason in the passage A 663-664 / B 691-692 in relation to the transcendental deduction of the concepts of understanding. In this sense, he even refers in the following paragraph to the “Transcendental Analytic”: Therein he separates the question of the lawfulness of the categories from the question of the lawfulness of the concepts of reason by distinguishing between *constitutive* and *regulative*. This is a differentiation which can already be found in the “Systematic Representation of all Synthetic Principles of Pure Understanding”, when Kant distinguishes “the dynamical ones, as merely regulative principles of intuition, from the mathematical ones, which are constitutive in regard to intuition” (*KrV*, A 664 / B 692; Kant, 1998, p. 602). By this means Kant introduces two separate differentiations: mathematical and dynamical categories or rather principles of understanding, and the constitutive and regulative use of reason (*ibid.*). Accordingly, regulative principles of reason not only differ from mathematical principles, but also from dynamic ones. The dynamic principles of understanding are not *constructive* like the mathematical ones, but are nevertheless constitutive. The concepts of reason are “regulative principles” (*KrV*, A 666 / B 694; Kant, 1998, p. 603), because they are not based on a schema of the understanding, and therefore do not refer to an “object in *concreto*” (*KrV*, A 664 / B 692; Kant, 1998, p. 602).⁸

Kant uses a specific structural element of the “Transcendental Analytic” but applies it in a different way to clarify another and new problem area. With regard to Kant’s reference to the *already proven argument* from A 663-664 / B 691-692, the principles of homogeneity, specification, and continuity differ from both types of categories, therefore, a transcendental deduction is not possible.⁹

⁸ For a closer analysis of the distinction between constitutive and regulative or mathematical and dynamical principles in the *Critique of Pure Reason* see Birken-Bertsch, 2015, pp. 1264-1266; Willaschek, 2018, pp. 107-119.

⁹ Furthermore, in the second part of the “Appendix”, Kant also refers to the “Transcendental Analytic” by expressing a deduction of the concepts of reason only in explicit distinction to the deduction of the categories: From the ideas of reason “a deduction [...] must definitely be possible, granted that it must also diverge quite far from the deduction one can carry out in the case of the categories” (*KrV*, A 670 / B 698; Kant, 1998, p. 605).

3.2. Первая книга «Трансцендентальной диалектики» как возможный источник

Хотя «Трансцендентальная аналитика» и является возможным источником, различие между статусом понятий рассудка и статусом понятий разума не отвечает на вопрос о том, каким образом Кант уже показал невозможность достижения дедукции понятий разума. Если вся «Трансцендентальная аналитика» не может считаться доказательством, нам следует вернуться к первой книге «Трансцендентальной диалектики» в поисках определенного источника¹⁰. Только здесь Кант в явном виде делает набросок отрицания дедукции понятий разума. Из этого следует, что формулировка «как это было доказано выше» (A 664 / B 692; Кант, 2006а, с. 849) должна отсылать нас именно к следующему фрагменту. Кант пишет:

Собственно, объективная дедукция этих трансцендентальных идей в отличие от дедукции категорий невозможна. В самом деле, эти идеи не имеют отношения ни к какому объекту, который мог бы быть дан им адекватно, именно потому, что они суть только идеи. Но субъективное выведение идей из природы нашего разума мы могли предпринять и уже осуществили *в настоящем разделе*¹¹ (A 336 / B 393; Кант, 2006а, с. 503).

В этом фрагменте Кант, ссылаясь на категории, отрицает дедукцию идей. Это вновь поддерживает ранее развитую аргументацию и контекстуализацию «Трансцендентальной аналитики». Однако такая формулировка создает довольно много текстуальных проблем для анализа: в поисках того, на что дается ссылка во фрагменте A 771 / B 799 (Кант, 2006а, с. 973), внимание было обращено на фрагмент A 336 / B 393. В нем нужно прояснить еще одну ссылку, если мы хотим достичь адекватного понимания. Что Кант

¹⁰ Во «Введении» и в «первой книге» «Трансцендентальной диалектики» Кант вводит, в частности, идеи Бога, мира и души, но также и формулирует логические вопросы, имеющие значение для «второй книги», «Приложения», а значит, и для принципов однородности, спецификации и непрерывности.

¹¹ Курсив мой. В переводе Кемп-Смита — «in the present chapter», в Akademie-Ausgabe — «im gegenwärtigen Hauptstücke».

3.2. The “First Book” of the “Transcendental Dialectic” as Possible Reference Point

Although the “Transcendental Analytic” is a possible reference point, the distinction between the status of the concepts of understanding and the status of the concepts of reason does not answer the question how Kant has already shown that a deduction of the concepts of reason cannot be achieved. If the entire “Transcendental Analytic” cannot be regarded as proof, we have to go back to the “first book” of the “Transcendental Dialectic” to find a definite reference point.¹⁰ Only here does Kant explicitly draft a rejection of a deduction of the concepts of reason. Hence, the formulation “as has been proved above” (KrV, A 664 / B 692; Kant, 1998, p. 602) must refer to this passage. Kant writes:

No *objective deduction* of these transcendental ideas is really possible, such as we could provide for the categories. For just because they are ideas, they have in fact no relation to any object that could be given congruent to them. But we can undertake a subjective introduction to them from the nature of our reason, and this is to be accomplished *in the present section* [here italics is mine. – R.M. Kemp Smith: “in the present chapter”; Akademie-Ausgabe: “im gegenwärtigen Hauptstücke”] (KrV, A 336 / B 393; Kant, 1998, pp. 406-407).

With reference to the categories, Kant also rejects in this passage a deduction of ideas. This again supports the previously developed argumentation and contextualisation with the “Transcendental Analytic”. However, this formulation causes quite a few other text-related problems for the analysis: In search of the reference of A 771 / B 799, attention was drawn to passage A 336 / B 393. At this point, a further reference has to be clarified in order to achieve an adequate understanding. What is Kant referring to when he writes “in the present chapter” (KrV, A 336 / B 393; Kant, 1929, p. 324)?¹¹

¹⁰ In the “Introduction” and the “first book” of the “Transcendental Dialectic”, Kant introduces in particular the ideas of God, world, and soul, but formulates also logical considerations with significance for the “second book”, the “Appendix”, and thus the principles of homogeneity, specification, and continuity.

¹¹ It must be stressed that Guyer and Wood do not translate Kant’s reference adequately. They make a correction in their translation which simply passes over the problem of the open

имеет в виду, когда пишет «в настоящей главе»¹² (A 336 / B 393; Kant, 1929, p. 324)¹³?

Проблема со ссылкой на «главу» («Hauptstück») в том, что «первая книга» «Трансцендентальной диалектики», в которой Кант намерен произвести «субъективное выведение» (*KrV*, A 336 / B 393; Кант, 2006а, с. 503) идей, разделена на «части», а не на «главы», как можно было бы подумать, исходя из текста этого фрагмента. Поэтому вопрос заключается в том, куда ведет данная ссылка.

Для решения этих проблем интерпретации возможны три стратегии. Наша цель здесь — прояснить факт невозможности трансцендентальной дедукции принципов разума в ходе размышлений над вопросами редакции.

Первый подход (1) к решению этой проблемы — принять, что термин «глава» («Hauptstück») является не более чем опiskой или ошибкой печати. Канту нужно было только написать «настоящий раздел» («gegenwärtiger Abschnitt») вместо «глава» («Hauptstück»). Такое решение кажется наиболее простым, поскольку требует минимальных правок. Другое подтверждение этой гипотезы — тот факт, что такая же вводящая в заблуждение ссылка встречается в этом фрагменте несколько раз, в частности в A 309 / B 366¹⁴ и A 335 / B 392¹⁵. Однако эта повторяющаяся ошибка может также быть следствием того, что «Критика чистого разума» писалась Кан-

¹² В современном русском переводе (Кант, 2006а) «Hauptstück» в названиях глав и в ссылках на те или иные главы переводится как «глава», в остальных случаях — как «раздел». Но так же, то есть как «раздел», переводится и слово «Abschnitt». Далее в сносках, описывающих особенности английских переводов, будет даваться дословный перевод на русский той или иной версии обсуждаемого автором английского перевода. — *Примеч. пер.*

¹³ Следует подчеркнуть, что Гайер и Вуд неадекватно перевели ссылку Канта. В своем переводе они делают исправление, не принимая во внимание проблему открытой ссылки. Гайер и Вуд переводят немецкое «im gegenwärtigen Hauptstücke» (A 336 / B 393) из *Akademie-Ausgabe*, совпадающего с оригинальным изданием Харткноха (Кант, 1781), как «в настоящем разделе» (Кант, 1998, p. 407). Более того, в переводе Гайера и Вуда задача субъективного выведения выражается так: «это будет совершено в настоящем разделе», в то время как Кант использует прошедшее время, когда пишет по-немецки: «...уже осуществили в настоящем разделе». В то же время Кемп-Смит переводит эту фразу как «в настоящей главе» (Кант, 1929, p. 324); см. также издание под ред. М. Вайгельта (Кант, 2007, p. 312). Такой перевод имеет преимущество, так как различает, подобно Канту, «Hauptstück» и «Abschnitt». По этой причине в дальнейшем анализе мы будем использовать именно его.

¹⁴ Во фрагменте A 309 / B 366 Вуд и Гайер переводят «Hauptstücke» как «главные части» (Кант, 1998, p. 393).

¹⁵ Во фрагменте A 335 / B 392 Вуд и Гайер вновь переводят термин «Hauptstück» как «раздел» («Abschnitt»), таким образом опять отклоняясь от оригинала.

The problem of the reference “chapter” (“Hauptstück”) is that the “first book” of the “Transcendental Dialectic”, in which Kant pretends to make a “subjective introduction” (*KrV*, A 336 / B 393; Kant, 1998, p. 406) of the ideas, is divided into “sections”, and not “chapters”, as Kant asserts in this passage. For this reason, the question is where does the reference lead?

In order to resolve these interpretational difficulties, three strategies are possible. The aim in this is to clarify the fact of the impossibility of a transcendental deduction of the principles of reason in an editorial reflection.

The first possibility (i) to solve these inconsistencies is to qualify the term “chapter” (“Hauptstück”) as simply a printing or writing error. Kant should have written or printed the “present section” (“gegenwärtiger Abschnitt”) instead of “chapter” (“Hauptstück”). This solution seems to be the most common because it demands merely marginal corrections. A contrary indication of this hypothesis is the fact that the same misleading reference occurs several times in this passage, particularly in A 309 / B 366¹² and A 335 / B 392.¹³ However, this repeated mistake could also be a consequence of the fact that Kant wrote the *Critique of Pure Reason* at great speed (see the letter to C. Garve from 7 August 1883, and to M. Mendelssohn from 16 August 1783 in: *Br*, AA 10, pp. 336-347). To sum up, hypothesis (i) is plausible but some inconsistencies remain. If, for this reason, hypothesis (i) is not considered as an *ultima ratio*, other possible interpreta-

reference. Guyer and Wood translate the German “im gegenwärtigen Hauptstücke” (*KrV*, A 336 / B 393) from the *Akademie-Ausgabe*, which corresponds with the original edition of Hartknoch (Kant, 1781), as “in the present section” (Kant, 1998, p. 407). Moreover, in the Guyer / Wood translation the task of the subjective introduction is expressed as “this is to be accomplished in the present section,” whereas Kant uses the past tense, when he writes in German “*die ist im gegenwärtigen Hauptstücke auch geleistet worden.*” In contrast, Kemp Smith translates this phrase into “in the present chapter” (Kant, 1929, p. 324; see also the edition of Weigelt: Kant, 2007, p. 312). This translation has the advantage of emphasising Kant’s distinction between the German terms “Hauptstück” and “Abschnitt”. For this reason, the translation of Kemp Smith is used in the following analysis.

¹² In passage A 309 / B 366, Wood and Guyer translate “main parts” for the German “Hauptstücke” (Kant, 1998, p. 393).

¹³ In passage A 335 / B 392, Wood and Guyer again translate the term “Hauptstück” as “section” (“Abschnitt”), and thus not in accordance with the German original.

том очень быстро (см. письма к К. Гарве от 7 августа 1783 г. и к М. Мендельсону от 16 августа 1783 г., AA 10, S. 336–347). В итоге гипотеза (1) правдоподобна, но остаются некоторые несоответствия. Если по этой причине гипотеза (1) не рассматривается как *ultima ratio*, то возникают и должны приниматься во внимание другие возможные интерпретации, которые хотя и имеют свои недостатки, но все же позволяют нам взглянуть на эту проблему иначе.

Другая возможность (2) заключается в том, что структура «Трансцендентальной диалектики» с ее двумя книгами, вторая из которых разделена на три «главы» («Hauptstücke»), коррелирует с предыдущим делением всей «Трансцендентальной диалектики» на две «главы» / «главные части» («Hauptstücke»). Эта гипотеза подтверждается «Введением в трансцендентальную диалектику», в котором *вопросы, рассматриваемые* «Трансцендентальной диалектикой», характеризуются следующим образом, разделяясь на две части: «Вот вопросы, которые мы хотим рассматривать в трансцендентальной диалектике, исходя из ее источников, глубоко скрытых в человеческом разуме. Мы разделим эту диалектику на два главных раздела¹⁶: в первом из них мы исследуем *трансцендентные понятия* чистого разума, а во втором — *трансцендентные и диалектические умозаключения* чистого разума» (A 309 / B 366; Кант, 2006а, с. 473).

В этом описании структуры «Трансцендентальной диалектики» Кант делает различие не между «двумя книгами», из которых она в действительности состоит, но между «двумя главными частями». Однако это деление на две части совпадает с делением на две книги. Таким образом, «первая книга» соответствует «Понятиям чистого разума», а «вторая книга» — «Диалектическим умозаключениям чистого разума». Этим поддерживается высказанное выше предположение о том, что в поздней редакции Кант изменил заголовки «первой» и «второй главной части» на «первую» и «вторую книги», но не адаптировал остальной текст к этой правке. Формулировка «в настоящей главе» во фрагменте A 336 / B 393 третьей части первой книги вполне может относиться к этому, более раннему, делению¹⁷.

Дальнейшее подтверждение такой правки мы можем найти в третьей части первой книги: «Какие виды (*modi*) чистых понятий разума принадлежат к этим трем разрядам всех трансцендентальных

tions arise and can be taken into account. Although these alternative solutions involve other difficulties, they also allow the problem to be seen from a new perspective.

Another possibility (ii) is that the structure of the “Transcendental Dialectic” with its two “books”, of which the second is divided into three “chapters” (“Hauptstücke”), correlates with a previous classification of the entire “Transcendental Dialectic” into two “chapters” / “main parts” (“Hauptstücke”). This hypothesis is proven by the “Introduction” to the “Transcendental Dialectic”, in which the *concern* of the “Transcendental Dialectic” is characterised as follows and divided into two main parts: “All this will be our concern in the transcendental dialectic, which we will now develop from its sources hidden deep in human reason. We will divide it into two main parts, the *first* of which will treat of the *transcendent concepts* of pure reason, and the *second* of reason’s transcendent and *dialectical inferences* of reason” (KrV, A 309 / B 366; Kant, 1998, p. 393).

In this explanation of the structure of the “Transcendental Dialectic”, Kant does not differentiate between “two books”, of which the “Transcendental Dialectic” is in fact composed, but between “two main parts”. Nevertheless, these “main parts” coincide with the division into “two books”. Thus, the “first book” broaches the issue of the “Concept of Pure Reason” and the “second book” the “Dialectical Inferences of Pure Reason”, as the headings express. This strengthens the above-mentioned suspicion that in a later revision, Kant transformed the main headings of the “first” and “second main part” of the “Transcendental Dialectic” into “first” and “second book”, but did not adapt the details of the text to this correction. The formulation “in the present chapter [Hauptstücke]” in the text passage A 336 / B 393 in the “third section” of the “first book” might therefore refer to this earlier division.¹⁴

Further proof of such a correction can also be found in the “third section” of the “first book”: “What *modi* of pure rational concepts stand under these three titles of transcendental ideas will be fi-

¹⁶ Так в русском переводе. Точнее: «на две главные части». — *Примеч. пер.*

¹⁷ Будь это на самом деле так, последующие исправления, сделанные Вудом и Гайером, были бы оправданны.

¹⁴ If this were the case, it would also justify the tacit subsequent correction by Wood and Guyer.

идей, о том будет подробно сказано в следующем разделе»¹⁸ (A 335 / B 392; Кант, 2006а, с. 503)¹⁹.

Проблема даваемой Кантом ссылки в том, что упомянутые здесь трансцендентальные идеи обсуждаются не в следующей части, а в следующих трех «главных частях» (множественное число) второй книги. Единственное число в немецкой формулировке «in dem folgenden Hauptstücke» (A 335 / B 392) в *Akademie-Ausgabe* подтверждает гипотезу о том, что Кант лишь частично пересмотрел структуру «Трансцендентальной диалектики»²⁰.

Интерпретация (2) представляется целиком правдоподобной²¹, но не решает все проблемы фрагмента A 336 / B 393. В частности, подобное предположение, согласно которому дело лишь в путанице между «книгой» и «главной частью» или «главой», находится в конфликте с тем фактом, что это лишь предположение невозможности, а не доказательство, что трансцендентальная дедукция идей невозможна.

Более того, на самом деле фрагмент A 336 / B 393 представляет собой что-то вроде инородного тела в тексте третьего раздела первой книги. В предыдущих абзацах Кант развивал гипотетический и дизъюнктивный силлогизмы, к которым вновь возвращается в первом же предложении следующего абзаца: «Нетрудно заметить, что чистый разум имеет своей целью не что иное, как абсолютную тотальность синтеза на стороне условий (будь это отношение присущности, или зависимости, или конкуренции)» (A 336 / B 393; Кант, 2006а, с. 503–505). Соответственно, фрагмент A 336 / B 393 вводит совершенно новую тему в текст, который в остальном логически последователен, а именно — проблему объективной дедукции и субъективного вывода. Таким образом, интерпретация (2) позволяет решить филологические и редакционные проблемы ссылки «в настоящей главе [Hauptstücke]» из фрагмента A 336 / B 393, но не касается проблем содержания, поскольку доказательство здесь не может быть найдено. Фрагмент A 663–664 / B 691–692 «Приложения к трансцендентальной диалек-

nally displayed in the following sections [*Akademie-Ausgabe*: “in dem folgenden Hauptstücke”]” (*KrV*, A 335 / B 392; Kant, 1998, p. 406).¹⁵

The problem of Kant’s reference is that the transcendental ideas mentioned here are not treated in the following main part, but in the next three “main parts” (plural) of the “second book”. The singular in the German formulation, “in dem folgenden Hauptstücke” (*KrV*, A 335 / B 392) of the *Akademie-Ausgabe* strengthens the hypothesis that Kant has only partially revised the structure of the “Transcendental Dialectic”.¹⁶

Such an interpretation (ii) appears to be entirely plausible,¹⁷ but does not solve all the problems and questions of passage A 336 / B 393. In particular, such an interpretation of a mere confusion between “book” and “main part” respectively “chapter” is in conflict with the fact that this is rather an assertion of impossibility, not a proof that a transcendental deduction of ideas is not possible.

Furthermore, it is a fact that passage A 336 / B 393 builds a kind of foreign body in the text of the “third section” of the “first book”: In the preceding paragraphs, Kant develops the hypothetical and disjunctive syllogism and refers again to this issue in the first sentence of the following paragraph: “We easily see that pure reason has no other aim than the absolute totality of synthesis on the side of conditions (whether they are conditions of inherence, dependence, or concurrence)” (*KrV*, A 336 / B 393; Kant, 1998, p. 407). Accordingly, passage A 336 / B 393 introduces a completely different topic in an otherwise coherent text, namely the problem of the objective deduction and the subjective introduction. Thus, interpretation (ii) solves the philological and editorial difficulties of the reference “in the present chapter [Hauptstücke]” (*KrV*, A 336 / B 393; Kant, 1929, p. 324), but does not touch on the content-related problems, because a proof cannot be found

¹⁸ В *Akademie-Ausgabe* — «in dem folgenden Hauptstücke».

¹⁹ Вуд и Гайер переводят «Hauptstücke» в этом фрагменте как «разделы», вновь отклоняясь от немецкого оригинала. В дополнение к неправильному термину они ставят его во множественное число, в то время как в оригинале стоит единственное.

²⁰ Кемп-Смит передал это лучше, переведя «in dem folgenden Hauptstücke» более дословно: «в следующей главе» (Kant, 1929; A 335 / B 392).

²¹ Похоже, что Гайер и Вуд имплицитно предполагают верным именно это решение.

¹⁵ Wood and Guyer translate the term “Hauptstücke” in this passage as “sections” (“Abschnitte”), independently and again not according to the German original. In addition to the wrong term, the Kantian original stands in the singular, whereas Guyer and Wood use a plural.

¹⁶ A better translation is again given by Kemp Smith, who writes more literally “the following chapter” (Kemp Smith, 1929, A 335 / B 392) for the formulation “in dem folgenden Hauptstücke”.

¹⁷ Apparently, Guyer and Wood implicitly assume this solution in their tacit correction.

тике» дает, однако, ссылку на это доказательство невозможности трансцендентальной дедукции принципов разума посредством фразы «как это было доказано выше» (A 664 / B 692; Кант, 2006а, с. 849). Решение (2) не справляется со структурными и систематическими трудностями, или, по крайней мере, адекватное решение этих проблем пока не найдено.

По этой причине можно дать еще одну интерпретацию (3) формулировки «в настоящей главе [Hauptstücke]» (A 336 / B 393; Кант, 2006а, с. 503): возможно, Кант использует такую формулировку, поскольку фрагмент изначально находился в другой части «Трансцендентальной диалектики». С точки зрения структурного и тематического строения «Трансцендентальной диалектики» расположение его в конце главы «Идеал чистого разума» выглядело бы вполне убедительно (Zocher, 1958, S. 46). Там Кант подводит итоги, уже ссылаясь на «Приложение к трансцендентальной диалектике»: он утверждает, что «для чистого спекулятивного употребления разума *высшее существо* остается только идеалом, однако безукоризненным идеалом, понятие которого завершает и увенчивает все человеческое познание и объективную реальность которого этим путем, правда, нельзя доказать, но и нельзя также опровергнуть» (A 641 / B 669; Кант, 2006а, с. 823). Согласно этому предположению, ссылка «в настоящей главе [Hauptstücke]» (A 336 / B 393; Кант, 2006а, с. 503) относится к третьей главе (Hauptstück), которая называется «Идеал чистого разума». Таким образом (а) могут будут прояснены филологические сложности, поскольку термин «глава» («Hauptstück») относится к «третьей части» второй книги. Более того, (б) ссылка на доказательство в формулировке «как это было доказано выше» (A 664 / B 692; Кант, 2006а, с. 849) стала бы понятнее по двум причинам: во-первых, расстояние между ссылками сократилось бы с трехсот страниц до двадцати пяти, а во-вторых, отрицание дедукции принципов разума из фрагмента A 663–664 / B 691–692 можно было бы отнести к тройному опровержению трансцендентальных иллюзий в трех «главах» («Hauptstücke») второй книги «Трансцендентальной диалектики», прежде всего к третьей главе. В таком случае утверждение о доказательстве было бы оправданным, поскольку доказательство заключается в том факте, что понятия разума суть лишь *мысленные понятия*, а следовательно, они не могут быть ограничены в применении явлениями, подобно категориям. Три главы

therein. Passage A 663-664 / B 691-692 of the “Appendix to the Transcendental Dialectic”, however, refers with the phrase “as has been proved above” (KrV, A 664 / B 692; Kant, 1998, p. 602) to such a proof of the impossibility of a transcendental deduction of the principles of reason. Thus, solution (ii) does not affect the architectural and systematic difficulties, or at least an adequate solution for these problems has not yet been found.

For this reason, a further interpretation (iii) of the formulation “in the present chapter [Hauptstücke]” (KrV, A 336 / B 393; Kant, 1929, p. 324) can be given: Kant possibly uses this formulation because the passage was originally positioned in a different part of the “Transcendental Dialectic”. With regard to the structural and thematic construction of the “Transcendental Dialectic”, a position at the end of “The Ideal of Pure Reason” would be plausible (Zocher, 1958, p. 46). There Kant sums up already referring to the “Appendix to the Transcendental Dialectic”, that the *highest being* is for the “speculative use of reason a mere but nevertheless faultless ideal, a concept which concludes and crowns the whole of human cognition, whose objective reality cannot of course be proved on this path, but also cannot be refuted” (KrV, A 641 / B 669; Kant, 1998, p. 589). According to this assumption, the reference “in the present chapter [Hauptstücke]” (KrV, A 336 / B 393; Kant, 1929, p. 324) would refer to the third “chapter” (“Hauptstück”) of “The Ideal of Pure Reason”. Thereby a) the philological difficulties would be clarified, because the term “chapter” (“Hauptstück”) refers to the “third part” of the “second book”. Moreover b), the reference to a proof in the formulation “as has been proved above” (KrV, A 664 / B 692; Kant, 1998, p. 602), would also be more comprehensible for two reasons: First, the spacing between the references would not be 300 pages, but only around 25. Second, the rejection of a deduction of the principles of reason from passage A 663-664 / B 691-692 could refer to the threefold refutation of the transcendental illusion in the three “chapters” (“Hauptstücke”) of the “second book” of the “Transcendental Dialectic”, especially the third. In this case, the claim of the proof would be justified because the proof consists in the fact that the concepts of reason are mere *concepts of thought*, and therefore they cannot be restricted to appearances

(Hauptstücke) «второй книги» прояснили это в отношении понятий Бога, мира и души²².

Итак, гипотеза (1) предлагает решение, не требующее глубокого филологического исследования, и потому представляет собой правдоподобный ответ на поставленный вопрос. Однако если поинтересоваться другими возможностями, отличными от гипотезы (1), то гипотезы (2) и (3) оказываются вполне допустимыми вариантами, в частности потому, что не все филологические проблемы решаются первой гипотезой. Гипотезы (2) и (3) показывают, что отрицание трансцендентальной дедукции принципов разума формулируется в связи с трансцендентальной дедукцией понятий рассудка. Даже если интерпретация (3) сопровождается более глубоким филологическим исследованием композиции текста «Трансцендентальной диалектики», чем (2), ее преимущество заключается в том, что она явно имеет отношение к тройному опровержению трансцендентальных иллюзий, которое можно рассматривать как искомое доказательство²³. Общий знаменатель всех трех интерпретаций следующий: в сравнении с трансцендентальной дедукцией категорий трансцендентальная дедукция понятий разума невозможна. Тем не менее все эти аргументы не исключают возможность фундаментального обоснования понятий разума.

Чтобы прояснить эту открытую возможность, необходимо проблематизировать аргумент из фрагмента А 336 / В 393 в более детальном и содержательном ключе. Это позволит понять отрицание Кантом возможности трансцендентальной дедукции принципов однородности, спецификации и непрерывности и найти дополнительные аргументы в пользу интерпретации (3).

4. Субъективное выведение и его многозначность

Фрагмент А 336 / В 393 выступает посредником между различными исследовательскими интере-

²² Более того, следует заметить, что структура «Трансцендентальной диалектики» не позволяет решить, к какой именно ее части относится «Приложение». Оно может быть приложением ко всей «Трансцендентальной диалектике» либо к только к «Идеалу чистого разума». Это становится очевидным в оглавлении: в немецком академическом издании «Приложение» указывается как приложение к «Идеалу чистого разума», в то время как в кембриджском издании тот же самый текст указан как приложение ко всей «Трансцендентальной диалектике».

²³ Невозможно однозначно принять или отвергнуть ни одну из этих интерпретаций. По этой причине оставленное без комментариев исправление в переводе Гайера и Вуда не только игнорирует проблему, но и сопровождается принятием определенных интерпретативных предубеждений.

like the categories. The three “chapters” (“Hauptstücke”) of the “second book” have clarified this with the concepts of God, world, and soul.¹⁸

To sum up, hypothesis (i) constitutes a solution, which does not need a deep philological investigation, and is therefore a plausible answer. However, if one asks for further possibilities beyond hypothesis (i), then hypotheses (ii) and (iii) prove to be conceivable varieties, in particular because not all philological problems are solved with this hypothesis. Hypotheses (ii) and (iii) have shown that the rejection of the transcendental deduction of the principles of reason is formulated in reference to the transcendental deduction of the concepts of understanding. Even if interpretation (iii) is accompanied by a deeper philological intervention in the textual design of the “Transcendental Dialectic” than the second one (ii), its advantage is that it refers explicitly to the threefold refutation of the transcendental illusion, which can be seen as the argument that is being sought.¹⁹ The common denominator of all three interpretations is the following: A transcendental deduction of the concepts of reason is not possible compared with the transcendental deduction of the categories. Nevertheless, all these arguments do not exclude the possibility of a fundamental justification of the concepts of reason.

To clarify this open possibility, it is necessary to problematise the argument from A 336 / B 393 in a more detailed content-related way in order to understand Kant’s rejection of the possibility of a transcendental deduction of the principles of homogeneity, specification, and continuity. In the course of this, further reasons for interpretation (iii) can be found.

4. The Subjective Introduction and its Ambiguous Meanings

Passage A 336 / B 393 builds an interface be-

¹⁸ Furthermore, it should be noted that the architectonic structure does not allow a decision on which part of the “Transcendental Dialectic” the “Appendix” is related to. It could be the appendix to the entire “Transcendental Dialectic”, the “second book”, or merely the “Ideal of Pure Reason”. This becomes obvious in the table of contents: In the *Akademie-Ausgabe*, the “Appendix” is listed as an appendix to the “Ideal of Pure Reason”, whereas in the Cambridge-Edition, the same text passage is listed as an appendix to the entire “Transcendental Dialectic”.

¹⁹ No clear decision for or against any one of these lines of interpretation can be made. For this reason, the tacit correction of Guyer and Wood not only ignores the problem but is also accompanied by an acceptance of interpretive preconditions.

сами в «Критике чистого разума». Таким образом, он создает точку накопления открытых вопросов относительно интерпретации «Критики чистого разума».

Исследователи ссылаются на него (Klemme, 1996, S. 142; Carl, 1992, S. 53–54, Moledo, 2015, S. 418–429) начиная с изучения трансцендентальной дедукции категорий и различения субъективной и объективной дедукции в «Предисловии». Более того, этот фрагмент встроен в просиллогистическое выведение идей, осуществляемое во «Введении» и в первой книге «Трансцендентальной диалектики», а следовательно, находится с ним в тесной связи (Klimmek, 2005, S. 10–12; Pissis, 2012, S. 65–67; Engelhard, 2005, S. 29–30; Allison, 2003, p. 320–321). В дополнение к уже показанному выше хорошо известно, что фрагмент А 336 / В 393 тесно связан с «Приложением к трансцендентальной диалектике». В контексте дискуссии о возможности трансцендентальной дедукции в «Приложении к трансцендентальной диалектике» он практически неизвестен – существует только несколько разбросанных ссылок (Zocher, 1958, S. 45–46). Напротив, в исследованиях первой книги интерпретаторы действительно ссылаются на ее связь с «Приложением к трансцендентальной диалектике» (Willaschek, 2018, p. 167–186; Klimmek, 2005, S. 10–12; Engelhard, 2005, S. 29–30).

Чтобы прояснить связь между фрагментами А 336 / В 393 и А 663–664 / В 691–692 вне рамок размышлений о редактуре первой «Критики», нам необходимо рассмотреть проводимое Кантом в этом фрагменте первой книги трехчастное разделение на субъективное выведение, объективную дедукцию и субъективную дедукцию. Все три понятия проблематичны и включают в себя различные предпосылки.

4.1. Иностранное тело в первой книге «Трансцендентальной диалектики»

Кажется очевидным, что Кант использует термин «субъективное выведение» (А 336 / В 393; Кант, 2006а, с. 503) как понятие, относящееся к просиллогистическим производным от идей разума. Это подтверждается тем фактом, что в немецком академическом издании термин «введение» (*Anleitung*) заменен на «выведение» (*Ableitung*) следуя правке, внесенной Георгом Самюэлем Альбертом Мелли-

тween different research interests in the *Critique of Pure Reason*. Thus, it constitutes an accumulation point for open questions in the interpretation of the *Critique of Pure Reason*.

Starting from the investigations of the transcendental deduction of the categories and the distinction between subjective and objective deduction in the “Preface”, researchers refer to the above-mentioned text passage (Klemme, 1996, p. 142; Carl, 1992, pp. 53-54; Moledo, 2015, pp. 418-429). Moreover, the text passage is embedded in the prosyllogistic derivation of the ideas introduced in the “Introduction” and the “first book” of the “Transcendental Dialectic”, and is therefore also closely related to it (Klimmek, 2005, pp. 10-12; Pissis, 2012, pp. 65-67; Engelhard, 2005, pp. 29-30; Allison, 2003, p. 320-321). In addition and as already shown above, it is well-established that passage A 336 / B 393 is closely related to the “Appendix to the Transcendental Dialectic”. In the context of the discussion concerning the possibility of the transcendental deduction in the “Appendix to the Transcendental Dialectic”, this connection is almost unknown – there are only scattered references by some authors (Zocher, 1958, pp. 45-46). Conversely, in studies on the “first book”, interpreters do refer to the connection with the “Appendix to the Transcendental Dialectic” (Willaschek, 2018, pp. 167-186; Klimmek, 2005, pp. 10-12; Engelhard, 2005, pp. 29-30).

To clarify the connection of the passage A 336 / B 393 to passage A 663-664 / B 691-692 beyond the editorial reflections, it is necessary to examine Kant’s three-part differentiation between subjective introduction, objective deduction, and subjective deduction in this passage of the “first book”. All three concepts are highly problematic and include different preconditions.

4.1. A Foreign Body in the “First Book” of the “Transcendental Dialectic”

It seems to be most obvious that Kant uses the term “subjective introduction” (*KrV*, A 336 / B 393; Kant, 1998, p. 406) as a concept, which refers to the prosyllogistic derivation of the ideas of reason. This is strengthened by the fact that in the *Akademie-Ausgabe* the term “introduction” (*Anleitung*) is replaced by “derivation” (*Ableitung*) following a correction introduced by George Samuel Albert Mellin (1794,

ном (1794, S. 393)²⁴. «Выведение» напоминает нам о методичном процессе метафизической дедукции в «О логической функции рассудка в суждениях». Сам Кант подчеркивает эту параллель, указывая, что он выводит понятия разума по примеру понятий рассудка из их логической структуры — в «Трансцендентальной аналитике» в отношении форм суждений, а в «Трансцендентальной диалектике» в отношении трех фигур силлогизма:

Трансцендентальная аналитика дала нам пример того, как одна лишь логическая форма нашего познания может быть источником чистых понятий *a priori*, которые до всякого опыта дают представления о предметах или, вернее, указывают синтетическое единство, причем именно это единство делает возможным эмпирическое познание предметов. Форма суждений (превращенная в понятие о синтезе созерцаний) дает нам категории, направляющие употребление рассудка в опыте. Точно так же мы можем ожидать, что форма умозаключений, если применить ее к синтетическому единству созерцаний сообразно категориям, окажется источником особых понятий *a priori*, которые мы можем назвать чистыми понятиями разума, или трансцендентальными идеями (A 321 / B 377–378; Кант, 2006а, с. 487).

Более того, тот факт, что субъективное выведение следует *предпринимать* «из природы нашего разума» (A 336 / B 393; Кант, 2006а, с. 503), отсылает нас к началу «третьего раздела», то есть к фрагменту A 333 / B 390, в котором Кант резюмирует выведение следующим образом: «Из естественного отношения, которое должно существовать между трансцендентальным и логическим употреблением нашего познания... мы почерпнули то, что имеется только три вида диалектических выводов» (A 333 / B 390; Кант, 2006а, с. 501). Еще одно указание на то, что во фрагменте A 336 / B 393 Кант имеет в виду выведение идей, можно найти спустя три страницы, где он пишет: «Пока что мы своей цели достигли: трансцендентальные понятия разума... мы вывели из этого двусмысленного положения; мы указали источник их и на основании этого также их определенное число» (A 338 / B 396; Кант, 2006а, с. 507). Это означает, что в последней цитате Кант резюмирует цели фрагмента так же, как и в A 336 / B 393 («могли предпринять и уже осуще-

²⁴ На этом основании Кемп-Смит также переводит этот термин как «выведение» в своем издании «Критики чистого разума» (см. также Кант, 2007) (Современный русский перевод (Кант, 2006а) также следует этой корректуре. — *Примеч. пер.*).

p. 393).²⁰ “Derivation” is reminiscent of the methodical process of the metaphysical deduction of “Logical Function of the Understanding in Judgments”. Kant himself emphasizes this parallel by pointing out that he derives the concepts of reason according to the example of the concepts of understanding out of their logical structure – in the course of the “Transcendental Analytic” in relation to the forms of judgment, and in the course of the “Transcendental Dialectic” with respect to the three syllogistic forms:

The transcendental analytic gave us an example of how the mere logical form of our cognition can contain the origin of pure concepts *a priori*, which represent objects prior to all experience, or rather which indicate the synthetic unity that alone makes possible an empirical cognition of objects. The form of judgments (transformed into a concept of the synthesis of intuitions) brought forth categories that direct all use of the understanding in experience. In the same way, we can expect that the form of the syllogisms, if applied to the synthetic unity of intuitions under the authority of the categories, will contain the origin of special concepts *a priori* that we may call pure concepts of reason or transcendental ideas (*KrV*, A 321 / B 377-378; Kant, 1998, p. 399).

Furthermore, the fact that a subjective introduction should be *undertaken* “from the nature of our reason” (*KrV*, A 336 / B 393; Kant, 1998, p. 407) refers to the beginning of “section three”, i.e. passage A 333 / B 390, in which Kant summarises the derivation as follows: “We have gathered from the natural relation that the transcendental use of our cognition must have [...] that there will be only three species of dialectical inferences” (*KrV*, A 333 / B 390; Kant, 1998, p. 405). A further indicator that Kant has in passage A 336 / B 393 the derivation of the ideas in mind can be found three pages later, when he writes: “We have provisionally reached our end already, since we have removed from this ambiguous position the transcendental concepts of reason, [...] and thereby provided their determinate number” (*KrV*, A 338 / B 396; Kant, 1998, p. 408). That means, Kant summarises in this quotation the aims of this passage similarly to A 336 / B 393 (“this is to be accomplished in the present section”); thereby, it is clear that he is referring to the prob-

²⁰ On this textual basis, Kemp Smith also uses the term “derivation” in his edition of the *Critique of Pure Reason* (see also Weigelt, 2007).

ствили в настоящем разделе»); таким образом, становится ясно, что он ссылается на проблему выведения идей (Willaschek, 2018, p. 182–184).

Однако в отношении идентификации логической формы нашего познания и происхождения чистых понятий нужно подчеркнуть, что термин «метафизическая дедукция» также остается очень неопределенным понятием в «Трансцендентальной аналитике». Только позднее Кант вводит этот термин в параграф 26 второго издания «Критики чистого разума», чтобы обозначить фрагмент В 159.

Нужно также иметь в виду, что субстанциальное различие между понятиями рассудка и понятиями разума остается незамеченным в характеристике просиллогистического выведения идей разума как метафизической дедукции: в отличие от понятий рассудка понятия разума не тождественны логическим функциям, но выводятся из них (Piché, 1984, S. 26; Klimmek, 2005, S. 10–11). Таким образом, понятия разума заключаются, а не даются, подобно понятиям рассудка (A 310 / B 366; Кант, 2006а, с. 475). Метафизическая дедукция, однако, может быть достигнута лишь посредством данных терминов (Klimmek, 2005, S. 11; Pissis, 2012, S. 63; Horstmann, 1997, S. 122). По этой причине локализация метафизической дедукции понятий разума во «Введении» и «первой книге» «Трансцендентальной диалектики» слишком амбициозна (Grier, 2001, p. 132; Malzkorn, 1999, S. 39–41; Zocher, 1958, S. 45).

Несмотря на концептуальные сложности с термином «метафизическая дедукция», в оригинале (Kant, 1781) Кант формулирует не «выведение» (Ableitung), но «введение» (Anleitung)²⁵. Термин «введение» куда меньше напоминает о методическом процессе метафизической дедукции. Более того, вопрос из фрагмента А 336 / В 393 не имеет ничего общего с просиллогистическим выведением идей разума в его трех разных силлогистических формах (Zocher, 1958, S. 45–46; Engelhard, 2005, S. 29–30). Таким образом, простое отождествление понятия «субъективное выведение»²⁶ с метафизической дедукцией идей разума теряет смысл. Вы-

²⁵ Гайер и Вуд правильно воспроизводят этот термин в своем переводе; тем не менее «руководство» было бы более точным переводом. В дополнение стоит отметить, что этот термин не включен в «Kant-Lexikon» (2015).

²⁶ Здесь и везде в данной статье перевод этого словосочетания следует современному русскому переводу, в котором вслед за немецким академическим изданием «subjektive Anleitung» = «субъективное введение» исправлено на «subjektive Ableitung» = «субъективное выведение». — *Примеч. пер.*

lem of the derivation of ideas (Willaschek, 2018, pp. 182-184).

In the identification of the logical form of our cognition and the origin of pure concepts, however, it must be stressed that the term “metaphysical deduction” also forms a very undefined concept in the „Transcendental Analytic“. Kant only subsequently introduces this term in Paragraph 26 of the second edition of the *Critique of Pure Reason* to designate passage B 159.

It must also be kept in mind that a substantial difference between concepts of understanding and concepts of reason remains unnoticed in the characterisation of the prosyllogistic derivation of the ideas of reason as a metaphysical deduction: In contrast to the concepts of understanding, the concepts of reason are not identical with the logical functions, but are inferred from them (Piché, 1984, p. 26; Klimmek, 2005, pp. 10-11). Thus, the concepts of reason are concluded and *not given* like the concepts of understanding (*KrV*, A 310 / B 366; Kant, 1998, p. 394). A metaphysical deduction, however, can only be achieved through given terms (Klimmek, 2005, p. 11; Pissis, 2012, p. 63; Horstmann, 1997, p. 122). For this reason, it is too ambitious to localize a metaphysical deduction of the concepts of reason in the “Introduction” and the “first book” of the “Transcendental Dialectic” (Grier, 2001, p. 132; Malzkorn, 1999, pp. 39-41; Zocher, 1958, p. 45).

Regardless of these conceptual difficulties in the term “metaphysical deduction”, Kant formulates in the original (Kant, 1781) not “derivation” (*Ableitung*) but “introduction” (*Anleitung*).²¹ The term “introduction” is much less reminiscent of the methodical process of a metaphysical deduction. Moreover, the question in passage A 336 / B 393 has nothing in common with the prosyllogistic derivation of the ideas of reason in its three different syllogistic forms (Zocher, 1958, pp. 45-46; Engelhard, 2005, pp. 29-30). It is therefore not useful to make a simple identification of the concept “subjective introduction” with a metaphysical deduction of the ideas of reason. The derivation of a concept concerns rather the *quid-facti* question, which, according to Kant, deals with the “the explanation of the possession of a pure cognition” (*KrV*, A 87 / B 119; Kant, 1998, p. 221), but not

²¹ Guyer and Wood express this term correctly in their translation; nonetheless, “guidance” or “guideline” would be a more literal translation. Additionally, it should be noted that the term is not listed in the Kant-Lexikon (2015) edited by Willaschek *et al.*

ведение понятия относится скорее к вопросу *quid facti*, который, согласно Канту, занимается «объяснением обладания чистым познанием» (А 87 / В 119; Кант, 2006а, с. 189), но не его закономерности. Сравнение объективной дедукции и субъективного выведения, которое мы находим во фрагменте А 336 / В 393, имеет смысл, только если оно относится к трансцендентальной дедукции, темой которой является вопрос *quid juris*, то есть оправдание терминов, ранее отождествленных в рамках вопроса *quid facti* (А 84 / В 117; Кант, 2006а, с. 185–187). Лишь трансцендентальная дедукция обладает двумя сторонами, которые можно назвать объективной и субъективной.

Все это можно рассматривать как довод в пользу того факта, что фрагмент А 336 / В 393 не вписывается в первую книгу «Трансцендентальной диалектики» и, таким образом, усиливает предложенную выше интерпретацию (3). Фрагмент А 336 / В 393 не ссылается на просиллогистическое выведение понятий разума, хотя оно является темой этого раздела, и потому образует своего рода инородное тело в этом тексте.

4.2. Как возможна сама способность мышления?

Во фрагменте А 366 / В 393 Кант негативно высказывается об объективной дедукции и противопоставляет ее субъективному выведению. Таким образом, вопрос заключается в том, как в этом контексте может функционировать терминологическое различие между субъективной и объективной дедукцией как двумя сторонами трансцендентальной дедукции. Кант вводит это различие в «Предисловии» к первому изданию «Критики чистого разума», где пишет, что данное исследование, которое он провел «под заглавием “Дедукция чистых понятий рассудка”» (А XVI; Кант, 2006б, с. 19), имеет две стороны. Согласно кантовскому «достаточно глубоко задуманному исследованию» (там же), объективная дедукция должна раскрыть и объяснить объективную значимость понятий чистого рассудка, в то время как субъективная дедукция задает вопрос: «Как возможна сама способность мышления?» (А XVII; Кант, 2006б, с. 21). Таким образом, контекст, необходимый для обсуждения претензий категорий на объективную значимость, исследован (Carl, 1992, S. 44, 47–54).

Для анализа этого различия в структуре «Трансцендентальной диалектики» стоит заметить, что в ней Кант не перерабатывает его в явном

its lawfulness. The comparison of objective deduction and subjective introduction, as found in passage A 336 / B 393, only makes sense if it refers to a transcendental deduction, in which the *quid-juris* question, i.e. a justification of terms previously identified in the *quid-facti* question (*KrV*, A 84 / B 117; Kant, 1998, p. 220), is thematic. Only a transcendental deduction has two sides, which can be addressed as subjective and objective.

This could be understood as a further reason for the fact that passage A 336 / B 393 does not fit into the „first book“ of the “Transcendental Dialectic” and thus strengthens the above mentioned interpretation (iii). Passage A 336 / B 393 does not refer to the prosyllogistic derivation of the concepts of reason, although it is thematic in this section, and thus forms a kind of a foreign body in the course of the text.

4.2. How is the faculty of thinking itself possible?

In passage A 336 / B 393, Kant speaks in a negative way of an objective deduction and contrasts this term with subjective introduction. The question is therefore, how the terminological distinction between subjective and objective deduction as two sides of a transcendental deduction has a function in this context. Kant introduces this differentiation in the first edition of the *Critique of Pure Reason* in the “Preface”. In this passage he writes that “the investigations” (*KrV*, A XVI; Kant, 1998, p. 103), which he has undertaken “under the title Deduction of the Pure Concepts of the Understanding” (*ibid.*), include two sides: According to Kant’s “inquiry, which goes rather deep” (*ibid.*) the objective deduction has to demonstrate the objective validity of the pure concepts of understanding and make it comprehensible. Conversely, a subjective deduction asks, “How is the faculty of thinking itself possible?” (*KrV*, A XVII; Kant, 1998, p. 103). Thereby the context, which must be given when categories claim objective validity, is investigated (Carl, 1992, pp. 44, 47-54).

For an analysis of this differentiation within the framework of the “Transcendental Dialectic”, it is noteworthy that Kant does not explicitly adapt it in the “Transcendental Dialectic”. Thus, the distinction concerns the structure of the A-Deduction in the “Transcendental Analytic”. However, the “Preface” only arose after Kant had put the A-Deduction on paper and is therefore not taken as a basis for the plan of the deduction (Klemme, 1996, pp. 142-143).

виде. Таким образом, различие касается структуры А-Дедукции в «Трансцендентальной аналитике». Однако «Предисловие» было написано только после того, как Кант написал А-Дедукцию, и, следовательно, не может считаться основанием для плана этой дедукции (Klemme, 1996, S. 142–143). В любом случае Кант не вводит это различие повторно в «Предисловии ко второму изданию». Уже обозначенные аспекты вызывают чрезвычайно сложную исследовательскую ситуацию в отношении этого различия в структуре «Трансцендентальной аналитики» и усложняют его адаптацию к «Трансцендентальной диалектике».

В то же время Кант дает ясные ориентиры, предлагающие определенные возможности для решения уже разработанных проблем и делающие развитие этого различия в рамках «Трансцендентальной диалектики» достаточно осмысленным. Таким образом, вводя различие между субъективной и объективной дедукцией в «Предисловии» к первому изданию, Кант всегда говорит о разуме и рассудке вместе. Даже если кантовское использование этих понятий не всегда строго разграничено, это можно объяснить как указание на «Трансцендентальную диалектику» и специфическое использование в ней данного различия. Это указание подтверждается следующей формулировкой из «Предисловия»:

Последнее (вопрос «Как возможна сама способность мышления?» — Р.М.) есть как бы поиски причины к некоторому данному действию, и в этом смысле оно заключает в себе нечто подобное гипотезе (хотя на самом деле это не так, что я поясню в другом месте). Вот почему может показаться, что в данном случае я позволяю себе высказать лишь свое *предположение*, но тогда и читателю должна быть предоставлена свобода иметь свое *мнение* (А XVII; Кант, 2006б, с. 21).

Кант лишь постулирует обоснованность субъективной дедукции в «Предисловии». Более того, он обещает при удобном случае доказать, что субъективная дедукция не есть просто что-то подобное гипотезе, основанной всего лишь на мнении, но так же убедительна, как и объективная дедукция. Кант мог дать такое обещание, имея в виду первую книгу «Трансцендентальной диалектики». В таком случае, как утверждает Клемме (Klemme, 1994, S. 123; Klemme, 1996, S. 142), фрагмент А 336 / В 393 написан в связи с «Предисловием» к первому изданию. Клемме аргументирует это, подчеркивая, что Кант не возобновляет различие субъективной и объективной дедукций где-либо еще в «Критике

In any case, Kant does not reintroduce this distinction in the “B-Preface” of the *Critique of Pure Reason*. Even these aspects evoke an enormously complex research situation with regard to this differentiation within the framework of the “Transcendental Analytic” and complicate its adaptation for the “Transcendental Dialectic”.

At the same time, Kant gives unmistakable clues, which offer a certain potential for solving the already-developed problem area and make a development of this differentiation within the framework of the “Transcendental Dialectic” quite reasonable. Thus, during the introduction of the distinction between objective and subjective deduction in the “Preface” of the A-edition of the *Critique of Pure Reason*, Kant always speaks of reason and understanding in one breath. Even if the Kantian use of these concepts is not always sharply distinguished, this can be understood as an indication toward the “Transcendental Dialectic” and the specific use of this distinction therein. This indication is also strengthened by the following formulation in Kant’s “Preface”:

Since the latter question [How is the faculty of thinking itself possible?] is something like the search for the cause of a given effect, and is therefore something like a hypothesis (although, as I will elsewhere take the opportunity to show, this is not in fact how matters stand), it appears as if I am taking the liberty in this case of expressing an opinion, and that the reader might therefore be free to hold another opinion (*KrV*, A XVII; Kant, 1998, p. 103).

Kant only postulates the validity of subjective deduction in the “Preface”. Furthermore, he promises, on another occasion, to prove that subjective deduction is not merely similar to a hypothesis, which is based on a mere opinion, but is as convincing as objective deduction. Kant could have given this promise with regard to the “first book” of the “Transcendental Dialectic”. In this sense, the text passage A 336 / B 393 was written with reference to the “Preface” of the first edition of the *Critique of Pure Reason*, as Klemme (1994, p. 123; 1996, p. 142) claims. Klemme argues plausibly by emphasizing that Kant does not resume the differentiation between subjective and objective deduction at any point in the *Critique of Pure Reason*, but introduces an analogous distinction with regard to the transcendental ideas

чистого разума», но вводит аналогичное различие в отношении трансцендентальных идей во фрагменте А 336 / В 393: «Если верно... что различие субъективной и объективной дедукций категорий не включено в главу, посвященную дедукции, потому что Кант работал над “Предисловием” после того, как он написал главу о дедукции, то он тем не менее держал фрагмент А 336 / В 393 в поле зрения» (Klemme, 1996, S. 143)²⁷.

Таким образом, субъективное выведение может быть обозначено как субъективная дедукция и характеризуется следующим образом: обоснование понятий разума субъективно, поскольку их значимость обосновывается не строением объектов, а природой нашего собственного разума. Следовательно, субъективное выведение обозначает размышление, имеющее систематическое отношение к субъективной дедукции категорий²⁸.

Однако этот анализ вновь ставит фрагмент А 336 / В 393 в тесную связь с «Приложением к трансцендентальной диалектике» и особым статусом принципов однородности, спецификации и непрерывности как объективных, но обладающих неопределенной значимостью. Таким образом, гипотеза (3) снова подтверждена, хотя она и сопровождается более глубоким погружением в филологические детали.

5. Некоторая объективная значимость. Заключение

Если субъективная дедукция понимается как процесс обоснования, избавляющий нас от ограничения, согласно которому мышление означает мышление о чем-то, то существуют обширные систематические совпадения в рамках задачи регулятивного использования разума в «Трансцендентальной диалектике».

²⁷ В дополнение Клемме относит сказанное к фрагменту А 669 / В 697 и к объективной, но неопределенной значимости идей разума. Объективная дедукция из понятий разума невозможна, как утверждает Клемме, но субъективная дедукция, или «субъективное выведение», не исключена. В приведенном фрагменте она даже классифицирована как возможная (Klemme, 1996, S. 143).

²⁸ Клемме устанавливает связь между «Предисловием» и фрагментом А 336 / В 393, но сохраняет термин «субъективное выведение». Климек, напротив, отрицает интерпретацию субъективного выведения как метафизической дедукции и также говорит о субъективной дедукции. Он понимает ее, однако, не как одну из сторон трансцендентальной дедукции, а как особую форму метафизической дедукции (Klimmek, 2005, S. 10–12).

in the text passage A 336 / B 393: “If it is correct [...] that the distinction between subjective and objective deduction of the categories is not included in the deduction chapter, because Kant wrote the “Preface” after he had already put the deduction chapter on paper, then he would nevertheless have kept A 336 / B 393 in sight” (Klemme, 1996, p. 143; my translation – R.M.).²²

The subjective introduction can therefore be designated as a subjective deduction and is characterised as follows: The justification of the concepts of reason is subjective, because the validity of the concepts of reason is not justified by the constitution of objects, but by the nature of our reason. Thus, the subjective introduction denotes a deliberation which is systematically related to the subjective deduction of the categories.²³

The analysis, however, once more puts the passage A336 / B393 in a close relation to the “Appendix to the Transcendental Dialectic”, and the specific status of the principles of homogeneity, specification, and continuity as objective but with indeterminate validity. Thus, hypothesis (iii) is strengthened again, even though it is accompanied by a deeper philological intervention.

5. Some Objective Validity – a Conclusion

If the subjective deduction is understood as a process of justification, in which the restriction is removed that thinking means thinking something, then there are enormous systematic overlaps within the task of the regulative use of reason in the “Transcendental Dialectic”.

²² “Wenn es richtig ist [...], daß die Unterscheidung zwischen subjektiver und objektiver Deduktion der Kategorien im Deduktionskapitel nicht aufgenommen wird, weil Kant die Vorrede verfaßte, nachdem er das Deduktionskapitel bereits zu Papier gebracht hatte, dann wird ihm nichtsdestoweniger A 336 / B 393 vor Augen gestanden haben.” In addition, Klemme relates this to A 669 / B 697 and the objective but indeterminate validity of the ideas of reason. An objective deduction from the concepts of reason is impossible, as Klemme argues, but a subjective deduction or subjective introduction is not excluded. In the mentioned text passage, it is even classified as possible (Klemme, 1996, p. 143).

²³ Klemme creates a reference between the “Preface” and passage A 336 / B 393, but maintains the term “subjective derivation”. In contrast, Klimmek rejects an interpretation of the subjective derivation as a metaphysical deduction and also speaks of a subjective deduction. He does not understand this as one side of the transcendental deduction, however, but as a particular form of the metaphysical deduction (Klimmek, 2005, pp. 10-12).

Субъективная дедукция в «Трансцендентальной аналитике», наряду с объективной дедукцией, составляет одну сторону трансцендентальной дедукции. Как Кант это отчетливо формулирует (A XVII; Кант, 2006б, с. 21), убедительность объективной дедукции не зависит от успеха субъективной дедукции. И напротив, в «Трансцендентальной диалектике», где объективная значимость, означающая построение объекта, не является главной темой, в центре внимания оказывается субъективная дедукция. В регулятивном применении разума, как и в субъективной дедукции, исследование этой специфической способности описывается как исследование «самого чистого рассудка в том, что касается его возможности и способностей познания, на которых он сам основывается» (A XVI; Кант, 2006б, с. 19). В первой части «Приложения к трансцендентальной диалектике» Кант обозначает задачу принципов однородности, спецификации и непрерывности следующим образом: «...они имеют превосходное и неизбежно необходимое регулятивное употребление» (A 644 / B 672; Кант, 2006а, с. 825), поскольку они все еще служат для того, чтобы получить «наибольшее единство наряду с наибольшим расширением» (там же). Они полагают «некоторое общее единство целью действий рассудка, которые вообще-то занимаются только дис-трибутивным единством» (там же).

Вопрос «Как возможна сама способность мышления?» (A XVII; Кант, 2006б, с. 21), а также вопрос, касающийся *систематичности познания* (A 645 / B 673; Кант, 2006а, с. 827), не могут быть поставлены таким же образом, как вопрос, касающийся условий объектов, как формулирует Кант: «Правда, совершенно ясно: то, что я должен предполагать вообще для познания объекта, я не могу познать даже как объект» (A 402; Кант, 2006б, с. 501). Во фрагменте A 663–663 / B 691–692, а также в контексте субъективной дедукции главной темой являются условия построения объектов (Theis, 2004, S. 108; Hutter, 2009, S. 75). В обоих аргументативных стратегиях Кант развивает решения для одной систематической проблемы: обоснование понятий, которые кажутся трансцендентальными, но не могут быть обоснованы ограничением относительно явлений (Horstmann, 1997, S. 178; Thöle, 2000, S. 119).

По этой причине дедукция принципов однородности, спецификации и непрерывности должна отличаться от дедукции понятий рассудка. Однако Кант, предлагая субъективную дедукцию, формулирует первую аргументативную стратегию, кото-

The subjective deduction in the “Transcendental Analytic” forms, beside the objective deduction, one side of the transcendental deduction. As Kant explicitly formulates (*KrV*, A XVII; Kant, 1998, p. 103), the conviction of the objective deduction does not depend on the success or failure of the subjective deduction. By contrast, in the “Transcendental Dialectic”, in which the objective validity, meaning the constitution of the object, is not thematic, the subjective deduction is at the centre of attention. In the regulative use of reason, as well as in the subjective deduction, the particular faculty is regarded “concerning its possibility and the powers of cognition on which it itself rests” (*KrV*, A XVI; Kant, 1998, p. 103). In the first part of the “Appendix to the Transcendental Dialectic”, Kant indicates the task of the principles of homogeneity, specification, and continuity as follows: Concepts of reason have “an excellent and indispensably necessary regulative use” (*KrV*, A 644 / B 672; Kant, 1998, p. 591) because they still serve to obtain “the greatest unity alongside the greatest extension” (*KrV*, A 644 / B 672; Kant, 1998, p. 591) for the concepts of understanding. They posit a “collective unity as the goal of the understanding’s actions, which are otherwise concerned only with distributive unity” (*KrV*, A 644 / B 672; Kant, 1998, p. 591).

The question, “How is the faculty of thinking itself possible?” (*KrV*, A XVII) and also the question concerning the “systematic in cognition” (*KrV*, A 645 / B 673) cannot be posed in the same way as the question concerning the conditions of objects, as Kant explicitly formulates: “Now it is indeed very illuminating that I cannot cognise as an object itself that which I must presuppose in order to cognise an object at all” (*KrV*, A 402; Kant, 1998, p. 442). In the passage A 663–664 / B 691–692 and also in the context of subjective deduction, the condition of the constitution of the objects is thematic (Theis, 2004, p. 108; Hutter, 2009, p. 75). In both argumentation strategies, Kant develops solutions for the same systematic problem: the justification of concepts that seem to be transcendental but cannot be justified by restriction to appearances (Horstmann, 1997, p. 178; Thöle, 2000, p. 119).

For this reason, a deduction of the principles of homogeneity, specification, and continuity must be distinguished from a deduction of the concepts of understanding. However, Kant offers with the subjective deduction a first argumentative strate-

рая отличается от объективной, но предоставляет «некоторую объективную значимость» (A 664 / B 692; Кант, 2006а, с. 849) и поэтому систематически важна для принципов однородности, спецификации и непрерывности. В то же время у нас есть правдоподобное объяснение, почему Кант пишет во второй части «Приложения к трансцендентальной диалектике», что трансцендентальной дедукцией «завершается критическая работа чистого разума» (A 670 / B 698; Кант, 2006а, с. 855). В этой части текста он вновь выражает дедукцию идей, явно отличая ее от дедукции категорий: в отношении идей разума дедукция «должна быть вполне возможна... при условии, что она далеко отклоняется от той дедукции, которую можно допустить в отношении категорий» (там же). Этот текстовый фрагмент можно рассматривать как дальнейшее доказательство того, что Кант намеревается провести дедукцию идей (Morrison, 1989, p. 155–172), хотя она и не объективна. Специфическая значимость идей остается важной для кантовской мысли вплоть до «Критики способности суждения» и далее (Ginsborg, 2017, p. 77–88; Düsing, 1986, S. 43; Bartuschat, 1972, S. 39; Mudroch, 1987, S. 30–51). В отношении вопроса о возможности трансцендентальной дедукции регулятивного применения разума и субъективной дедукции, представленной в «Предисловии», первой книге и в «Приложении к трансцендентальной диалектике», Кант выступает за априорную значимость терминов, не относящихся к построению объектов.

Как было показано, принципы однородности, спецификации и непрерывности не изолированы в первой части «Приложения». Скорее, имеются пересечения с другими фрагментами «Критики чистого разума», в частности с «Трансцендентальной диалектикой», хотя для того, чтобы проследить эти пересечения, нужно было пройти окольными путями.

Исследование поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Список литературы

Кант И. Критика чистого разума (В) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2, ч. 1. М. : Наука, 2006а.

Кант И. Критика чистого разума (А) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2, ч. 2. М. : Наука, 2006б.

Allison H.E. Kant's Transcendental Idealism. An Interpretation and Defense. New Haven ; London : Yale University Press, 2004.

gy, which differs from the objective one but provides “some objective validity” (*KrV*, A 664 / B 692; Kant, 1998, p. 602) and has therefore systematic importance for the principles of homogeneity, specification, and continuity. At the same time, we have a plausible explanation why Kant writes in the second part of the “Appendix to the Transcendental Dialectic” that a transcendental deduction is the “completion of the critical business of pure reason” (*KrV*, A 670 / B 698; Kant, 1998, p. 605). In this part of the text, Kant again expresses the deduction of the ideas in explicit distinction to the deduction of the categories: With regard to the ideas of reason “a deduction [...] must definitely be possible, granted that it must also diverge quite far from the deduction one can carry out in the case of the categories” (*KrV*, A 670 / B 698; Kant, 1998, p. 605). This text passage can be seen as a further proof that Kant intends a deduction of the ideas (Morrison, 1989, pp. 155–172), although it is not an objective one. The specific validity of the ideas remains important for Kant's thinking up until the *Critique of Judgment* and beyond (Ginsborg, 2017, pp. 77–88; Düsing, 1986, p. 43; Bartuschat, 1972, p. 39; Mudroch, 1987, pp. 30–51). With the question of the possibility of a transcendental deduction of the regulative use of reason and the subjective deduction introduced in the “Preface”, the “first book”, and the “Appendix to the Transcendental Dialectic”, Kant argues for the *a priori* validity of non-object-constitutive terms.

As has been demonstrated, the principles of homogeneity, specification, and continuity are not isolated in the first part of the “Appendix”. Rather there are junctions to other passages of the *Critique of Pure Reason*, in particular the “Transcendental Dialectic”, although retracing these junctions would mean taking some detours.

This research was supported by the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

References

Allison, H.E., 2004. *Kant's Transcendental Idealism. An Interpretation and Defense*. New Haven & London: Yale University Press.

Bartuschat, W., 1972. *Zum systematischen Ort von Kants Kritik der Urteilskraft*. Frankfurt a. M.: Klostermann.

Birken-Bertsch, H., 2015. Konstitutiv / Regulativ. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon*. Berlin & Boston: de Gruyter, pp. 1264–1266.

Bartuschat W. Zum systematischen Ort von Kants Kritik der Urteilskraft. Frankfurt a/M : Klostermann, 1972.

Birken-Bertsch H. Konstitutiv / Regulativ // Kant-Lexikon / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. S. 1264–1266.

Caimi M. Über eine wenig beachtete Deduktion der regulativen Ideen // Kant-Studien. 1995. Bd. 86. S. 308–320.

Carl W. Die Transzendente Deduktion der Kategorien in der ersten Auflage der Kritik der reinen Vernunft. Ein Kommentar. Frankfurt a/M : Klostermann, 1992.

Düsing K. Die Teleologie in Kants Weltbegriff. Bonn : Bouvier, 1968.

Engelhard K. Das Einfache und die Materie. Untersuchungen zu Kants Antinomie der Teilung. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2005.

Ginsborg H. Why Must We Presuppose the Systematicity of Nature? // Kant and the Laws of Nature / ed. by M. Massimi, A. Breitenbach. Cambridge : Cambridge University Press, 2017. P. 71–88.

Goldman A. Kant and the Subject of Critique. On the Regulative Role of the Psychological Idea. Bloomington : Bloomington University Press, 2012.

Goy I. Spezifikation // Kant-Lexikon / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. S. 2146–2147.

Grier M. Kant's Doctrine of Transcendental Illusion. Cambridge : Cambridge University Press, 2001.

Guyer P. Der transzendente Status der Systematizität. Bemerkungen zu Hermann Krings' Beitrag // Bedingungen der Möglichkeit. 'Transcendental Arguments' und transzendentes Denken / hrsg. von E. Schaper, W. Vossenkuhl. Stuttgart : Clett-Cotta, 1984. S. 115–122.

Heimsoeth H. Transzendente Dialektik. Ein Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft, Berlin : De Gruyter, 1969.

Horstmann R.-P. Die Idee der systematischen Einheit. Der Anhang zur transzendentalen Dialektik in Kants Kritik der reinen Vernunft // Bausteine kritischer Philosophie. Arbeiten zu Kant / hrsg. von R.-P. Horstmann. Bodenheim : Philo, 1997. S. 109–130.

Hutter A. Das Interesse der Vernunft. Kants ursprüngliche Einsicht und ihre Entfaltung in den transzendentalphilosophischen Hauptwerken. Hamburg : Meiner, 2003.

Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Riga : J.F. Hartknoch, 1781.

Kant I. Critique of Pure Reason / transl. by N. Kemp Smith. L. : Macmillan, 1929.

Kant I. Critique of Pure Reason / transl. and ed. by P. Guyer and A. Wood. Cambridge : Cambridge University Press, 1998.

Kant I. Critique of Pure Reason / transl. and ed. by M. Weigelt. N.Y. : Penguin, 2007.

Kant I. Prolegomena to Any Future Metaphysics / transl. and ed. by G. Hatfield. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.

Caimi, M., 1995. Über eine wenig beachtete Deduktion der regulativen Ideen. *Kant-Studien*, 86, pp. 308-320.

Carl, W., 1992. *Die Transzendente Deduktion der Kategorien in der ersten Auflage der Kritik der reinen Vernunft. Ein Kommentar*. Frankfurt a. M.: Klostermann.

Düsing, K., 1968. *Die Teleologie in Kants Weltbegriff*. Bonn: Bouvier.

Engelhard, K., 2005. *Das Einfache und die Materie. Untersuchungen zu Kants Antinomie der Teilung*. Berlin & New York: De Gruyter.

Ginsborg, H., 2017. Why must we presuppose the Systematicity of Nature? In: M. Massimi, A. Breitenbach, eds. 2017. *Kant and the Laws of Nature*. Cambridge: University Press, pp. 71-88.

Goldman, A., 2012. *Kant and the Subject of Critique. On the Regulative Role of the Psychological Idea*. Bloomington: University Press.

Goy, I., 2015. Spezifikation. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon*, Berlin & Boston: De Gruyter, pp. 2146-2147.

Grier, M., 2001. *Kant's Doctrine of Transcendental Illusion*, Cambridge: University Press.

Guyer, P., 1984. Der transzendente Status der Systematizität. Bemerkungen zu Hermann Krings' Beitrag. In: E. Schaper, W. Vossenkuhl, eds. 1984. *Bedingungen der Möglichkeit. 'Transcendental Arguments' und transzendentes Denken*. Stuttgart: Clett-Cotta, pp. 115-122.

Heimsoeth, H., 1969. *Transzendente Dialektik. Ein Kommentar zu Kants Kritik der reinen Vernunft*. Berlin: De Gruyter.

Horstmann, R.-P., 1997. Die Idee der systematischen Einheit. Der Anhang zur transzendentalen Dialektik in Kants Kritik der reinen Vernunft. In: R.-P. Horstmann, ed. 1997. *Bausteine kritischer Philosophie. Arbeiten zu Kant*. Bodenheim: Philo Verlagsgesellschaft, pp. 109-130.

Hutter, A., 2003. *Das Interesse der Vernunft. Kants ursprüngliche Einsicht und ihre Entfaltung in den transzendentalphilosophischen Hauptwerken*. Hamburg: Meiner.

Kant, I., 1781. *Critik der reinen Vernunft*. Riga: J.F. Hartknoch.

Kant, I., 1929. *Critique of Pure Reason*. Translated by N. Kemp Smith. London: Macmillan.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2007. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by M. Weigelt. New York: Penguin.

Kant, I., 2004. *Prolegomena to Any Future Metaphysics*. Translated and edited by G. Hatfield. Cambridge: Cambridge University Press.

Karásek, J., 2010. Der Selbstbezug der Vernunft. Zur Logik der Kantischen Ideendeduktion. In: J. Chotaš, J. Karásek, J. Stolzenberg, eds. 2010. *Metaphysik und Kritik. Interpretationen zur „Transzendentalen Dialektik“ der Kritik der reinen Vernunft*. Würzburg: Königshausen und Neumann, pp. 59-74.

Karásek J. Der Selbstbezug der Vernunft. Zur Logik der Kantischen Ideenduktion // *Metaphysik und Kritik. Interpretationen zur "Transzendentalen Dialektik" der "Kritik der reinen Vernunft"* / hrsg. von J. Chotaš, J. Karásek, J. Stolzenberg. Würzburg : Königshausen und Neumann, 2010. S. 59–74.

Kitcher P. Projecting the Order of Nature // *Kant's Philosophy of Physical Science* / ed. by R.E. Butts. Dordrecht : D. Reidel, 1986. P. 201–235.

Klemme H. Subjektive und objektive Deduktion. Überlegungen zu Wolfgang Carls Interpretation von Kants 'Deduktion der reinen Verstandesbegriffe' in der Fassung von 1781 // *Autographen, Dokumente und Berichte. Zu Edition, Amtsgeschäften und Werk Immanuel Kants* / hrsg. von R. Brandt, W. Stark. Hamburg : Meiner, 1994. S. 121–138.

Klemme H. Kants Philosophie des Subjekts. Systematische und entwicklungsgeschichtliche Untersuchung zum Verständnis von Selbstbewußtsein und Selbsterkenntnis. Hamburg : Meiner, 1996.

Klimmek N.F. Kants System der transzendentalen Ideen. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2005.

Krausser P. Über den hypothetischen Vernunftgebrauch in der Kritik der reinen Vernunft // *Archiv für Geschichte der Philosophie*. 1987. Bd. 69. S. 164–196.

Lequan M. Kontinuität // *Kant-Lexikon* / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015a. S. 1045–1046.

Lequan M. Homogenität // *Kant-Lexikon*. Hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015b. S. 1271–1272.

Longuenesse B. The Transcendental Ideal and the Unity of the Critical System // *Proceedings of the VIII. International Kant Congress* / ed. by H. Robinson. Vol. 1.2. Memphis : Marquette University Press, 1995. P. 521–537.

Malzkorn W. Kants Kosmologie-Kritik: eine formale Analyse der Antinomienlehre. Berlin ; New York : De Gruyter, 1999.

Marcucci S. Aspetti epistemologici e teoretici della deduzione trascendentale delle idee in Kant // *Studie Kantiani*. 1988. Vol. 1. P. 43–69.

Meer R. Der transzendente Grundsatz der Vernunft. Funktion und Struktur des Anhangs zur Transzendentalen Dialektik der Kritik der reinen Vernunft. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2018.

Mellin G.S.A. Marginalien und Register zu Kants Kritik der reinen Vernunft. Züllichau : Frommann, 1794.

Moledo F. Über die Bedeutung der objektiven und der subjektiven Deduktion der Kategorien // *Kant-Studien*. 2015. Bd. 106. S. 418–429.

Morrison M. Methodological Rules in Kant's Philosophy of Science // *Kant-Studien*. 1989. Bd. 84. P. 155–172.

Mudroch V. Kants Theorie der physikalischen Gesetze. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 1987.

Piché C. Das Ideal. Ein Problem der Kantischen Ideenlehre. Bonn : Bouvier, 1984.

Pissis J. Kants Transzendente Dialektik. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2012.

Scaravelli L. Le Osservazioni sulla Critica del Giudizio. Pisa : Scuola Normale Superiore, 1954.

Kitcher, Ph., 1986. Projecting the Order of Nature. In: R.E. Butts, ed. 1986. *Kant's Philosophy of Physical Science*. Dordrecht: D. Reidel, pp. 201-235.

Klemme, H., 1994. Subjektive und objektive Deduktion. Überlegungen zu Wolfgang Carls Interpretation von Kants 'Deduktion der reinen Verstandesbegriffe' in der Fassung von 1781. In: R. Brandt, W. Stark, eds. 1994. *Autographen, Dokumente und Berichte. Zu Edition, Amtsgeschäften und Werk Immanuel Kants*. Hamburg: Meiner, pp. 121-138.

Klemme, H., 1996. *Kants Philosophie des Subjekts. Systematische und entwicklungsgeschichtliche Untersuchung zum Verständnis von Selbstbewußtsein und Selbsterkenntnis*. Hamburg: Meiner.

Klimmek, N.F., 2005. *Kants System der transzendentalen Ideen*. Berlin & New York: De Gruyter.

Krausser, P., 1987. Über den hypothetischen Vernunftgebrauch in der *Kritik der reinen Vernunft*. *Archiv für Geschichte der Philosophie*, 69, pp. 164-196.

Lequan, M., 2015. Kontinuität. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin, eds. 2015a. *Kant-Lexikon*. Berlin & Boston: De Gruyter, pp. 1045-1046.

Lequan, M., 2015. Homogenität. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin, eds. 2015b. *Kant-Lexikon*. Berlin & Boston: De Gruyter, pp. 1271-1272.

Longuenesse, B., 1995. The Transcendental Ideal and the Unity of the Critical System. In: H. Robinson, ed. 1995. *Proceedings of the VIII. International Kant Congress*. Vol. 1.2. Memphis: Marquette University Press, pp. 521-537.

Malzkorn, W., 1999. *Kants Kosmologie-Kritik: eine formale Analyse der Antinomienlehre*. Berlin & New York: De Gruyter.

Marcucci, S., 1988. Aspetti epistemologici e teoretici della deduzione trascendentale delle idee in Kant. *Studie Kantiani*, 1, pp. 43-69.

Meer, R., 2018. *Der transzendente Grundsatz der Vernunft. Funktion und Struktur des Anhangs zur Transzendentalen Dialektik der Kritik der reinen Vernunft*. Berlin & New York: De Gruyter.

Mellin, G.S.A., 1794. *Marginalien und Register zu Kants Kritik der reinen Vernunft*. Züllichau: Frommann.

Moledo, F., 2015. Über die Bedeutung der objektiven und der subjektiven Deduktion der Kategorien. *Kant-Studien*, 106, pp. 418-429.

Morrison, M., 1989. Methodological Rules in Kant's Philosophy of Science. *Kant-Studien*, 84, pp. 155-172.

Mudroch, V., 1987. *Kants Theorie der physikalischen Gesetze*. Berlin & New York: De Gruyter.

Piché, C., 1984. *Das Ideal. Ein Problem der Kantischen Ideenlehre*. Bonn: Bouvier.

Pissis, J., 2012. *Kants Transzendente Dialektik*. Berlin & New York: De Gruyter.

Scaravelli, L., 1954. *Le Osservazioni sulla Critica del Giudizio*. Pisa: Scuola Normale Superiore.

Serck-Hanssen, C., 2011. Der Nutzen von Illusionen. Ist die Idee der Seele unentbehrlich? In: B. Dörflinger, G. Kruck, eds. 2011. *Über den Nutzen von Illusionen. Die regulativen Ideen in Kants theoretischer Philosophie*. Hildesheim: Olms, pp. 59-70.

Serck-Hanssen C. Der Nutzen von Illusionen. Ist die Idee der Seele unentbehrlich? // Über den Nutzen von Illusionen. Die regulativen Ideen in Kants theoretischer Philosophie / hrsg. von B. Dörflinger, G. Kruck. Hildesheim : Olms, 2011. S. 59–70.

Theis R. Zur Topik der Theologie im Projekt der Kantischen Vernunftkritik // Kants Metaphysik und Religionsphilosophie / hrsg. von N. Fischer. Hamburg : Meiner, 2004. S. 77–110.

Thöle B. Die Einheit der Erfahrung. Zur Funktion der regulativen Prinzipien bei Kant // Erfahrung und Urteilskraft / hrsg. von R. Enskat. Würzburg : Königshausen und Neumann, 2000. S. 113–148.

Willaschek M. Kant on the Sources of Metaphysics. The Dialectic of Pure Reason. Cambridge : Cambridge University Press, 2018.

Ypi L. The Transcendental Deduction of Ideas in Kant's Critique of Pure Reason // Proceedings of the Aristotelian Society. 2017. Vol. 117, № 2. P. 163–185.

Zocher R. Zu Kants transzendentaler Deduktion der Ideen der reinen Vernunft // Zeitschrift für philosophische Forschung. 1958. Bd. 12, № 1. S. 43–58.

Zöller G. Der negative und positive Nutzen der Ideen. Kant über die Grenzbestimmung der reinen Vernunft // Über den Nutzen von Illusionen. Die regulativen Ideen in Kants theoretischer Philosophie / hrsg. von B. Dörflinger, G. Kruck. Zürich ; N. Y. : Olms, 2011. S. 13–28.

Об авторе

Рудольф Мер, доктор философии, ассистент-исследователь, Институт философии, Факультет наук о духе, Грацский университет им. Карла и Франца, Австрия; старший научный сотрудник Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: RMeer@kantiana.ru

О переводчике

Александр Сергеевич Киселев, студент бакалавриата направления «Философия», академический ассистент Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: ALSKiselev@stud.kantiana.ru

Для цитирования:

Мер Р. Через «Трансцендентальную диалектику» окольными путями. Принципы однородности, спецификации и непрерывности // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 1. С. 7–29. doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-1

Theis, R., 2004. Zur Topik der Theologie im Projekt der Kantischen Vernunftkritik. In: N. Fischer, ed. 2004. *Kants Metaphysik und Religionsphilosophie*. Hamburg: Meiner, pp. 77-110.

Thöle, B., 2000. Die Einheit der Erfahrung. Zur Funktion der regulativen Prinzipien bei Kant. In: R. Enskat, ed. 2000. *Erfahrung und Urteilskraft*. Würzburg: Königshausen & Neumann, pp. 113-148.

Willaschek, M., 2018. *Kant on the Sources of Metaphysics. The Dialectic of Pure Reason*. Cambridge: University Press.

Ypi, L., 2017. The Transcendental Deduction of Ideas in Kant's Critique of Pure Reason. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 117, pp. 163-185.

Zocher, R., 1958. Zu Kants transzendentaler Deduktion der Ideen der reinen Vernunft. *Zeitschrift für philosophische Forschung*, 12, pp. 43-58.

Zöller, G., 2011. Der negative und positive Nutzen der Ideen. Kant über die Grenzbestimmung der reinen Vernunft. In: B. Dörflinger, G. Kruck, eds. 2011. *Über den Nutzen von Illusionen. Die regulativen Ideen in Kants theoretischer Philosophie*. Zürich & New York: Olms, pp. 13-28.

The author

Dr Rudolf Meer, MA, MA, University Assistant, Institute of Philosophy, Department for the Humanities, University of Graz, Austria; Senior Researcher, Academia Kantiana, Institute for the Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: RMeer@kantiana.ru

To cite this article:

Meer, R., 2019. Taking Detours through the "Transcendental Dialectic". *The Principles of Homogeneity, Specification, and Continuity*. *Kantian Journal*, 38(1), pp. 7-29. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-1-1>

ТИПЫ СОДЕРЖАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У КАНТА

Х.А. Лайхо¹

В этом эссе я уточняю типы содержания представлений, которые можно отнести к кантовским воззрениям на представление. Более специальная цель заключается в исследовании того, какие из этих типов содержания могут считаться возможными без применения понятий. Для ответа на этот вопрос я делаю следующее. Во-первых, я показываю, каким образом созерцание (в кантовском смысле) можно рассматривать как то, что дает индексальное содержание независимо от эмпирических понятий. Во-вторых, я показываю, в каком смысле порождение пространственного содержания может считаться не-категорическим. Ключевое различие состоит в том, что перцептуальное рассмотрение объекта может пониматься как целиком чувственное и частное, в то время как понятийное определение всегда схватывает объект посредством его обобщаемых качеств. В-третьих, я выдвигаю предположение, что чувственность и рассудок не только принципиально разделены, но и их вклад в наличное познание также, в определенном смысле, различен. А значит, из понятийного определения объекта не следует, что объект перестает быть не-понятийно доступным для воспринимающего, и это далее наводит на мысль об автономии чувственности и ее перцептуального содержания. Наконец, я указываю на трудности в приписывании не-понятийного содержания представлений кантовской суждение-центристской позиции в отношении представления и опыта, и делаю это для того, чтобы подчеркнуть, как эти трудности с легкостью ведут к неправильному пониманию фундаментального кантовского различия чувственности и рассудка и их уникальных вкладов в познание.

Ключевые слова: категория, понятие, содержание, созерцание, Кант, чувственность, представление.

1. Введение

В кантоведении и за его пределами существует взгляд, согласно которому перцептуальное представление включает использование понятий. Один из подходов к решению этой проблемы — спросить, какие виды содержания представлений вообще возможны. Концептуалисты считают, что возможно

¹ Университет Турку, Финляндия, 20014, Турку.
Поступила в редакцию: 25.11.2018 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-2
© Лайхо Х. А., 2019.

TYPES OF REPRESENTATIONAL CONTENT IN KANT

H. A. Laiho¹

In this essay, I specify types of representational content that can be attributed to Kant's account of representation. The more specific aim is to examine which of these types of content can be regarded as possible without the application of concepts. In order to answer the question, I proceed as follows. First, I show how intuition (in Kant's sense) can be seen as providing indexical content independently of empirical concepts. Second, I show in what sense the generation of spatial content can be regarded as non-categorical. A key distinction is that a perceptual examination of an object can be understood as thoroughly sensible and particular, whereas a conceptual determination always grasps the object via its generalisable features. Third, I propose that the faculties of sensibility and understanding are not only separable in principle, but that their contributions remain in a certain sense separate in actual cognition as well. This is to say that a conceptual determination of an object does not entail that the object ceases to be non-conceptually available to the perceiver, which further suggests the autonomy of sensibility and its perceptual content. Finally, I raise difficulties in attributing non-conceptual representational content to Kant's judgment-centered stance on representation and experience, only to emphasise how these difficulties easily lead to a misappreciation of Kant's fundamental distinction between sensibility and understanding and their unique cognitive contributions.

Keywords: category, concept, content, intuition, Kant, perception, representation.

1. Introduction

The view that perceptual representation involves the application of concepts emerges in and beyond Kant scholarship. A way to approach the issue is to ask what kinds of representational content are possible in the first place. Conceptualists

¹ University of Turku, 20014 Turku, Finland.
Received: 25.11.2018.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-2
© Laiho H. A., 2019.

только понятийное содержание представлений, нонконцептуалисты это отрицают². Существуют различные варианты взглядов, которые можно было бы отнести к концептуализму или нонконцептуализму; множество различий было произведено в недавних обсуждениях³. Учитывая эти различия, мы можем придумать много видов концептуализма и нонконцептуализма, включая смешанные позиции, а потому неясно, насколько, в конце концов, полезны все эти разделения, не говоря уже о самих ярлыках «концептуализм» и «нонконцептуализм».

Также может показаться, что не весь труд, сделанный в рамках этих «измов», имеет своим предметом одно и то же. Так, например, хотя в кантоведческих дебатах на этот счет все и начиналось с проблемы содержания (см.: McDowell, 1996; Hanna, 2005), сложно сказать, чтобы содержание осталось в центре их внимания (см.: Allais, 2016, p. 4–5)⁴. Совсем недавно содержательный аспект был явно поставлен под вопрос (McLear, 2016). Возможно, кантовское учение о перцептуальных представлениях на самом деле лучше понимать в терминах отношения знакомства или, возможно, разговоры о содержании и знакомстве просто переводимы друг в друга. Как бы то ни было, есть еще одна сложность, которую нужно иметь в виду, приписывая Канту содержательный аспект. Теория представления Канта может быть рассмотрена как включающая несколько типов содержания (об этом подробно ниже). Некоторых из этих кандидатов на роль содержания легко счесть не-понятийными, в то время как других естественно будет считать понятийными. Вдобавок к этому неясно, какие из них сам Кант считал бы достаточными для по-настоящему содержательного представления.

² Краткое изложение истории эволюции этих споров можно найти в (Bermúdez, Cahen, 2015).

³ Например, было предположено, что (нон)концептуализм содержания и (нон)концептуализм содержания — разные вещи (Heck, 2000). Критический взгляд на это деление представлен в (Toribio, 2008). Содержание, в свою очередь, может рассматриваться как абсолютно или относительно (не-)понятийное (Hanna, 2008, p. 47–49; Speaks, 2005, p. 359–360). Кроме того, состав содержания можно отличать от обладания им, а обладание понятиями — от их использования (Crowther 2006, p. 249–252; Hanna, 2011, p. 336).

⁴ Основополагающая работа Ханна может рассматриваться как реакция на предположительно кантианский взгляд Макдауэлла на отношение «мир — сознание», но в то же время она вместе со статьей Венцеля (Wenzel, 2005) в действительности инициировала этот спор в кантоведении. Более ранние важные вклады включают работы Ханна (Hanna, 2001) и Роза (Rohs, 2001). См. также, например: (Allais, 2009; Ginsborg, 2008; Gomes, 2014; Griffith, 2012; Grüne, 2009; Hanna, 2008; McDowell, 2009; McLear, 2015; Tolley, 2013; Tomaszewska, 2008).

hold that only conceptual representational content is possible. Non-conceptualists deny this.² There are variants of views that can be called conceptualist or non-conceptualist; in the recent discussion, plenty of distinctions have been made.³ With all the distinctions in place, we could come up with many kinds of conceptualism and non-conceptualism, including mixed positions, which is why it is unclear how helpful all these distinctions are in the end, not to mention the labels ‘conceptualism’ and ‘non-conceptualism’ themselves.

It also seems that not all the work done on the two isms deal with exactly the same subject matter. In the Kantian debate on the matter, for example, though it all started with the issue over content (see esp. McDowell, 1996; Hanna, 2005), content hardly remained a central focus in the debate (see Allais, 2016, pp. 4-5).⁴ More recently, the content view has been questioned explicitly (McLear, 2016). Perhaps Kant’s account of perceptual representation is indeed better understood in terms of acquaintance relation, or perhaps acquaintance- and content-talk are simply intertranslatable. However that might be, there is a further complication to be considered when attributing the content view to Kant. Kant’s theory of representation can be seen as containing several types of content (to be specified below). Some of these candidates for content are easy to treat as non-conceptual, while it is natural to treat others as conceptual. On top of that, it is not clear which of them Kant himself would count as sufficient for genuinely contentful representation.

² For a compact story of the evolution of this controversy, see Bermúdez & Cahen, 2015.

³ For example, it has been suggested that it is one thing to speak of state-(non-)conceptualism, and quite another thing to speak of content-(non-)conceptualism (Heck, 2000; for a critical view of this distinction, see Toribio, 2008). Content, in turn, can be regarded either as absolutely or relatively (non-)conceptual (Hanna, 2008, pp. 47-49; Speaks, 2005, pp. 359-360). In addition, the composition of content can be distinguished from the possession of content, and concept-possession from concept-use (Crowther 2006, pp. 249-252; Hanna, 2011, p. 336).

⁴ Hanna’s seminal paper can be seen as a reaction to McDowell’s supposedly Kantian view on the mind-world relation, but it also really brought the debate to Kant scholarship, together with Wenzel’s 2005 paper. Earlier important contributions include Hanna, 2001, and Rohs, 2001. See also e.g. Allais, 2009; Ginsborg, 2008; Gomes, 2014; Griffith, 2012; Grüne, 2009; Hanna, 2008; McDowell, 2009; McLear, 2015; Tolley, 2013; Tomaszewska, 2008.

В этом эссе я рассмотрю, как идея не-понятийного содержания соотносится с кантовским учением о перцептуальных представлениях, несмотря на то, что упомянутые проблемы. Изначальное предположение заключается в том, что учение Канта может быть успешно проанализировано в терминах содержания представлений. Например, сказать, что вы воспринимаете дерево, значит сказать, что вы находитесь в таком перцептуальном состоянии, которое представляет или делает для вас возможным представить вашу непосредственную среду как показывающую определенным образом выглядящий объект, расположенный в определенном месте. Содержание этого восприятия, по сути, есть способ представления вашего непосредственного окружения этим определенным объект-специфическим образом. Другое предположение заключается в том, что любое перцептуальное представление частного объекта есть пример того, что Кант называет эмпирическим созерцанием⁵. Главный вопрос заключается в том, возможен ли такой вид содержания представлений, согласно Канту, без приложения понятий.

2. Представление без мышления: эмпирические созерцания без эмпирических понятий

Позвольте мне начать с указания на то, в каком смысле перцептуальное представление (то есть эмпирическое созерцание) можно считать не-понятийным содержанием с точки зрения Канта. Самый важный момент в этом разделе заключается в том, что представление как таковое, в том смысле, который придает ему Кант, не обязательно должно рассматриваться как использование понятий, или мышление. Более того, нам следует иметь в виду, что только созерцание, согласно Канту, может связать нас с индивидуальными перцептуальными объектами.

В «Критике чистого разума» Кант утверждает, что «возможно лишь одно употребление рассудком... понятий: через их посредство он осуществляет суждение» (A 68 / B 93; Кант, 2006а, с. 157). И действительно, он определяет рассудок как способность судить и *мыслить*, а мышление есть действие ума и конкретизируется им как «познавание через понятия» (A 69 / B 94; Кант, 2006а, с. 159). В общем,

⁵ Я не утверждаю, что восприятия — это просто эмпирические созерцания или что эти термины тождественны. Иногда Кант отождествляет их (см., например: AA 04, S. 283; Кант, 1994б, с. 37–38), а иногда нет (см., например: B 162; Кант, 2006а, с. 239). В общем, похоже, что он использует эти и некоторые родственные термины по-разному в разных контекстах.

In this essay, I examine how the idea of non-conceptual content fits Kant's account of perceptual representation despite the just-mentioned worries. The initial assumption is that Kant's account can be successfully analysed in terms of representational content. For example, to say that you perceive a tree is to say that you are in such a perceptual state that represents, or makes it possible for you to represent, your immediate environment as featuring an object that is located in a certain place in relation to you, looking a certain way. The content of your perception is, basically, the way of representing your immediate environment in this particular object-specific manner. Another assumption is that any such perceptual representation of a particular object is an instance of what Kant calls empirical intuition.⁵ The main question is whether the kind of representational content just described is possible without the application of concepts according to Kant.

2. Representing without Thinking: Empirical Intuitions without Empirical Concepts

Let me start by showing in what sense perceptual representation (i.e. empirical intuition) can be treated as non-conceptual content in Kant's view. The most crucial element in this section is that representing as such does not need to be regarded as concept-use or thinking in Kant's demanding sense of the term. Moreover, we should keep in mind that according to Kant only intuition can connect us with individual perceptual objects.

Kant states in the *Critique of Pure Reason* that “understanding [*Verstand*] can make no other use of [...] concepts than that of judging by means of them” (*KrV*, A 68 / B 93; Kant, 2000a, p. 205). Indeed, he defines the whole faculty of understanding accordingly as a faculty of judging and *thinking* (*Denken*), which action of the mind he specifies as “cognition through concepts [*Begriffe*]” (*KrV*, A 69 / B 94; Kant, 2000a, p. 205). In all, Kant can be seen as tying judgment-making and concept-use together.

⁵ I am not saying that perceptions are empirical intuitions *tout court* or that the two terms are identical. Sometimes Kant does identify perception with empirical intuition (e.g. *Prol*, AA 04, p. 283; Kant, 2002b, p. 79). Sometimes he does not (e.g. *KrV*, B 162; Kant 2000a, p. 262). In all, he seems to use the two terms and a number of related terms slightly differently in different contexts.

мы можем считать, что Кант связывает суждение и использование понятий с мышлением так крепко, что ни один другой вид познавательной или представляющей деятельности не должен отождествляться с мышлением. *Созерцание* для Канта — такая представляющая деятельность, или вид представления, который может «существовать... раньше, чем мы нечто помыслим» (В 67; Кант, 2006а, с. 129, см. также: В 132; Кант, 2006а, с. 203). Созерцание как таковое есть не-понятийное представление по определению: это не понятие, а непосредственное, дающее объект представление чувственности (А 15 / В 29; Кант, 2006а, с. 83–85; А 19 / В 33; Кант, 2006а, с. 89).

Типичный вывод концептуалистов по этому вопросу состоит в том, что ни мысли (понятия), ни созерцания не могут играть свои роли в представлении сами по себе (см. McDowell, 1996; Gunther, 2003, p. 1). Кант, как известно, считал, что мысль, лишённая созерцания, пуста (А 51 / В 75; Кант, 2006а, с. 139). Это означает, по сути, что понятие, вовлечённое в такую мысль, не имеет отношения к чувственному объекту⁶. В том же духе созерцание как что-то, что предположительно должно обеспечивать отношение к чувственному объекту, делать мысль содержательной, слепо, если только не подведено «под понятия» (там же).

Но действительно ли слепота созерцаний означает то, что о ней обычно думают, а именно — что независимое от понятий перцептуальное представление невозможно? Я так не думаю, и я в этом отношении не одинок (см., например: Allais, 2009, p. 395; Burge, 2010, p. 154–155; Hanna, 2005, p. 257; Tolley, 2013, p. 127). На мой взгляд, этими слепыми созерцаниями и пустыми мыслями Кант хочет указать на следующее. С одной стороны, рассудок должен постоянно обращаться к чувственности, чтобы избежать платонического летания «на крыльях идей» (А 5 / В 9; Кант, 2006а, с. 59), которые для Канта — понятия, не имеющие отношения к чувственным объектам (см., например: А 336 / В 393; Кант, 2006а, с. 503). С другой стороны, для мышления об объектах одного лишь созерцания недо-

⁶ Например, можно представить, что субъект думает о чём-то в абстрактной манере, без иллюстраций или конкретных примеров, хотя он или она с тем же успехом могли бы делать это с ними (см. анатомический пример в третьей «Критике»: АА 05, S. 343; Кант, 2001а, с. 495). Или, например, когда просто нет доступного созерцания для понятия, выраженного мыслью, либо потому, что у нас нет средств для предоставления пространственно-временного примера для нее, либо потому, что не может быть соответствующего чувственного созерцания даже в принципе.

er with thinking so tightly that any other kind of cognitive or representational activity should not be identified with thinking. *Intuiting* (*Anschauung*) for Kant is such a representational activity or a kind of representing that can “precede any act of thinking” (*KrV*, В 67; Кант, 2000а, p. 189; see also *KrV*, В 132; Кант 2000а, p. 246). As such, intuition is a non-conceptual representation by definition: it is not a concept, but an immediate object-providing representation of sensibility (*Sinnlichkeit*) (*KrV*, А 15 / В 29; Кант, 2000а, p. 135; А 19 / В 33; Кант, 2000а, p. 155).

A typical conceptualist observation at this point is that neither thoughts (concepts) nor intuitions can play their representational roles on their own (see esp. McDowell, 1996, and Gunther, 2003, p. 1). Kant famously regards a thought that lacks intuition as empty (*KrV*, А 51 / В 75; Кант, 2000а, p. 193). This means, basically, that the concept involved in such a thought has no relation to a sensible object.⁶ In the same vein, intuition, as something that is supposed to secure the relation to a sensible object, to make the thought contentful, is blind if it is not brought “under concepts” (*KrV*, А 51 / В 75; Кант, 2000а, p. 194).

But does the blindness of intuitions really mean what it has been commonly taken to mean, namely that concept-independent perceptual representation is impossible? I think not, and I am not alone in this (see also e.g. Allais, 2009, p. 395; Burge, 2010, pp. 154-155; Hanna, 2005, p. 257; Tolley, 2013, p. 127). Instead, as I see it, with his blind intuitions and empty thoughts, Kant wants to underline the following. On the one hand, understanding must constantly turn to sensibility to avoid Platonic flying “on the wings of the ideas” (*KrV*, А 5 / В 9; Кант, 2000а, p. 129), which for Kant are concepts that have no relation to sensible objects (see e.g. *KrV*, А 336 / В 393; Кант 2000а, p. 406). On the other hand, more than mere intuition is required for thinking about objects. This is because the senses do not judge (see e.g. *Anth*, АА 07, p. 146; Кант, 2009, p. 258) and because any use of understanding that is not supported by intuitions lacks access to worldly objects. So,

⁶ For example, it could be the case that the subject thinks of something in an abstract fashion, without illustration or concrete example, although he or she could just as well do so (see the anatomist example in the third *Critique*: *KU*, АА 05, p. 343; Кант, 2000b, p. 218). Or it could be the case that there simply is no intuition available for the concept expressed by the thought, either because we lack the means of providing a spatiotemporal instance for it or because there could not be a matching sensible intuition even in principle.

статочны, поскольку чувства не выносят суждения (см., например: AA 07, S. 146; Кант, 1994в, с. 163–164) и поскольку любое использование рассудка, не подкрепленное созерцаниями, лишено доступа к объектам мира. Таким образом, когда Кант говорит о рассудке и чувственности как о разных, но взаимодополняющих способностях, он указывает на ошибки при принятии или эмпиризма, или рационализма. В то время как эмпирик вроде Локка отдает слишком важную роль чувствам, рационалист вроде Лейбница ошибочно считает один лишь интеллект способным к суждениям, которые могут установить истины о мире. В общем, и эмпирики и рационалисты неправильно понимают, что значит «давать объективно значимые суждения о вещах» (A 271 / B 327; Кант, 2006а, с. 429; см. также: Hanna, 2001, p. 202–203).

Однако я не нашел в текстах Канта ничего о том, что указало бы на равенство (условий) объективного суждения и (условий) чувственного представления как такового. Несмотря на то что приложение понятий непременно было бы абсолютно необходимым условием объективного суждения, Кант прямо утверждает, что мы можем созерцать без приложения понятий к объекту созерцания. Следующие фрагменты говорят об этом особенно явно:

Можно нечто созерцать, не мысля при этом или под этим что-либо (AA 17, S. 620, №4636).

Логическая ясность, как небо от земли, отличается от эстетической, и последняя имеет место, хотя мы вовсе не представляем предмет посредством понятий (AA 20, S. 227 Anm.; Кант, 2001б, с. 901).

[М]ы... можем... что-то представлять себе как данное, хотя бы мы не имели об этом никакого понятия (AA 05, S. 402; Кант, 2001а, с. 629).

Ибо существует *ясность* в созерцании, то есть в представлении отдельного... которая может быть названа *эстетической* и которая совершенно отлична от *логической*, понятийной (подобно тому, как если бы новоголландский дикарь впервые увидел бы дом и был бы настолько близок к нему, чтобы различать его части, но не имел бы, однако, никакого понятия о нем) (AA 08, S. 217 Anm.; Кант, 1993, с. 144).

Если, например, дикарь издали видит дом, назначения которого он не знает, то он, конечно, имеет перед собой в представлении тот же самый объект, что и кто-нибудь другой, определенно знающий его как приспособленное для людей жилище. Но по форме это знание одного и того же объекта у обоих различно. У одного оно есть *только созерцание*, у другого *созерцание* и одновременно *понятие* (AA 09, S. 33; Кант, 1994г, с. 289).

when Kant regards understanding and sensibility as distinct yet complementary faculties, he points out the mistakes of taking either empiricism or rationalism too far. Whereas an empiricist such as Locke gives too prominent a role to senses, a rationalist such as Leibniz falsely takes mere intellect as capable of judgments that can establish truths about the world. In brief, both empiricists and rationalists misconceive what it takes to “judge about things with objective validity” (*KrV*, A 271 / B 327; Kant, 2000a, p. 372; see also esp. Hanna, 2001, pp. 202-203).

Yet there is nothing I have found in Kant’s texts that would indicate that (the conditions of) objective judgment equals (the conditions of) perceptual representation as such. While the application of concepts would of course be an absolutely necessary requirement of objective judgment, Kant explicitly holds that it is possible to intuit without applying concepts to the object of intuition. The following pieces of text are particularly telling in this respect:

One can intuit something without thinking something thereby or thereunder (*Refl* 4636, AA 17, p. 620; Kant, 2005a, p. 151).

Logical distinctness is also totally different from aesthetic distinctness, and the latter can obtain even though we do not represent the object (*Gegenstand*) to ourselves by means of concepts at all [...] (*EEKU*, AA 20, p. 227n; Kant, 2000c, p. 29).

[W]e can [...] represent something as given even though we do not have any concept of it (*KU*, AA 05, p. 402; Kant, 2000b, p. 272).

For there is also a *distinctness* in the intuition, and hence also in the representation of the individual [...] which may be called *aesthetic* and is quite different from *logical* distinctness through concepts (supposing an Australian aborigine, for example, were to see a house for the first time, and was near enough to distinguish all its parts, though without having the least concept of it) [...] (*ÜE*, AA 08, p. 217n; Kant, 2002a, p. 308).

If a savage sees a house from a distance, for example, with whose use he is not acquainted, he admittedly has before him in his representation the very same object (*Objekt*) as someone else who is acquainted with it determinately as a dwelling established for men. But as to form, this cognition of one and the same object (*Objekts*) is different in the two. With the one it is *mere intuition* [*bloße Anschauung*], with the other it is *intuition and concept* at the same time (*Log*, AA 09, p. 33; Kant, 2004, pp. 544-545).

Из этих пассажей мы можем взять следующее. Созерцать дом значит видеть дом — обратите внимание, как во фрагменте из «Логике» Йеше виденье предполагает, что наблюдатель имеет «перед собой в представлении» объект, что, в свою очередь, подразумевает, что наблюдатель имеет созерцание объекта. Однако виденье дома не обязательно включает восприятие дома *как* дома, понимаемое как представление вещи через понятие дома. Очевидно, не знакомый с домами человек не обладает понятием дома и, следовательно, не может воспринимать дом как дом в этом смысле. Так же очевидно, что он не может проанализировать содержание своего восприятия в соответствии со знаками домов (окнами, дверьми и т. д.), то есть сделать свое представление дома более различимым в этом смысле. Но, как подтверждают цитаты из работ «Об одном открытии...» и «Первое введение...», он все же смог бы сделать свое восприятие *эстетически* более различимым. Однако важнее всего то, что вышеупомянутые ограничения познавательной способности не мешают ему перцептуально, или «созерцательно», осознавать наличие перед ним конкретной вещи.

Напротив, одного созерцания, кажется, достаточно для решения фундаментальной познавательной задачи внешнего восприятия, а именно — задачи помещения наблюдателя в отношение с объектом в пространстве. Соответственно, можно использовать термин «явление» и делать акцент на том, как «явления могут быть даны в созерцании без функций рассудка» (A 90 / B 122; Кант, 2006а, с. 191) и почему «действительное присутствие предмета» (A 50 / B 74; Кант, 2006а, с. 137) не зависит от понятий⁷. Фразы «не имел бы, однако, никакого понятия», «вовсе не представляем предмет посредством понятий», «хотя бы мы не имели об этом никакого понятия» в процитированных выше фрагментах наиболее информативны в этом аспекте.

Все вышесказанное поддерживается еще и взглядами Канта на образование эмпирических понятий. Например, в «Венской логике» Кант, как сообщается, сказал следующее:

Тот, кто хотел бы сперва получить представление о красном цвете, должен был бы увидеть красный цвет. Однако когда он сравнил бы красный цвет киновари, кармуазина и понсо, он понял бы, что есть нечто

⁷ См. также у Беатрис Лонгнес (Longuenesse, 2000, p. 24) идею о том, что что-то все равно имеется, а именно то, что она называет *дообъектным объектом*, даже если полноценная «объектность» требует большего.

From such passages we can gather the following. To intuit a house is to see a house — notice how in the *Jäsche Logic* passage seeing implies that the perceiver has “before him in his representation” an object, which in turn implies that the perceiver has an intuition of that object. However, to see a house does not need to involve perceiving the house *as* a house, understood as representing the thing under the concept of house. Obviously, a person unfamiliar with houses does not possess the concept of house and thus cannot perceive the house as a house in this sense. Equally obviously, he cannot analyse the contents of his perception according to the marks of houses (windows, doors, etc.), that is, make his representation of the house more distinct in this sense. But as the quotes from *On a Discovery* and “First Introduction” verify, he would still be able to make his perception *aesthetically* more distinct. Most importantly, however, the aforesaid cognitive limitations do not preclude him being perceptually or “intuitively” aware of the particular thing before him.

On the contrary, mere intuition appears to be quite sufficient for fulfilling the fundamental cognitive task of outward perception, namely that of putting the perceiver in relation with a spatially located object. Relatedly, one could employ the term ‘appearance’ (*Erscheinung*) and emphasise how “appearances can certainly be given in intuition without functions of the understanding” (*KrV*, A 90 / B 122; Kant, 2000a, p. 222) and how “the actual presence of the object [*die wirkliche Gegenwart des Gegenstandes*]” (*KrV*, A 50 / B 74; Kant, 2000a, p. 193) is not dependent on concepts.⁷ In the above quoted passages, phrases “without having the least concept”, “do not represent the object (*Gegenstand*) to ourselves by means of concepts at all”, and “even though we do not have any concept of it” are the most telling ones in this respect.

All of the above is further supported by Kant’s view of empirical concept formation. For example, in the *Vienna Logic* Kant is reported to have said this:

He who wished to have a representation of the colour red first had to see the colour red. When he compared the colour red in the red of cinnabar, *carmoisin*, and *ponceau*, however, he became aware that there is something general in the colour red,

⁷ See also Longuenesse, 2000, p. 24, for the idea that there is nevertheless something present — what she calls *preobjective object* — even if full-blown “objecthood” might require more than that.

общее в красном цвете, содержащееся и в других представлениях о красном цвете, и он мыслил бы красным то, что есть общее у многих предметов, и это было бы понятием (AA 24, S. 904–905).

Здесь Кант имеет в виду идею здравого смысла, согласно которой понятия формируются на основе эмпирических представлений и не являются — и на самом деле не могут являться — понятиями самими по себе. Сначала мы видим красные вещи, потом начинаем узнавать в них единую цветовую особенность и в конце концов приходим к абстрактному понятию красности, которое можем использовать независимо от наличия красных объектов. В более позднем конспекте лекции Кант оказывается близок к тому, чтобы сказать, что это действительно очевидно: «Разумеется, что-то предшествует тому, чтобы представление стало понятием» (AA 09, S. 33–34; Кант, 1994г, с. 289).

Вполне вероятно, что такие до-понятийные представления включают не только восприятия цветов и других сенсорных качеств, но также и восприятия собственно объектов, как подсказывает пример с домом. Особенно важно то, что Кант не думает, будто нам нужно взять «то, что имеется общего в различных опытных представлениях» (AA 24, S. 905), чтобы изначально представлять что-либо. На самом деле, будь оно так, взгляды Канта на приобретение понятий доказывались бы через порочный круг.

Что важно, созерцание не есть прием чувственных данных, каузальный триггер или ввод данных восприятия (см.: Falkenstein, 1995, p. 359; McDowell, 1996, p. 4). Вместо этого созерцание — это представление, а именно тот вид представления, благодаря которому мы можем быть в отношении с индивидуальными объектами. В современных разговорах о содержании *индексальное содержание*, взятое перцептуально, может стать подходящим термином для описания того, что происходит в субъекте на созерцательном уровне познания в кантовском смысле. Продолжая пример Канта с восприятием дома, можно сказать, что оба наблюдателя обладают одинаковым индексальным содержанием независимо от понятий до тех пор, пока они видят один и тот же дом⁸.

⁸ Подчеркнем, что вышесказанное имеет место только в том случае, если нам разрешено воспринимать индексальное содержание строго перцептуально. Это означает по крайней мере две вещи. Во-первых, созерцания не следует рассматривать как единичные термины (см., например: Hintikka, 1969). Во-вторых, и в связи с этим, «этойность» созерцания должна рассматриваться не лингвистически (то есть так, как обычно понимается индексал «этот»), а просто как указывающая на то, что субъект находится в таком перцептуальном состоянии, которое заставляет его представлять его непосредственную пространственно-временную среду как вклю-

that is contained along with other things in other representations of the colour red, and he thought by red that which was common to many objects (*Gegenstände*), and this was a concept (*V-Lo/Wiener*, AA 24, pp. 904-905; Kant, 2004, pp. 348-349).

What Kant suggests here is the rather common-sense idea that concepts are formed on the basis of empirical representations that are not, and indeed cannot be, concepts by themselves. First we see red things, then we start to recognise that they all share the same colour feature, and eventually come up with the abstract notion of redness that we can also employ independently of the presence of red objects. In a later lecture note, Kant comes close to saying that this much is indeed obvious: “Something precedes, of course, before a representation becomes a concept” (*Log*, AA 09, pp. 33-34; Kant, 2004, p. 545).

It is plausible to think that such pre-conceptual representations include not just perceptions of colours and other sensory qualities, but genuine object perceptions as well, as suggested by the house example. Most importantly, Kant hardly thinks that we would need to “take that which is common to various empirical representations” (*V-Lo/Wiener*, AA 24, p. 905; Kant, 2004, p. 349) in order to represent in the first place. In fact, were that the case, Kant’s account of concept-acquisition would become circular.

Crucially, intuition is not a sensory intake, causal trigger or perceptual input (*cf.* Falkenstein, 1995, p. 359; McDowell, 1996, p. 4). Instead, intuition is a representation: namely, the kind of representation thanks to which we can be related to individual objects. In contemporary content-talk, *indexical content*, taken perceptually, might be a fitting term to describe what goes on in the subject at the intuitive level of cognition in Kant’s sense. To continue with Kant’s house perception example, both of the perceivers possess the same indexical contents, and this independently of concepts, as long as they both see the very same house.⁸

⁸ Let it be emphasised that the aforesaid only holds if we are allowed to take indexical content strictly perceptually. This means at least two things. Firstly, intuitions should not be treated as singular terms (*cf.* e.g. Hintikka, 1969). Secondly, and relatedly, the “thatness” of intuition should not be treated linguistically (i.e. the way the indexical ‘that’ is usually understood) but as merely indicating that the subject is in such a perceptual state that makes her represent her immediate spatiotemporal environment as featuring a specific object — some-

3. Представление без мышления: не-категориальный синтез

Вышесказанное подразумевает, что эмпирические понятия, такие как понятие дома, не необходимы, согласно Канту, для перцептуального представления, особенно если мы понимаем содержание перцептуального представления только индексальным или демонстративным образом. Но все же можно утверждать, что чистые понятия рассудка, или *категории*, должны быть приложены даже в тех случаях, когда использование понятий в вышеобозначенном смысле не имеет места. Далее я попробую опровергнуть это замечание.

Предположим, что мы приписываем красный цвет стоящему перед нами дому. Уместно считать, что этот мыслительный акт возможен благодаря категории *substantia et accidens*⁹. Это происходит потому, что эту категорию можно рассматривать как предварительное условие любого представления такой формы, а именно акта мышления, в котором нечто преддицируется самостоятельно существующей вещи как одно из ее более или менее случайных качеств. Та же самая категория в качестве крайне абстрактного понятия просто выражает то общее, что есть в каждом отдельном случае такого преддицирования. Другими словами, категория выражает элемент познания, который остается неизменным, несмотря на различия в эмпирических обстоятельствах, включая эмпирические понятия, которыми мы обладаем и которые используем. Такие структурные, или постоянные, особенности наших мыслей можно было бы назвать их *категориальными содержаниями*, предполагая, что мы ограничиваем значение термина до содержаний, относящихся к категориям, и исключаем из него то, что Кант называет «модусами чистой чувственности» (A 81 / B 107; Кант, 2006а, с. 175).

Означает ли это, что для того, чтобы изначально представить дом, мы действительно должны представить его как пример субстанции? Едва ли.

чающую в себя определенный объект, то есть что-то, что он может отследить и на что может указать. Еще один вопрос: как следует понимать кантовское созерцание перспективы? Можно, например, утверждать, что если воспринимающие смотрят на объект с разных точек, то их отношение к объекту различно только в силу различающихся точек зрения и, следовательно, индексальные содержания их восприятий также будут различными. Однако я не думаю, что это основная идея созерцания. Скорее это тот случай, когда на созерцании основывается ссыла, в данном случае на то, к чему можно приложить понятие дома, или лингвистическое индексальное «этот».

⁹ Присущность и самостоятельное существование (лат.).

3. Representing without Thinking: Non-Categorical Synthesis

What has been said thus far implies that empirical concepts, such as the concept of house, are not necessary for perceptual representation according to Kant, especially if we understand the content of perceptual representation in a purely indexical or demonstrative manner. Still, it can be argued that the pure concepts of understanding or *categories* have to be applied even in such cases where concept-use in the aforementioned sense does not take place. Next, I will try to undermine this objection.

Suppose we attribute red colour to the house before us. It is plausible to hold that the category of *substantia et accidens* makes this thought-act possible. This is because the category can be seen as the precondition of every representation of the same form: namely, the act of thinking in which something is predicated of a subsisting thing as one its more or less accidental properties. The very same category, as a highly abstract concept, simply expresses what is common to every instance of such predication. To put it differently, the category expresses the cognitive element that stays the same regardless of the differences in empirical circumstances, including the empirical concepts we happen to possess and use. Such structural or constant features of our thoughts might be called their *categorical contents*, assuming one limits the term to category-related contents and excludes what Kant calls “*modi of pure sensibility*” (*KrV*, A 81 / B 107; Kant, 2000a, p. 213).

Does this mean that in order to represent the house in the first place, we must actually represent it as an instance of Substance? Hardly. In fact, it seems that Kant’s way of approaching the matter is quite the opposite: in order to really apply Substance to anything, we must be able to intuit particular things, the sensible conditions of which also provide the

thing she can track and point to, basically. A further question is how perspectively Kantian intuitions should be understood. One could argue, for instance, that given that different perceivers look at the object from different locations, their relation to the object is different simply due to their differing points of view, and hence, perceptually speaking, their indexical contents must also be different. I do not think this is the core idea of intuition, however. It is rather the case that intuition grounds reference — in this case, that to which the linguistic indexical ‘that’ and the concept of house can be applied.

В действительности представляется, что кантовский подход к этом вопросу как раз противоположный: для того, чтобы приложить категорию самостоятельного существования к чему-либо, мы должны быть способны созерцать отдельные вещи, чувственные условия которых также предоставляют условия, необходимые для приложения категории самостоятельного существования и других понятий *a priori*. Кант указывает в черновике своего письма к Иоганну Генриху Тифтунку, датированного 13 октября 1797 г., в котором, на мой взгляд, в значительной степени определяется его методологическая позиция по этому вопросу:

Я хотел бы лишь заметить по этому поводу, что когда он [Бек] исходит из категорий, он занимается лишь формой мышления, понятиями без предмета, которые пока лишены всякого значения. Естественнее начинать с *данного*, с созерцаний, поскольку они возможны *a priori* и в синтетических априорных положениях передают не что иное, как явления объектов (AA 13, S. 463).

Следующий вопрос заключается в том, можем ли мы обладать категориальными понятиями без посредничества эмпирических понятий. Учитывая то, что нам требуются эмпирические понятия для того, чтобы судить об эмпирических объектах и их свойствах, напрашивается негативный ответ. На самом деле, если думать значит составлять суждения, а составлять суждения значит применять эмпирические понятия, то категории в конечном итоге должны быть предварительным условием приложения эмпирических понятий к эмпирическим созерцаниям, а не к перцептуальным представлениям как таковым. Отсюда следует, как кажется, что до тех пор, пока категории прикладываются к объектам, эмпирические понятия также должны прикладываться (и наоборот), но если эмпирические понятия не необходимы для перцептуальных представлений, то и категории не могут быть для них необходимыми.

Тут читающий Канта концептуалист, скорее всего, будет настаивать на том, что для перцептуального представления необходима сама категориальная структура. Например, он или она может указать на то, что дом должен быть понимаем в терминах самостоятельного существования, чтобы вообще быть для нас объектом. Это, однако, не опровергает утверждение о возможности самостоятельного перцептуального представления без приложения категорий. Всё, о чем говорит концептуалистский контраргумент, сводится к необходимости существования соответствия между нашими восприятиями (созерцаниями) и суждениями (мыс-

conditions for applying Substance and other a priori concepts. As he points out in the draft of his letter to Johann Heinrich Tieftrunk, dated 13 October 1797, which I believe pretty much defines Kant's methodological stance regarding the matter at hand:

Let me only remark on this point that when he [i.e. Beck] proposes to start out with the categories he is busying himself with the mere form of thinking, that is, concepts without objects (*Gegenstand*), concepts that as yet are without any meaning. It is more natural to begin with the *given*, that is, with intuitions insofar as these are possible a priori, furnishing us with synthetic a priori propositions that disclose nothing but the appearances of objects (*Objekte*) (*Br*, AA 13, p. 463; Kant, 1999, p. 527).

A further question is whether we can be in possession of categorial contents without the mediation of empirical concepts. Given that we need empirical concepts in order to judge about empirical objects and their properties, the answer seems negative. Indeed, if to think is to judge, and if to judge is to apply empirical concepts, the categories must ultimately precondition the application of empirical concepts to empirical intuitions, not perceptual representation as such. Hence, as long as the categories are applied to objects, it seems that empirical concepts must be applied as well (and vice versa), but if empirical concepts are not necessary for perceptual representation, neither can categories then be necessary for perceptual representation.

At this point, a conceptualist reader of Kant tends to insist that the categorial framework itself is nevertheless necessary for perceptual representation. For example, he or she might point out that the house must be understandable in terms of Substance in order to be an object for us at all. This, however, would not refute the claim that there can be self-standing perceptual representation without the application of the categories. All the conceptualist counterargument really claims is that there must be a fit between our perceptions (intuitions) and judgments (thoughts), otherwise appearances could be such that they could not be thought and judged about, whereby the objectivity of the categories would be lost (e.g. Griffith, 2012, pp. 7-8). However, even if appearances were necessarily subsum-

лями), в противном случае мы не смогли бы думать и судить о явлениях, а из-за этого объективность категорий была бы потеряна (см., например: Griffith, 2012, p. 7–8). Однако даже если бы явления были с необходимостью отнесены к категориям — и это кажется очевидным независимо от того, успешно кантовское доказательство этого вопроса или нет, — это никоим образом не исключает возможности для субъекта быть в таком репрезентативном состоянии, в котором явления не относятся к категориям. Проще говоря, из приложимости категорий никоим образом не следует их действительное приложение.

Известно, что двенадцать категорий понимаются как понятия синтеза (A 80 / B 106; Кант, 2006а, с. 173). Более того, кажется, что перцептуальное представление, будучи зависимым от воображения, должно включать в себя синтез в определенном смысле (A 120 Anm.; Кант, 2006б, с. 173 сн.). Следовательно, может показаться, что перцептуальное представление крепко связано с категориями, как и любое действие синтеза. Можно даже утверждать, что само понятие у Канта двойко: понятийное представление можно рассматривать или как составную часть суждения, связанную с отношением [к категории], или как нечто отвечающее за упорядочивание чувственных представлений еще до суждения (см., например: Allison, 1973, p. 64–65; Longuenesse, 2000, p. 61–64, 86–90)¹⁰. Этот интерпретативный маневр кажется несовместимым с выше процитированной идеей о том, что рассудок может использовать понятия только в суждениях, но предположим ради спора, что здесь это не проблема. Если это так, тогда то, что мы только что предположили, будет истинным только для относящегося к категориям использования понятий: даже если не-понятийное индексальное содержание было бы возможным до тех пор, пока речь идет о действительном отношении объекта к эмпирическим понятиям, все равно для придания объекту какого-либо смысла нам могут понадобиться категории. Например, когда наблюдатель, не знакомый с домами, задается вопросом «Что это за вещь передо мной?», он ищет свойства объекта и, занимаясь этим, он также рассматривает объект как обладающий структурой *части-целое*. Подобные познавательные действия вполне обоснованно считать случаями приложения таких категорий, как субстанция и целокупность.

¹⁰ Альтернативная концептуалистская в широком смысле стратегия состояла бы в том, чтобы утверждать, что, хотя перцептуальное содержание не обязано включать категории в ясном или явном виде, они тем не менее присутствуют в любом возможном перцептуальном содержании неясным или неявным образом, руководя каждым возможным синтезом (см. особенно: Grüne, 2009, S. 27 и др.).

able under the categories — and this much seems obvious, whether Kant's argumentation to that end is thoroughly successful or not — this would not in any way rule out the possibility that the subject can be in such a representational state in which the appearances are not subsumed under the categories. Simply put, in no way does the applicability of the categories entail their actual application.

Now, the twelve categories are also known as the concepts of synthesis (*KrV*, A 80 / B 106; Kant, 2000a, p. 213). It moreover seems that even perceptual representation, being dependent on imagination, must involve synthesis in some relevant sense (*KrV*, A 120n; Kant, 2000a, p. 239n). Therefore, it may seem that perceptual representation is intimately bound to the categories just like any act of synthesis. What is more, it can be argued that Kant's notion of concept is twofold. Conceptual representation can be seen either as a constituent of judgment, having to do with subsumption, or as something that answers for the ordering of sensible representations already at pre-judgmental level (e.g. Allison, 1973, pp. 64-65; Longuenesse, 2000, pp. 61-64, 86-90).⁹ This interpretative move does not seem to be compatible with the above-cited idea that understanding can only use concepts in judging, but let's assume for argument's sake that here there is not a problem. If this is so, then what we have suggested thus far seems to hold true only for subsumptive concept-use: even if non-conceptual indexical content were possible in so far as the actual subsumption of the object under empirical concepts is concerned, it could still be the case that in order to make any sense of the object, one needs the categories. For example, when the perceiver not familiar with houses wonders *What is this thing before me?* he looks for the properties of the object, and when he does that, he also regards the object as possessing a parts-whole structure. Such cognitive undertakings can be plausibly regarded as instances of the application of categories such as Substance and Totality.

I cannot go into all the issues that come up at this juncture in a single article. So, let me just ex-

⁹ An alternative broadly conceptualist strategy would be to argue that even though perceptual content does not need to involve the categories in a clear or explicit fashion, the categories are nevertheless present in any possible perceptual content in an obscure or implicit fashion, guiding every possible synthesis (see esp. Grüne 2009, p. 27 and *passim*).

Я не имею возможности исследовать в одной статье все проблемы, возникающие в этой связи. Поэтому позвольте мне просто объяснить, как можно понимать не-понятийное перцептуальное представление в терминах синтеза, несмотря на то, что некоторые работы Канта, казалось бы, подразумевают невозможность таких представлений. Я начну с того, что подчеркну различие, которое, по моему мнению, не получило достаточного внимания в литературе, а именно — что исследование того, как объект выглядит (если говорить о зрении), и того, какими обобщаемыми свойствами обладает, — разные вещи.

На каком основании Кант говорит в первых частях «Трансцендентальной логики», например, что синтез как таковой — это «исключительно действие способности воображения» (A 78 / B 103; Кант, 2006а, с. 171), которая «принадлежит к чувственности» (B 151; Кант, 2006а, с. 225), в то время как приведение этого синтеза к понятиям есть «функция, присущая рассудку» (A 78 / B 103; Кант, 2006а, с. 171)? Кажется, что теория Канта допускает не-понятийный синтез, или сложение (см. также, например: Hanna, 2008, p. 62; Rohs, 2001, S. 215, 220; Waxman, 1991, p. 150, n. 28). Такое основанное на воображении «сложение-вместе» может быть проиллюстрировано следующим образом. Предположим, что перед нами рисунок, изображающий треугольник. Рассматривая его, мы идем по одной линии, переходим к другой, а потом еще к одной, соединенной с первой. Так мы получаем грубую перцептуальную идею фигуры, известной как треугольник.

Чтобы понять, чем может быть (и что не есть) не-понятийный синтез, важно отметить, что сейчас мы говорим не о представлении треугольника как треугольника, например, посредством понимания того, что сумма его углов равна 180 градусам, что, как известно, необходимо для каждого треугольника (ср.: AA 11, S. 51; Кант, 1994г, с. 528–529). Мы не ищем общие или универсальные свойства треугольников. Мы не измеряем их. По сути дела, мы никоим образом не *категоризируем* их. Мы просто рассматриваем эту индивидуальную фигуру с ее уникальным треугольным способом бытия, чувственно наличного для нас. Как это объяснил бы Кант, такой вид синтетических действий относится к воображению, а значит, «всегда чувственный»: «Ибо сам по себе синтез способности воображения... тем не менее всегда является чувственным, потому что он связывает многообразие лишь так, как оно является в созерцании (пример — образ [гештальт] треугольника)» (A 124; Кант, 2006б, с. 177).

plicate how one might understand non-conceptual perceptual representation in terms of synthesis, despite the fact that some of the Kant texts seem to imply the impossibility of such a thing. Let me start by highlighting a distinction that I do not think has been stressed enough in the literature: namely, that it is one thing to examine an object in so far as its looks (to stick to vision) are concerned, and another thing to examine an object in so far as its generalisable features are concerned.

On the basis of what Kant says in the early parts of the “Transcendental Logic” — he for instance says that synthesis as such is “the mere effect of the imagination” (*KrV*, A 78 / B 103; Kant, 2000a, p. 211), which “belongs to sensibility” (*KrV*, B 151; Kant, 2000a, p. 257), though bringing the synthesis to concepts “pertains to the understanding” (*KrV*, A 78 / 104; Kant, 2000a, p. 211) — it seems that Kant’s theory does allow for non-conceptual synthesis or composition (*Zusammensetzung*) (see also e.g. Hanna, 2008, p. 62; Rohs, 2001, pp. 215, 220; Waxman, 1991, p. 150, n. 28). Such an imagination-based “putting-together” can be illustrated as follows. Suppose we have in front of us a drawing that depicts a triangle. As we examine it, first we follow one line, then another line, and then yet another line that connects with the first one. What we get is a rough perceptual idea of a figure known as a triangle.

In order to understand what a non-conceptual synthesis might be (and what it is not) it is crucial to notice that now we are not speaking of representing the triangle *as* a triangle, say, by recognising that it has an angle-sum of 180 degrees, as every triangle necessarily does (*cf. Br*, AA 11, p. 51; Kant, 1999, p. 313). We are not figuring out general or universal properties of triangles. We are not measuring it. As a matter of fact, we are not *categorising* it in any way. We are simply examining this individual figure with its unique triangular way of being sensibly present to us. As Kant would explain it, this kind of synthetic activity is up to imagination and hence “always sensible”: “For in itself the synthesis of imagination [...] is nevertheless always sensible, for it combines the manifold only as it appears in intuition, e.g., the shape of the triangle” (*KrV*, A 124; Kant, 2000a, p. 240).

The phrase “only as it appears in intuition” contains an equally crucial point, since it underscores

Фраза «лишь так, как оно является в созерцании» содержит в себе не менее важный момент, поскольку она подчеркивает способ работы чувственности в целом: не схватыванием объекта посредством его общих или обобщаемых качеств, а рассмотрением частного являющегося объекта. «Разумная познавательная способность — это способность мыслить или создавать для себя понятия. Она представляет только объект вообще, не глядя на способ его явления» (AA 29, S. 888). Однако в нашем примере мы смотрим только на то, каким именно способом частная треугольная фигура является нам, то есть на то, как она чувственно представлена в созерцании.

Несомненно, если говорить о познании, такое перцептуальное представление только формы мало что нам дает. В этом примере отсутствует понимание каких-либо аспектов «треугольности». В этом смысле предмет может оставаться полностью неопределенным (см.: A 20 / B 34; Кант, 2006а, с. 89–91). Нам не нужно даже знать, что мы смотрим именно на треугольник. Как говорит сам Кант, «познание в собственном смысле этого слова» (A 78 / B 103; Кант, 2006а, с. 171) требует привести синтез к понятиям, и похоже, что это именно то, чего *не* происходит в нашем примере. Однако это не важно, если мы хотим узнать, возможно ли представить отдельную форму или чувственную конфигурацию объекта, не представляя его понятийно. Учитывая, что за пределами чувственного представления отдельных объектов могут существовать перцептуальные представления, посредством которых отдельные вещи познаются, лишь когда они являются, а также то, что категории есть способ представления «объекта вообще», ответ будет положительным: да, отдельные формы и пространственные конфигурации могут быть представлены без приложения понятий, в том числе категорий¹¹.

Говоря прямо, в свете проблемы содержания, поскольку индексальное содержание не несет в себе никакой обязательной связи с эмпирическими понятиями, в определенном смысле содержание синтеза может быть не-категориальным, по крайней мере пока речь идет о действительном приложении категорий к этому содержанию. Действительно, содержание чувственного синтеза может быть опи-

the way the faculty of sensibility as a whole operates: not by grasping the object via its general or generalisable features, but by having the particular appearing object under inspection. Understanding, or the intellect, on the other hand, does not represent in this manner: “The intellectual cognitive faculty is the faculty for thinking or for making concepts for ourselves. It represents only the object (*Objekt*) in general, without looking to the manner of its appearance” (*V-Met/Mron*, AA 29, p. 888; Kant, 2001, p. 256). In our example, however, we are only considering the peculiar manner the particular triangular figure appears to us, that is, how it is represented sensibly in intuition.

Certainly, cognitively speaking, such a perceptual representation of a mere shape is not much. In the example, none of the aspects of “trianglehood” are understood. To this extent, the object (*Gegenstand*) may remain totally undetermined (see *KrV*, A 20 / B 34; Kant, 2000a, p. 172). We do not even need to know that it is a triangle we are gazing at. As Kant himself puts it, “cognition in the proper sense” (*KrV*, A 78 / B 103; Kant, 2000a, p. 211) requires bringing synthesis to concepts, and it seems that this is exactly what does *not* happen in our example. This, however, is irrelevant if we want to know whether it is possible to represent a particular shape or the sensible configuration of an object without representing it conceptually. Given that there can be perceptual representations through which particular things are cognised merely as they appear, and given that the categories are ways of representing “the object in general” beyond the ways particular objects happen to be present to our senses, the answer appears positive: yes, it is possible to represent particular shapes and spatial configurations without the application of concepts, including the categories.¹⁰

Put explicitly in terms of content, just as indexical content bears no necessary connection to empirical concepts, there is a sense in which the content of synthesis can be non-categorical, at least as far as the actual application of the categories with respect

¹¹ Это различие также помогает нам сохранить взгляд, согласно которому каждое пространственное определение является определением математически определенной величины. В третьей «Критике» Кант проводит еще одно различие между логическим и эстетическим определением величины (AA 05, S. 251; Кант, 2001а, с. 269–271; см. также: Golob, 2014).

¹⁰ This distinction also helps us retain the view that not every spatial determination is a determination of a mathematically specified magnitude. In the third *Critique*, Kant makes a further distinction between logical and aesthetic determination of magnitude (*KU*, AA 05, p. 251; Kant, 2000b, pp. 134-135; see also Golob, 2014).

сано как *пространственное содержание*, которое доводит до наблюдателя такие вещи, как местоположение и *Gestalt* объекта. Понятия этого не делают, так как не предоставляют нам частные вещи. Для такого вида представления нам нужны индексальные содержания, предоставляемые созерцанием. В таком случае познавательная роль категорий заключается в предоставлении способов понятийного определения того, что в противном случае было бы просто индексальным или пространственным содержанием. Как говорит сам Кант в «Дедукции категорий» второго издания «Критики чистого разума», категории — это «понятия о предмете вообще, благодаря которым созерцание его рассматривается как определенное с точки зрения одной из логических функций в суждениях» (В 128; Кант, 2006а, с. 199; см. также: В 143; Кант, 2006а, с. 215–217). Для наших целей важно отметить, что такое приложение категорий не обязано иметь место в отношении любого возможного содержания, и в действительности не происходило в нашем примере с треугольником, суть которого заключалась как раз в том, что представление треугольной формы независимо от ее определенности категориями¹².

4. Чувственность и рассудок как фундаментально разные виды возможностей представления с разными вкладами в познание

Должно быть ясно, что для Канта приложение понятий есть функция мышления. Ясно также, что если существуют представления, не являющиеся мыслями в кантовском смысле — прежде всего исследованное выше не-понятийное индексальное содержание и содержание, образованное исключительно путем пространственного синтеза, — то становится сложно понять, как какие-либо понятия могут с необходимостью быть включены в содержание представления, не являющегося случаем мышления¹³. Более того, как далее будет показано,

¹² Альтернативная аргументативная стратегия для аналогичной цели заключалась бы в том, чтобы подчеркнуть, что кантовское понятие единства имеет два аспекта и что пространственно-временное единство следует четко отличать от дискурсивного единства (McLear, 2015; см. также: Onof, Schulting, 2015).

¹³ Подобным образом схемы могут быть исключены из необходимых компонентов перцептуального представления: схемы не только объясняют возможность синтетического суждения (А 148 / В 187; Кант, 2006б, с. 267) и изображения понятий (АА 05, S. 351–352; Кант, 2001а, с. 513–515), но схема «не может существовать нигде, кроме как в мысли» (А 141 / В 180; Кант, 2006а, с. 259).

to that content is concerned. Indeed, the content of sensible synthesis can be described as purely *spatial content* that conveys things like location and the object's *Gestalt* to the perceiver. Concepts do not convey such things, just as they do not provide us with particulars. For that kind of representation we need indexical contents provided by intuition. The cognitive role of the categories, then, is to provide ways to conceptually determine the otherwise merely indexical or spatial content. As Kant puts it in the so-called B-Deduction, the categories “are concepts of an object (*Gegenstand*) in general, by means of which its intuition is regarded as determined with regard to one of the logical functions for judgments” (*KrV*, В 128; Kant, 2000a, p. 226; see also *KrV*, В 143; Kant, 2000a, p. 252). The crucial thing for the current purposes is that this kind of application of the categories does not need to take place with regard to every possible content, and indeed did not take place in our triangle example, where the point was precisely that representing the triangular shape as such was independent of the categorial determination of it.¹¹

4. Sensibility and Understanding as Fundamentally Different Kinds of Representational Capacities with Separable Contributions

It should be clear that for Kant the application of concepts is a function of thinking. It should be equally clear that if there are representations that do not count as thoughts in Kant's demanding sense — the above-examined non-conceptual indexical content and content generated through merely spatial synthesis being the best candidates — then it becomes difficult to see how any concepts could be necessarily featured in a representational content that is not an instance of thinking.¹² Moreover, as

¹¹ An alternative argumentative strategy to a similar end would be to emphasise that Kant's notion of unity is twofold, and that spatiotemporal unity is to be starkly distinguished from discursive unity (McLear, 2015; see also esp. Onof and Schulting, 2015).

¹² In a similar fashion, schemata could be excluded from the necessary ingredients of perceptual representation: not only do schemata explain the possibility of synthetic judgment (*KrV*, А 148 / В 187; Kant, 2000a, p. 278) and the exhibition of concepts (*KU*, АА 05, pp. 351-352; Kant, 2000b, pp. 225-226) but a schema “can never exist anywhere except in thought” (*KrV*, А 141 / В 180; Kant, 2000a, p. 273).

даже когда объект определен понятиями, он в некотором смысле продолжает быть не-понятийно доступным независимо от того, каким образом мы о нем думаем.

Для Канта есть фундаментальное различие между чувственностью и рассудком, разделение которых есть не только требование развитой теории человеческого познания, но и нечто, к чему субъект имеет доступ посредством рефлексии (A 260–261 / B 316–317; Кант, 2006а, с. 417; см. также, например: AA 16, S. 494–495, № 2743). В примере с треугольником мы с легкостью могли отделить *Gestalt* треугольника от геометрического определения треугольника как плоской фигуры с суммой углов, равной 180 градусам. Чтобы лучше проиллюстрировать этот вид способности представления, предположим, что мы формулируем суждение на основании визуального восприятия того, что вода гнет весло, которое мы только что в нее опустили. Если мы это сделаем, то дадим чувственности вести нас. Тем не менее источник этого заблуждения — суждение, а не явление (ср.: AA 04, S. 290; Кант, 1994б, с. 46; см. также: A 376; Кант, 2006б, с. 471–473). Что нам не удалось сделать, так это должным образом осмыслить положение дел, посредством чего мы бы поняли, что все только выглядит таким образом. Но *со стороны восприятия* все было в порядке: в нашем лишенном суждения визуальном восприятии весла не было ошибки, ошибочным было бы заключить, что вода может мгновенно согнуть дерево. Еще в меньшей степени суждения изменяют *перцептуальное содержание*, то есть тот самый образ, которым мы представляем весло посредством чувственного созерцания. Как мы увидели, факт явления чего-либо и то, каким образом вещи являются, следует резко отличать от представления объектов за пределами способа, которым они являются. Это различие — именно то, что наши примеры с треугольником и веслом стремятся проиллюстрировать.

В конечном счете все это указывает на то, что чувственность и рассудок соотносятся друг с другом не как входные данные и процессор, но скорее как изображение и его интерпретатор. Это, в свою очередь, свидетельствует, что способность интерпретировать данный объект, то есть формировать мысли о нем, приходит со способностью к рефлексии над содержанием своих представлений. Как показывает пример с согнутым веслом, для этого необходимо учитывать различный вклад, вносимый чувственностью и рассудком в наши представления. Ошибка здесь означает, что мы формируем

will be elaborated shortly, even when an object gets determined conceptually, there is a sense in which the object continues to be non-conceptually available to us independently of the manner we happen to think about it.

For Kant, there is a fundamental difference between sensibility and understanding, the separation of which is not only something a well-developed account of human cognition demands, but something to which the subject must have access through reflection (*KrV*, A 260-261 / B 316-317; Kant, 2000a, p. 366; see also e.g. *Refl* 2743, AA 16, pp. 494-495; Kant, 2005a, p. 49). In the triangle example, we could easily separate the *Gestalt* of the triangle from the determination of the triangle as a plane figure the angle sum of which has to be 180 degrees for it to count as a triangle in the geometrical sense. To illustrate this kind of reflective capacity further, suppose we judge on the basis of visual perception that water has the capacity to bend the oar we have just put under water. If we do so we let sensibility lead the way. The confusion itself is nevertheless in our judgment, not in the appearance (*cf. Prol*, AA 04, p. 290; Kant, 2002b, p. 85; see also e.g. *KrV*, A 376; Kant, 2000a, p. 429). What we have failed to do is properly reflect on the state of affairs, whereby we would have realised that things only look that way. But *perceptually* we got it all right from the start: there is nothing wrong in our non-judgmental visual perception of the oar — the mistake would be to jump to the conclusion that water has the capacity to instantly bend wood. Even less so does the judgment alter *perceptual content*, that is, the very way we represent the oar through sensible intuition. As we have seen, the fact of something appearing and the way things appear is to be sharply distinguished from representing objects beyond their manner of appearance, and this distinction is exactly what our triangle and oar examples aim to illustrate.

Ultimately, all of this suggests that sensibility and understanding do not relate to one another as input and its processor, but rather as an image and its interpreter. This in turn suggests that the ability to interpret a given object — to form thoughts about it, basically — comes with the ability to reflect on one's representational contents. As the bent oar case shows, doing so involves taking notice of the different representational contributions of sensibility and understanding. An error here means that we pass judgment on wrong grounds. For example, when

суждение на неверном основании, например когда мы слишком полагаемся на вклад чувственности, неправильно интерпретируя перцептуальный объект. Однако такая возможность требует автономного перцептуального содержания. Это значит, что в определенном смысле содержание представлений, даваемое чувственностью, должно быть доступно независимо от его интерпретации рассудком.

Взгляды Канта на животное познание целиком поддерживают тезис об автономии не-понятийного содержания представлений¹⁴. Так как животные, не являющиеся людьми, могут наблюдать, но не обладают рассудком, а следовательно, не получают, сохраняют или используют понятия, животное восприятие необходимо не-понятийно, с точки зрения Канта. Допуская, что у нас нет достаточных оснований, чтобы считать, будто Кант полагает восприятия животных принципиально отличными от человеческих восприятий, человеческое восприятие также можно мыслить как внутренне не-понятийное¹⁵. Кроме того, учитывая, что перцептуальное представление может быть независимым от мышления — а восприятие животного обязательно таково, в то время как восприятие человека таково случайным образом, — мы можем сделать то же самое заключение независимо от того, поддерживается ли это заключение взглядами Канта на животных.

¹⁴ Несмотря на то что у животных, в отличие от людей, отсутствуют понятия (AA 28, S. 594) и способность ставить цели для себя (AA 05, S. 431; Кант, 2001a, с. 699–701; AA 06, S. 392; Кант, 2018, с. 51–53), они похожи на человека в том, что у них есть чувства (AA 05, S. 210; Кант, 2001a, с. 167–169), созерцания (AA 28, S. 594) и воображение (AA 28, S. 277; AA 29, S. 884). Животные также действуют в соответствии с представлениями (AA 05, S. 464 Anm.; Кант, 2001a, с. 781 сн.) и могут сравнивать их (AA 29, S. 888). В более общем смысле люди тоже являются животными и разделяют способность восприятия или низшую познавательную способность с животными (*ibid.*). См. также: (AA 02, S. 59–60; Кант, 1994a, с. 38–40; AA 09, S. 64–65; Кант, 1994г, с. 321–322; AA 20, S. 211; Кант, 2001б, с. 865–867; AA 24, S. 236; AA 24, S. 846). В совокупности имеющиеся данные убедительно подтверждают прочтение, согласно которому Кант рассматривал животных как существ, обладающих сознанием и способных к всевозможным не-понятийным эмпирическим представлениям, особенно к восприятию (в широком смысле). См. также: (Burge, 2009, p. 295, n. 18; McLearn, 2011; Naragon, 1990).

¹⁵ Можно пойти дальше и заявить, что сам рассудок не требуется для перцептуального представления частных вещей. Это на самом деле объясняет, почему Кант считает существ, которые не наделены интеллектом, способными к представлению. В более общем смысле можно утверждать, что ум в целом является репрезентативной способностью, одним из аспектов которой выступает рассудок, так сказать, дискурсивная сторона ума (см.: AA 09, S. 58; Кант, 1994г, с. 314–316). В качестве альтернативы можно различать дискурсивный и преддискурсивный рассудок или спонтанность более низкого и более высокого уровня (Waxman, 1991, p. 34, 80; Hanna, 2008, p. 62).

we make our judgment too focused on the contribution of sensibility, interpreting the perceptual object in a wrong way. But this kind of possibility requires autonomous perceptual content. This is to say that there must be a sense in which the representational content provided by sensibility is available independently of its interpretation by understanding.

Kant's views on animal cognition give full support to this kind of autonomy of non-conceptual representational content.¹³ Since non-human animals are perceivers, but do not have understanding, and thus do not acquire, possess, or use concepts, animal perception is necessarily non-conceptual in Kant's view. Assuming that there are no good grounds for interpreting Kant as regarding animal perception as fundamentally different from human perception, human perception too can then be understood as intrinsically non-conceptual.¹⁴ Besides, given that perceptual representation can be independent of thinking — animal perception being necessarily so, human perception contingently so — we can draw the same conclusion also independently of this further support from Kant's views on non-human animals.

¹³ Even though non-human animals lack concepts (*V-Met-L2/Pölitz*, AA 28, p. 594; Kant, 2001, p. 354) and the capacity to set ends for themselves (*KU*, AA 05, p. 431; Kant, 2000b, p. 298; *MS*, AA 06, p. 392; Kant, 2005b, p. 522), they are similar to human animals in that they do have feelings (*KU*, AA 05, p. 210; Kant, 2000b, p. 95), intuitions (*V-Met-L2/Pölitz*, AA 28, p. 594; Kant, 2001, p. 354), and imagination (*V-Met-L1/Pölitz*, AA 28, p. 277; Kant, 2001, p. 88; *V-Met/Mron*, AA 29, p. 884; Kant, 2001, p. 253). Animals also act in accordance with representations (*KU*, AA 05, p. 464n; Kant, 2000b, p. 328) and can compare them (*V-Met/Mron*, AA 29, p. 888; Kant, 2001, p. 257). More generally, human beings are animals, too, and share the faculty of sensibility, or the lower cognitive faculty, with non-human animals (*ibid.*). See also *Dfs*, AA 02, pp. 59-60; Kant, 2007, pp. 103-104; *Log*, AA 09, p. 64-65; Kant, 2004, p. 569-570; *EEKU*, AA 20, p. 211; Kant, 2000c, p. 15; *V-Lo/Blomberg*, AA 24, p. 236; Kant, 2004, p. 188; and *V-Lo/Wiener*, AA 24, p. 846; Kant, 2004, p. 299. Taken together, the evidence strongly supports a reading according to which Kant regarded non-human animals as minded creatures capable of all sorts of non-conceptual empirical representation, most notably perception (broadly construed). See also Burge, 2009, p. 295n18; McLearn, 2011; Naragon, 1990.

¹⁴ One could go further and claim that the faculty of understanding itself is not required for perceptual representation of particular things. This would actually explain why Kant regards creatures that are not endowed with the intellect as capable of representation. More generally, it could be claimed that the mind as a whole is the representational faculty, one aspect of which is the understanding — the mind's discursive side, as it were (see Kant, 2004, p. 564; *Log*, AA 09, p. 58). Alternatively, one could distinguish between discursive and prediscursive understanding or between lower-level and higher-level spontaneity (Waxman, 1991, pp. 34, 80; Hanna, 2008, p. 62).

В любом случае ошибочно считать кантовской идею о том, что чувственность не вносит «даже условно отдельного вклада в совместную работу» (McDowell, 1996, p. 9) двух способностей представления¹⁶. Более того, рассудок не избавляет нас от путаницы (ср.: A 270–271 / B 326–327; Кант, 2006а, с. 427–429). Однако мне кажется, что по крайней мере некоторые из концептуалистских взглядов основаны на идее о том, что рассудок использует категории с целью навязывания структуры внешне бесструктурным явлениям (см., например: Ginsborg, 2006; McDowell, 2009, p. 127). Иными словами, одной из идей, лежащих в основе концептуалистских предположений, является настойчивая идея о том, что понятия каким-то образом превращают то, что в противном случае было бы ничем иным, как чувственными данными, в содержание представлений. Тем не менее, как я уже говорил, скорее всего, чувственность должна обладать структурой представлений независимо от понятий рассудка.

Связанное с этим концептуалистское предположение состоит в том, что Кант также обеспокоен условиями только лишь явления и только лишь чувственного синтеза в «Трансцендентальной аналитике», тогда как неконцептуалисты более склонны думать, что после «Эстетики» Кант озабочен только объяснением условия приведения созерцаемых объектов и синтеза через воображение к категориям. Сейчас не время и не место для предъявления всех текстовых доказательств в поддержку неконцептуалистских взглядов. Позвольте мне вместо этого поставить две общие для этого концептуалистского предположения проблемы. Во-первых, трудно понять, что именно означает иметь набор *априорных* понятий, представленных в чувственном восприятии или в самом явлении. Во-вторых, придание категориям такой основополагающей роли может фактически превратить их в нечто гораздо более сложное, чем предполагал Кант. На самом деле возможно, что Кант даже не думал о необходимости исчерпывающего объяснения очевидно-

¹⁶ Если быть точным, в тексте говорится о «восприимчивости» и «спонтанности», а не о «чувственности» и «рассудке». Однако можно сказать, что это еще хуже для принятия предполагаемого кантианства Макдауэлла, поскольку он, кажется, отрицает все, что связано только с чувственностью, кроме *чистой* восприимчивости, которая вряд ли совместима со взглядами Канта, который считает, что воображение также принадлежит чувственности (B 151; Кант, 2006а, с. 225; AA 24, S. 701–702) и что созерцание — это не просто получение чувственных данных или что-то подобное. Подробную критику взглядов Макдауэлла в этом отношении см.: (Allais, 2009, p. 387–392).

In any case, it is a mistake to take it to be a Kantian idea that sensibility does not make “an even notionally separable contribution to the co-operation” (McDowell, 1996, p. 9) between the two representational capacities.¹⁵ Moreover, understanding is not a rectifier of confusion (cf. Kant, 2000a, p. 372; *KrV*, A 270-271 / B 326-327). It seems to me, however, that at least some of the conceptualist lines of thought build on the idea that the understanding uses the categories for the purpose of imposing a structure on otherwise structureless appearances (see e.g. Ginsborg, 2006; McDowell, 2009, p. 127). Put differently, one of the underlying conceptualist assumptions appears to be the stubborn idea that concepts somehow make what would otherwise be nothing but sensory intake into representational content. Yet, as I have been suggesting, it is rather the case that sensibility must have a representational structure independently of the concepts of understanding.

A related conceptualist supposition seems to be that Kant is also concerned about the conditions of mere appearing and merely sensible synthesis in the “Transcendental Analytic”, whereas the non-conceptualists are more inclined to think that, after the Aesthetic, Kant is only concerned about explaining the conditions of bringing intuited objects and imagination-based synthesis under the categories. This is not the time and place to bring in all the textual evidence for the non-conceptualist view. Let me instead bring up two general worries for the conceptualist supposition. First, it is difficult to see what exactly it would mean to have a set of *a priori* concepts featured in sense perception or appearing itself. Second, to give the categories such a foundational role might in fact turn them into something far more complex than Kant intended. As a matter of fact, it may even be that Kant did not think that the apparent gap between the conceptual and non-conceptual is in need of an exhaustive explanation. The so-called schematism, for exam-

¹⁵ To be precise, the text reads ‘receptivity’ and ‘spontaneity’ instead of ‘sensibility’ and ‘understanding’. However, this could be said to be all the worse for McDowell’s supposed Kantianism, since he seems to deny everything from mere sensibility except for *sheer* receptivity, which is hardly compatible with Kant who thinks that imagination too belongs to sensibility (Kant, 2000a, p. 257; *KrV*, B 151; Kant, 2004, p. 440; *V-Lo/Dohma-Wundlacken*, AA 24, pp. 701-702) and that intuitions are not mere inputs or the like. For a detailed criticism of McDowell’s account in this respect, see Allais, 2009, pp. 387-392.

го разрыва между понятийным и не-понятийным. Так называемый схематизм, например, хотя и явно пыгается в некоторой степени восполнить этот пробел, определенно не является таким объяснением¹⁷. В письме Маркусу Герцу от 26 мая 1789 г. Кант признает следующее: «Как, однако, само возможно (как пространство и время) такое чувственное созерцание как форма нашей чувственности или такие функции рассудка, как те, которые выводит из него логика, или как получается, что одна форма согласуется с другой в одном возможном познании, — это нам совершенно невозможно объяснить» (AA 11, S. 51; Кант, 1994г, с. 528–529). Это вряд ли можно назвать комментарием, сделанным мыслителем, который якобы настаивал на том, что явление как таковое должно быть основано на категориях. В самом деле, если бы мы могли обоснованно сделать подобное заявление, разве мы не должны были бы быть в состоянии объяснить ту самую вещь, возможность которой отрицается в письме, а именно — как или почему формы чувственности и формы рассудка согласуются друг с другом? Может также случиться, что попытка такого объяснения неизбежно приведет к неправильной оценке позитивного взгляда Канта на чувственность и ее уникальный вид изолируемого вклада в познание, что нонконцептуалистские читатели Канта особенно стараются принять во внимание¹⁸.

5. Сложности и заключения

Кант прямо заявляет, что созерцание привносит *содержание* в мысль (A 51 / B 75; Кант, 2006а, с. 137–139). Таким образом, можно утверждать, что вопрос о не-понятийном содержании в кантовском контексте не должен даже возникать: созерцание не только конституирует содержание, но, учитывая, что созерцания не есть понятия, они по определению суть не-понятийные факторы создания содержания в кантовской теории представлений.

Помимо проблемы слепоты типичным контраргументом здесь будет то, что тем не менее в кантовском контексте существует только один вид «полноценного представления», и это представление — (объективное) суждение (см., например: Allison, 1985, p. 26). Аналогичным образом можно

¹⁷ Подробнее о том, что Кант стремится и не стремится объяснить, см.: (Marshall, 2014, особенно p. 560).

¹⁸ Описание как «безнадежной» попытки Канта изолировать вклад чувственности (Falkenstein, 1995, p. 56) наиболее показательно в этом отношении. Но все же это безнадежно только при концептуалистских предположениях.

ple, though clearly an attempt to fill the gap to some extent, is definitely not such an explanation.¹⁶ In a letter to Marcus Herz on 26 May 1789, Kant admits this much: “But we are absolutely unable to explain further how it is that a sensible intuition (such as space and time), the form of our sensibility, or such functions of the understanding as those out of which logic develops are possible; nor can we explain why it is that one form agrees with another in forming a possible cognition” (*Br*, AA 11, p. 51; Kant, 1999, p. 313).

This is hardly a comment made by a thinker who would insist that appearing as such must be categorially grounded. Indeed, if we could legitimately make such a claim, would we not have to be able to explain the very thing the possibility of which is denied in the letter — namely, how or why the form of sensibility and the form of understanding agree with each other? It may also be that taking steps towards such an explanation inevitably leads to a misappreciation of Kant’s positive outlook on sensibility and its unique kind of isolatable cognitive contribution, the latter being something especially the non-conceptualist readers of Kant have tried to appreciate.¹⁷

5. Complications and Conclusions

Kant states it explicitly that intuition brings *content* (*Inhalt*) to thought (*KrV*, A 51 / B 75; Kant 2000a, pp. 193-194). Thus, it might be argued that there should not even be an issue about non-conceptual content in the Kantian context: not only does intuition constitute the content, but given that intuitions are not concepts, they are, basically by definition, the non-conceptual content-making factors in Kant’s theory of representation.

Besides the blindness issue, a typical counterclaim at this point is that there is nevertheless only one kind of “full-fledged representation” in the Kantian context, and that representation is (objective) judgment (see e.g. Allison, 1985, p. 26). In a similar vein, it can be claimed that for Kant “minimum content” equals judgment (Dickerson, 2004, p. 133).

¹⁶ For more on what Kant does and does not aim to explain, see Marshall, 2014, esp. p. 560.

¹⁷ Describing Kant’s attempt at isolating the contribution of sensibility as “hopeless” (Falkenstein, 1995, p. 56) is most telling in this respect. Yet it is hopeless only under conceptualist assumptions.

утверждать, что для Канта «минимальное содержание» равно суждению (Dickerson, 2004, p. 133). Если это должно означать, что только посредством суждения мы вообще можем иметь представления, это вряд ли будет верно, учитывая то, что мы установили выше, не говоря уже о растущем объеме литературы о Канте со схожими результатами. Тем не менее этот контраргумент согласуется с позицией Канта, ориентированной на суждение: несмотря на то что учение Канта допускает и другие виды представлений, основной объект теории познавательного и эпистемически значимых представлений Канта, безусловно, суждение.

На этом основании можно сказать, что по-настоящему содержательным представлением следует назвать представление, поддержанное чем-то частным (по крайней мере косвенно) и направляющее тем, что отражает выходящее за пределы частного. Очевидно, что эти факторы создания содержания, выводящие наблюдателя за пределы частного, включают в себя понятия, то есть всё, что несут в себе категории и единство апперцепции. В самом деле, возможно, что даже сам Кант зашел бы настолько далеко, что потребовал бы наличия рефлексивной само-сознательной позиции в представлениях, чтобы они считались полностью содержательными. Вспомните пример с веслом: чтобы по-настоящему оценить, как обстоят дела, нужно быть способным к рефлексии над перцептуальным содержанием своего восприятия и подняться над тем, как вещи непосредственно являются в чувствах.

Кант также утверждает, что содержание порождается синтезом. Он пишет: «...именно синтез есть то, что, собственно, из элементов составляет познания и объединяет их в определенное содержание» (A 77 / B 103; Кант, 2006а, с. 169–171). Однако, учитывая, что это утверждение появляется в тексте раньше, чем фрагменты, позволившие нам вычленил в теории Канта не-понятийный состав восприятий, оно может считаться совместимым и с исключительно индексальным содержанием представлений, и с пространственным содержанием, которое порождается чувственным синтезом. Правда, в обоих случаях мы не поднимаемся над непосредственно перцептуальным содержанием, если не определим его в понятиях. В то же время нужно заметить, что лишь посредством приведения синтеза к понятиям возможно «познание в собственном смысле этого слова» (A 78 / B 103; Кант, 2006а, с. 171), которое также может быть отождествлено с полноценным содержанием представлений.

If this is taken to mean that it is only through judgment that we can represent in the first place, this is hardly true, given what we have established above, not to mention the growing Kant literature with similar results. Still, the counterclaim is in line with Kant's judgment-oriented standpoint: despite the fact that Kant's account allows for other kind of representations as well, the main item in Kant's account of cognitively and epistemically significant representation is definitely judgment (*Urteil*).

On this construal, a genuinely contentful representation could be said to be a representation aided by something particular (at least indirectly) and guided by something that reflects that which goes beyond the particular. Obviously, these other content-generating factors that take the perceiver beyond the particular involve concepts – basically, everything the categories and the unity of apperception bring along. Indeed, it might even be that Kant himself would go as far as to require a reflective self-conscious stance on a representation in order to have it count as fully contentful. Recall the oar case: to really appreciate how things stand, one must be able to reflect on one's perceptual content and rise above the way things appear immediately to the senses.

Kant also claims that content originates from synthesis. He writes: “the synthesis alone is that which properly collects the elements for cognitions and unifies them into a certain content” (*KrV*, A 77 / B 103; Kant, 2000a, p. 211). However, given that this claim precedes some of the passages that allowed us to extract the notion of non-conceptual composition from Kant's theory, the claim can be regarded as compatible with both merely indexical representational content and spatial content generated through sensible synthesis. It is just that in both of these cases we do not rise above the immediate perceptual content unless we determine it conceptually. At the same time, it must be admitted that only by bringing synthesis to concepts can there be “cognition in the proper sense” (*KrV*, A 78 / B 103; Kant, 2000a, p. 211), which could just as well be identified with full-fledged representational content.

If we do require this much from contentful representation, then we mean by content *judgmental content*, or more specifically, the kind of judgmental content that is constituted by intuition-based refer-

Если мы действительно хотим от содержания представлений всего этого, то под содержанием мы имеем в виду *содержание суждения* или, точнее, тот вид содержания суждений, который конституируется основанной на созерцании отсылкой к некоторому действительному объекту или положению дел. Такое толкование содержательных представлений может быть допустимо с целью объяснения различных вещей, но все же нежелательно. Принимая его, мы утверждаем условное положение, за которым можно не заметить тонкости учения Канта о перцептуальных представлениях. Помимо высокой оценки кантовской суждение-центричной позиции, мы также хотели бы сохранить в целости идею наличия только лишь у созерцания своей собственной способности к созданию содержания познания, что подтверждает пример с домом. Был бы верен такой анализ взглядов Канта, согласно которому, с одной стороны, есть чистое чувственное не-понятийное содержание, порождаемое одним лишь перцептуальным рассмотрением объекта, а с другой — категориально-понятийное содержание, накладываемое на первое? Такой анализ подразумевал бы, что содержание суждений на деле есть некое *гибридное содержание*, частично — конституированное понятийным, частично не-понятийным содержанием.

Определенная проблема с такого рода подходом заключается в том, что учение Канта действительно не может вместить самостоятельное концептуальное содержание. Вместо этого, если есть такое содержание, оно должно быть основано на созерцании, что возвращает нас обратно к суждение-центристскому взгляду, согласно которому конечная проблема заключается в том, обладает ли суждение содержанием, то есть конституируется ли связанное с понятием суждение отсылкой к какому-либо действительному объекту или положению дел. Альтернативным способом было бы просто смириться и признать, что не-понятийные и понятийные элементы начинают полностью относиться к представлениям и быть познавательно значимыми при объединении, но при этом подчеркнуть, что это не исключает возможности только лишь индексального и чисто чувственного пространственного содержания (что подробно описано выше, в разделах 2 и 3), хотя нам, возможно, все еще нужно будет определить, какие именно это виды содержания в сравнении с полноценным репрезентативным содержанием.

В любом случае, каким бы образом мы ни истолковывали «содержание» у Канта, верная его букве и духу позиция должна сохранить в себе главный элемент кантовской теории представлений, а

ence to some actual or possible object or state of affairs. Such a construal of contentful representation may be acceptable for various explanatory purposes but also unwanted. By doing so we are basically making a stipulation whereby the subtlety of Kant's account of perceptual representation gets easily overlooked. In addition to appreciating Kant's judgment-centered stance, we would also like to keep intact the idea that mere intuition has some cognitive content-generating power even on its own, as evidenced by the house example above. Would the correct analysis of Kant's view then perhaps be that there is purely sensible non-conceptual content, generated in the merely perceptual examination of an object, on the one hand, and categorial-conceptual content imposed on the former kind of content, on the other? Such an analysis would suggest that judgmental contents are in fact some kind of *hybrid contents* partially constituted by conceptual, partially by non-conceptual contents.

A definite problem with this kind of approach is that Kant's account cannot really accommodate self-standing conceptual contents. Instead, if there are such contents, they must be intuition-based, which brings us right back to the judgment-centered view where the ultimate issue is whether or not a judgment possesses content, that is, whether or not the concept-bound judgment is constituted by reference to some actual or possible object or state of affairs. An alternative way would be to simply bite the bullet and admit that the non-conceptual and conceptual elements become fully representational and cognitively significant when unified, yet emphasise that this does not rule out the possibility of merely indexical and purely sensible spatial contents (elaborated above in Sections 2 and 3), although we might still need to qualify what kinds of contents they precisely are compared to full-fledged representational contents.

In any case, whichever way we construe 'content' with respect to Kant, a faithful view must retain a most crucial element in Kant's theory of representation: namely, the fact (elaborated in Section 4) that intuitions, even if brought under the categories, do not thereby become conceptual, just as intuition-based thinking does not make thinking itself intuitive — according to Kant, human thinking is always discursive, not intuitive, whereas human in-

именно тот факт (разработанный в разделе 4), что созерцания, даже если они подведены под категории, не становятся от этого понятийными, подобно тому как мышление, основанное на созерцании, не делает мышление само по себе созерцательным. Согласно Канту, человеческое мышление всегда дискурсивно, а не созерцательно, в то время как человеческое созерцание всегда чувственно, а не дискурсивно. В противном случае такой взгляд более или менее обречен на размытие фундаментального кантовского различия между чувственностью и рассудком и их уникальными и отделимыми друг от друга вкладками в познание.

Подобные результаты могут быть достигнуты путем анализа другого, казалось бы, беспроблемного понятия, а именно — *опыта*. В одной интерпретации этого понятия Кант считает, что опыт требует (определенного рода) суждения (см., например: AA 04, S. 300; Кант, 1994б, с. 57–58). Это снова переворачивает все с ног на голову, потому что такое требование делает опыт сам по себе зависимым от суждения. Действительно, одним из следствий этого, по-видимому, будет то, что опыт в строгом смысле зависит от способности описывать содержание своих представлений или, как передаются слова Канта в конспекте к одной из его лекций по логике: «Всякий, кто может описать предметы своего опыта, обладает опытом» (AA 24, S. 236). Однако Кант также проводит строгие различия между опытом-созерцанием и опытом-восприятием, которые не только предполагают, что опыт является чем-то *большим*, чем просто созерцание или восприятие, но и позволяют нам разделять опытное содержание от индексального и перцептуального содержания. Кант развивает эти различия следующим образом:

...категории посредством созерцания доставляют нам познание вещей только через их возможное применение по отношению к *эмпирическому созерцанию*, то есть служат только для возможности эмпирического познания. А последнее называется *опытом* (B 147; Кант, 2006а, с. 221).

...опыт возможен не только посредством восприятия, но понятия должны быть добавлены к нему, поэтому в основе должны лежать априорные понятия, посредством которых я могу подвести восприятия под понятия (AA 29, S. 798).

Созерцать не означает обладать опытом. Опыт — это познание, которое мы имеем об объекте созерцания. Следовательно, сюда относится мышление, которое можно рассмотреть особенно. Мышление составляет одну часть опыта, поскольку рассудок принимает в нем участие. Созерцание — это часть опыта, поскольку в нем принимает участие чувственность (AA 29, S. 800).

tuition is always sensible, not discursive. Otherwise the view is more or less doomed to blur Kant's fundamental distinction between sensibility and understanding and their unique and separable cognitive contributions.

Similar results can be achieved by analysing another seemingly unproblematic notion, namely *experience (Erfahrung)*. On one construal of 'experience', Kant thinks that experience requires (a certain kind of) judgment (e.g. *Prol*, AA 04, p. 300; Kant, 2002b, p. 94). This again turns things upside down, because such a requirement makes experience itself judgmental. Indeed, one consequence of this appears to be that experience in the strict sense depends on the capacity to describe the contents of one's representations, or as Kant has been reported to have said in one of his lectures on logic: "Anyone who can describe the objects (*Gegenstände*) of his experience has experience" (*V-Lo/Blomberg*, AA 24, p. 236; Kant, 2004, p. 188). However, Kant also makes strict intuition-experience and perception-experience distinctions, which not only suggest that experience is something *more* than mere intuition or perception, but allow us to separate *experiential content* from indexical and perceptual contents. Kant elaborates these distinctions as follows:

[T]he categories do not afford us cognition of things by means of intuition except through their possible application to *empirical intuition*, i.e., they serve only for the possibility of *empirical cognition*. This, however, is called *experience (KrV, B 147; Kant, 2000a, p. 255)*.

[E]xperience is not possible through perception alone, but rather concepts must be added to it, so there must be underlying *a priori* concepts through which I can bring perceptions under concepts (*V-Met/Mron*, AA 29, p. 798; Kant, 2001, p. 154).

To intuit does not mean to have experience. Experience is a cognition that we have of an object (*Objekt*) of intuition. Thus that requires thinking, which can be considered separately. Thinking constitutes one part of experience, [i.e.] insofar as the understanding plays a part in it. Intuiting [is] a part of experience insofar as sensibility participates in it (*V-Met/Mron*, AA 29, p. 800; Kant, 2001, p. 154).

Учитывая эти дальнейшие различия, мы можем прежде всего отличить опыт, как его понимал Кант, то есть как связанный с суждениями и категориями, от менее требовательных видов перцептуальных представлений. Во-вторых, мы можем легко допустить, что опытное содержание в кантовском смысле только тогда становится возможным, когда категории применяются к эмпирическому созерцанию или когда восприятия подведены под понятия, но в то же время сохраняется возможность только индексального и чувственного содержания представлений. Интересно не только то, что многие наши современники были бы склонны отождествить последние виды перцептуального содержания как достаточные для перцептуального опыта (см., например: Dretske, 2002; Martin, 2003, p. 239–242), но и то, что понятие опыта у Канта может легко толковаться и тем, и другим способом независимо от его терминологического выбора.

6. Еще одно примечание о разделении созерцания и мышления у Канта

Упускать из виду основополагающую репрезентативную функцию созерцания означает искажать как учение Канта о познании, так и его взгляды на человеческий ум в целом. Вообще говоря, существует тенденция втиснуть учение Канта о перцептуальных представлениях в двухуровневую картину¹⁹. Под этим я подразумеваю такой взгляд, при котором, с одной стороны, существуют чувственные данные без представлений, а с другой — подлинное представление, предположительно вызываемое способностью на основе этих данных оперировать понятиями. Тем не менее для того, чтобы описать реальные взгляды Канта, явно понадобятся три уровня: перцептуальное представление не может быть правильно объяснено путем прямого перехода от ощущения или впечатления к понятийному мышлению; также необходимо эмпирическое созерцание с его уникальной функцией представления. Как Кант явно хочет показать, созерцание — это способ представления: не мышление и не просто получение чувственных данных. Когда вы созерцаете, вы устанавливаете отношения между вещами и самим собой. Это то, для чего в конечном счете нужно «внешнее чувство» (см.: A 22 /

¹⁹ Ср. с критикой Бёрджем взглядов Селларса на восприятие и взглядов Дэвидсона на объективное представление (Burge, 2010, p. 139, n. 4, 270, 433–436). См. также: (Allais, 2009, p. 397–398).

Given these further distinctions, we may, first of all, distinguish experience as Kant saw it, as judgmental and categorial, from less-demanding kinds of perceptual representation. Secondly, we may easily admit that experiential content in Kant's sense only becomes possible when the categories are applied to empirical intuitions, or when perceptions are brought under concepts, yet maintain the possibility of merely indexical and sensible representational contents at the same time. The interesting thing is that not only would many of our contemporaries be inclined to identify the latter kinds of perceptual content as sufficient for perceptual experience (see e.g. Dretske, 2002; Martin, 2003, pp. 239–242) but that Kant's account can easily accommodate both notions of experience regardless of his terminological choices.

6. A Further Note on Kant's Intuiting-Thinking Distinction

To overlook the fundamental representational function of intuition is to distort both Kant's account of cognition and his view of the human mind in general. Broadly speaking, there is a tendency to squeeze Kant's account of perceptual representation into a two-level picture.¹⁸ By this I mean the kind of view in which there is non-representational sensory intake, on the one hand, and genuine representation, presumably effected by the conceptual capacities on the basis of the former, on the other. Yet depicting Kant's real view clearly requires three levels: perceptual representation cannot be properly explained by going directly from sensation or impression to conceptual thought; what one also needs is empirical intuition with its unique kind of representational function. As Kant clearly wants to have it, intuition is a way of representing — not thinking but not mere sensory input either. When you intuit, you establish relations between things and yourself. This is what “outer sense” is ultimately for (see *KrV*, A 22 / B 37; Kant, 2000a, p. 157; *Refl* 6315, AA 18, p. 619; Kant, 2005a, p. 361). Moreover, it is hardly the case that Kant thinks that we need to use concepts or make judgments in order

¹⁸ Cf. Burge's criticisms of Sellars' view of perception and Davidson's view of objective representation (Burge, 2010, pp. 139n4, 270, 433–436). See also Allais, 2009, pp. 397–398.

В 37; Кант, 2006а, с. 93; АА 18, S. 619, № 6315; Кант, 2000, с. 290). Более того, вряд ли Кант считает, что нам нужно использовать понятия или составлять суждения, чтобы наши перцептуальные представления соответствовали минимальным критериям успешности. В целом двухуровневая картина не в состоянии оценить тонкость позиции Канта. В частности, она упускает возможность, может быть, верно расценивать чувственность как представляющую саму по себе, указывая на то, что можно назвать перцептуальной объективацией²⁰. Просто этот тип минимальной объективности не следует отождествлять с уровнем объективности, который может быть достигнут путем рефлексии и суждений. Напротив, перцептуальная объективация должна противопоставляться объективной представляющей силе чувства, которая, по мнению Канта, была бы нулевой (см., напрмер: В 66; Кант, 2006а, с. 127–129). Кто-то может по-прежнему хотеть утверждать, что тот вид объективности высшего порядка, который познавательным выводом нас за пределы непосредственного восприятия, тем не менее есть надлежащий вид объективности и для Канта, если не отождествлять не-понятийные перцептуальные представления в кантовском смысле исключительно с восприимчивостью или только лишь субъективностью.

Благодарности. Спасибо Олли Коистинену, Арто Репо, Колину Маршаллу и Матиасу Биреру за их полезные комментарии к ранним версиям этого эссе, а также анонимному рецензенту этого журнала.

Список литературы

Кант И. Об одном открытии, после которого всякая новая критика чистого разума становится излишней ввиду наличия прежней (Против Эберхарда). Продолжение / публ. и пер. с нем. И. Д. Кошцева // Кантовский сборник. 1993. Т. 17. С. 129–145.

Кант И. Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма // Соч. : в 8 т. Т. 2. М. : Чоро, 1994а. С. 23–40.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Соч. : в 8 т. Т. 4. М. : Чоро, 1994б. С. 5–152.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Соч. : в 8 т. Т. 7. М. : Чоро, 1994в. С. 137–376.

Кант И. Логика, 1800 // Соч. : в 8 т. Т. 8. М. : Чоро, 1994г. С. 266–398.

²⁰ О понятии перцептуальной объективации см.: (Burge, 2010). Из теории Бёрджа, которая значительно превосходит все то, что когда-либо описывало теорию восприятия Канта, я заимствую только эту основную идею.

to meet the minimum success criteria for perceptual representation. In all, the two-level picture fails to appreciate the subtlety of Kant's position. In particular, the two-level picture overlooks the possibility that sensibility might be correctly regarded as representational in itself, indicating what might be called perceptual objectification.¹⁹ It is just that this kind of minimal objectivity should not be identified with the level of objectivity that can be achieved through reflection and judgment. Instead, perceptual objectification should be contrasted with the objective representational power of feeling, which on Kant's view would be zero (see e.g. *KrV*, B 66; Kant, 2000a, pp. 188-189). One might still want to hold that the kind of higher-order objectivity that takes us cognitively beyond immediate perception is nevertheless the proper kind of objectivity for Kant too, as long as one does not identify non-conceptual perceptual representation in Kant's sense with sheer receptivity or mere subjectivity.

Acknowledgements. Thanks to Olli Koistinen, Arto Repo, Colin Marshall, and Mathias Birrer for making helpful comments to the earlier versions of this essay, with additional thanks to the anonymous referee of this journal.

References

Allais, L., 2009. Kant, Non-Conceptual Content and the Representation of Space. *Journal of the History of Philosophy*, 47(3), pp. 383-413.

Allais, L., 2016. Conceptualism and Nonconceptualism in Kant: A Survey of the Recent Debate. In: D. Schulting, ed. 2016. *Kantian Nonconceptualism*. London: Palgrave, pp. 1-25.

Allison, H.E., 1973. *The Kant-Eberhard Controversy*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Allison, H. E., 1985. The Originality of Kant's Distinction between Analytic and Synthetic Judgments. In: R. Kennington, ed. 1985. *The Philosophy of Immanuel Kant*. Washington: Catholic University of America Press, pp. 15-38.

Bermúdez, J., Cahen, A., 2015. Nonconceptual Mental Content. In: E.N. Zalta, ed. 2015. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, [online]. Available at: <http://plato.stanford.edu/entries/content-nonconceptual/> [Accessed 28 October 2018].

Burge, T., 2009. Perceptual Objectivity. *The Philosophical Review*, 118(3), pp. 285-324.

Burge, T., 2010. *Origins of Objectivity*. Oxford: Oxford University Press.

¹⁹ For the notion of perceptual objectification, see Burge, 2010. I only borrow this core idea from Burge's theory, which greatly surpasses what was ever accounted for in Kant's theory of perception.

- Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», *Opus postumum*). М. : Прогресс-Традиция, 2000.
- Кант И. Критика способности суждения // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 4. М. : Наука, 2001а. С. 68–833.
- Кант И. Первое введение в «Критику способности суждения» // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 4. М. : Наука, 2001б. С. 834–959.
- Кант И. Критика чистого разума, 2-е изд. (В) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2. Ч. 1. М. : Наука, 2006а.
- Кант И. Критика чистого разума, 1-е изд. (А) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2. Ч. 2. М. : Наука, 2006б.
- Кант И. Метафизика нравов. Вторая часть // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 5. Ч. 2. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. С. 17–428.
- Allais L. Kant, Non-Conceptual Content and the Representation of Space // *Journal of the History of Philosophy*. 2009. Vol. 47, №3. P. 383–413.
- Allais L. Conceptualism and Nonconceptualism in Kant: A Survey of the Recent Debate // *Kantian Nonconceptualism* / ed. by D. Schulting. L. : Palgrave, 2016. P. 1–25.
- Allison H.E. The Kant – Eberhard Controversy. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1973.
- Allison H.E. The Originality of Kant's Distinction between Analytic and Synthetic Judgments // *The Philosophy of Immanuel Kant* / ed. by R. Kennington. Washington : Catholic University of America Press, 1985. P. 15–38.
- Bermúdez J., Cahen A. Nonconceptual Mental Content // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2015. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/content-nonconceptual/> (дата обращения: 28.10.2018).
- Burge T. Perceptual Objectivity // *The Philosophical Review*. 2009. Vol. 118, №3. P. 285–324.
- Burge T. *Origins of Objectivity*. Oxford : Oxford University Press, 2010.
- Crowther T. M. Two Conceptions of Conceptualism and Nonconceptualism // *Erkenntnis*. 2006. Vol. 65, №2. P. 245–276.
- Dickerson A. B. *Kant on Representation and Objectivity*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
- Dretske F. *Conscious Experience* // *Vision and Mind. Selected Readings in the Philosophy of Perception* / ed. by A. Noë, E. Thompson. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. P. 419–442.
- Falkenstein L. *Kant's Intuitionism. A Commentary on the Transcendental Aesthetic*. Toronto : University of Toronto Press, 1995.
- Ginsborg H. Kant and the Problem of Experience // *Philosophical Topics*. 2006. Vol. 34, №1–2. P. 59–106.
- Ginsborg H. Was Kant a Non-Conceptualist? // *Philosophical Studies*. 2008. Vol. 137, №1. P. 65–77.
- Golob S. Kant on Intentionality, Magnitude, and the Unity of Perception // *European Journal of Philosophy*. 2014. Vol. 22, №4. P. 505–528.
- Gomes A. Kant on Perception: Naïve Realism, Non-Conceptualism and the B-Deduction // *Philosophical Quarterly*. 2014. Vol. 64 (254). P. 1–19.
- Crowther, T. M., 2006. Two Conceptions of Conceptualism and Nonconceptualism. *Erkenntnis*, 65(2), pp. 245-276.
- Dickerson, A. B., 2004. *Kant on Representation and Objectivity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dretske, F., 2002. Conscious Experience. In: A. Noë, E. Thompson, eds. 2002. *Vision and Mind. Selected Readings in the Philosophy of Perception*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 419-442.
- Falkenstein, L., 1995. *Kant's Intuitionism. A Commentary on the Transcendental Aesthetic*. Toronto: University of Toronto Press.
- Ginsborg, H., 2006. Kant and the Problem of Experience. *Philosophical Topics*, 34(1-2), pp. 59-106.
- Ginsborg, H., 2008. Was Kant a Non-Conceptualist? *Philosophical Studies*, 137(1), pp. 65-77.
- Golob, S., 2014. Kant on Intentionality, Magnitude, and the Unity of Perception. *European Journal of Philosophy*, 22(4), pp. 505-528.
- Gomes, A., 2014. Kant on Perception: Naïve Realism, Non-Conceptualism and the B-Deduction. *Philosophical Quarterly*, 64(254), pp. 1-19.
- Griffith, A. M., 2012. Perception and the Categories: A Conceptualist Reading of Kant's *Critique of Pure Reason*. *European Journal of Philosophy*, 20(2), pp. 193-222.
- Grüne, S., 2009. *Blinde Anschauung. Die Rolle von Begriffen in Kants Theorie Sinnlicher Synthesis*. Frankfurt am Mein: Klostermann.
- Gunther, Y. H., 2003. General Introduction. In: Y. H. Gunther, ed. 2003. *Essays on Nonconceptual Content*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 1-19.
- Hanna, R., 2001. *Kant and the Foundations of Analytic Philosophy*. Oxford: Oxford University Press.
- Hanna, R., 2005. Kant and Nonconceptual Content. *European Journal of Philosophy*, 13(2), pp. 247-290.
- Hanna, R., 2008. Kantian Non-Conceptualism. *Philosophical Studies*, 137, pp. 41-64.
- Hanna, R., 2011. Beyond the Myth of the Myth: A Kantian Theory of Non-Conceptual Content. *International Journal of Philosophical Studies*, 19(3), pp. 323-398.
- Heck, R. G. Jr., 2000. Nonconceptual Content and the 'Space of Reasons'. *The Philosophical Review*, 109(4), pp. 483-523.
- Hintikka, J., 1969. On Kant's Notion of Intuition (*Anschauung*). In: T. Penelhum and J. J. MacIntosh, eds. 1969. *The First Critique. Reflections on Kant's Critique of Pure Reason*. Belmont: Wadsworth, pp. 38-53.
- Kant, I., 1999. *Correspondence*. Translated and edited by A. Zweig. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2000a. *Critique of Pure Reason*. Translated and edited by P. Guyer and A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2000b. *Critique of the Power of Judgment*. Translated by P. Guyer and E. Matthews, edited by P. Guyer. New York: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2000c. *First Introduction to the Critique of the Power of Judgment*. In: I. Kant, 2000. *Critique of the Power of Judgment*. Translated by P. Guyer and E. Matthews, edited by P. Guyer. New York: Cambridge University Press, pp. 1-51.

- Griffith A. M. Perception and the Categories: A Conceptualist Reading of Kant's *Critique of Pure Reason* // *European Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 20, №2. P. 193–222.
- Grüne S. *Blinde Anschauung. Die Rolle von Begriffen in Kants Theorie Sinnlicher Synthesis*. Frankfurt a/M : Klostermann, 2009.
- Gunther Y. H. General Introduction // *Essays on Nonconceptual Content* / ed. by Y. H. Gunther. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 1–19.
- Hanna R. Kant and the Foundations of Analytic Philosophy. Oxford : Oxford University Press, 2001.
- Hanna R. Kant and Nonconceptual Content // *European Journal of Philosophy*. 2005. Vol. 13, №2. P. 247–290.
- Hanna R. Kantian Non-Conceptualism // *Philosophical Studies*. 2008. Vol. 137. P. 41–64.
- Hanna R. Beyond the Myth of the Myth: A Kantian Theory of Non-Conceptual Content // *International Journal of Philosophical Studies*. 2011. Vol. 19, №3. P. 323–398.
- Heck R. G. Jr. Nonconceptual Content and the 'Space of Reasons' // *The Philosophical Review*. 2000. Vol. 109, №4. P. 483–523.
- Hintikka J. On Kant's Notion of Intuition (*Anschauung*) // *The First Critique. Reflections on Kant's Critique of Pure Reason* / ed. by T. Penelhum, J. J. MacIntosh. Belmont : Wadsworth, 1969. P. 38–53.
- Longuenesse B. Kant and the Capacity to Judge. Sensibility and Discursivity in the Transcendental Analytic of the Critique of Pure Reason / transl. by C. T. Wolfe. Princeton : Princeton University Press, 2000.
- Marshall C. Does Kant Demand Explanations for All Synthetic A Priori Claims? // *Journal of the History of Philosophy*. 2014. Vol. 52, №3. P. 549–576.
- Martin M. Perception, Concepts, and Memory // *Essays on Nonconceptual Content*. Ed. by Y. H. Gunther. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. P. 237–250.
- McDowell J. *Mind and World. With a New Introduction*. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
- McDowell J. *Having the World in View. Essays on Kant, Hegel, and Sellars*. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
- McLear C. Kant on Animal Consciousness // *Philosophers' Imprint*. 2011. Vol. 11, №15. P. 1–16. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.3521354.0011.015> (дата обращения: 08.11.2018).
- McLear C. Two Kinds of Unity in the Critique of Pure Reason // *Journal of the History of Philosophy*. 2015. Vol. 53, №1. P. 79–110.
- McLear C. Kant on Perceptual Content // *Mind*. 2016. Vol. 125 (497). P. 95–144.
- Naragon S. Kant on Descartes and the Brutes // *Kant-Studien*. 1990. Vol. 81, №1. P. 1–23.
- Onof C., Schulting D. Space as Form of Intuition and as Formal Intuition: On the Note to B 160 in Kant's *Critique of Pure Reason* // *Philosophical Review*. 2015. Vol. 124, №1. P. 1–58.
- Kant, I., 2001. *Lectures on Metaphysics*. Translated and edited by K. Ameriks and S. Naragon. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2002a. *On a Discovery Whereby Any New Critique of Pure Reason Is to Be Made Superfluous by an Older One*. Translated by H. Allison. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 281-336.
- Kant, I., 2002b. *Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Come Forward as Science*. Translated by G. Hatfield. In: I. Kant, 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 48-169.
- Kant, I., 2004. *Lectures on Logic*. Translated and edited by J.M. Young. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2005a. *Notes and Fragments*. Translated by C. Bowman, P. Guyer and F. Rauscher, edited by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2005b. *The Metaphysics of Morals*. In: I. Kant, 2005. *Practical Philosophy*. Translated and edited by M.J. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 353-603.
- Kant, I., 2007. *The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures*. In: I. Kant, *Theoretical Philosophy 1755–1770*. Translated and edited by D. Walford and R. Meerbote. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 85-105.
- Kant, I., 2009. *Anthropology from a Pragmatic Point of View*. Translated by R. B. Loudon. In: G. Zöllner and R. B. Loudon, eds. 2009. *Anthropology, History, and Education*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 231-429.
- Longuenesse, B., 2000. *Kant and the Capacity to Judge. Sensibility and Discursivity in the Transcendental Analytic of the Critique of Pure Reason*. Translated by C. T. Wolfe. Princeton: Princeton University Press.
- Marshall, C., 2014. Does Kant Demand Explanations for All Synthetic A Priori Claims? *Journal of the History of Philosophy*, 52(3), pp. 549-576.
- Martin, M., 2003. Perception, Concepts, and Memory. In: Y. H. Gunther, ed. 2003. *Essays on Nonconceptual Content*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 237-250.
- McDowell, J., 1996. *Mind and World. With a New Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McDowell, J., 2009. *Having the World in View. Essays on Kant, Hegel, and Sellars*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McLear, C., 2011. Kant on Animal Consciousness. *Philosophers' Imprint*, 11(15), pp. 1-16, [online]. Available at: <http://hdl.handle.net/2027/spo.3521354.0011.015> [Accessed 8 November 2018].
- McLear, C., 2015. Two Kinds of Unity in the Critique of Pure Reason. *Journal of the History of Philosophy*, 53(1), pp. 79-110.
- McLear, C., 2016. Kant on Perceptual Content. *Mind*, 125(497), pp. 95-144.
- Naragon, S., 1990. Kant on Descartes and the Brutes. *Kant-Studien*, 81(1), pp. 1-23.

Rohs P. Bezieht sich nach Kant die Anschauung unmittelbar auf Gegenstände? // Kant und die Berliner Aufklärung: Akten des IX. Internationalen Kant-Kongresses / hrsg. von V. Gerhardt, R.-P. Horstmann, R. Schumacher. Bd. 2. Berlin: De Gruyter, 2001. S. 214–228.

Speaks J. Is There a Problem about Nonconceptual Content? // The Philosophical Review. 2005. Vol. 114, № 3. P. 359–398.

Tolley C. The Non-Conceptuality of the Content of Intuitions: A New Approach // Kantian Review. 2013. Vol. 18, №1. P. 107–136.

Tomaszewska A. Is Perception Concept-Dependent According to Kant? // Diametros. 2008. Vol. 15. P. 57–73.

Toribio J. State Versus Content: The Unfair Trial of Perceptual Nonconceptualism // Erkenntnis. 2008. Vol. 69, №3. P. 351–361.

Waxman W. Kant's Model of the Mind. A New Interpretation of Transcendental Idealism. Oxford: Oxford University Press, 1991.

Wenzel C. Spielen nach Kant die Kategorien schon bei der Wahrnehmung eine Rolle? Peter Rohs und John McDowell // Kant-Studien. 2005. Vol. 96, №4. S. 407–426.

Об авторе

Хеммо А. Лайхо, доктор философии, научный сотрудник, Институт перспективных исследований Турку, отделение философии, современной истории и политологии, факультет социальных наук, Университет Турку, Финляндия.

E-mail: heanla@utu.fi

О переводчике

Александр Сергеевич Киселев, студент бакалавриата направления «Философия», академический ассистент Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: AlSKiselev@stud.kantiana.ru

Для цитирования:

Лайхо Х. А. Типы содержания представлений у Канта // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, № 1. С. 31–54. doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-2

Onof, C. and Schulting, D., 2015. Space as Form of Intuition and as Formal Intuition: On the Note to B 160 in Kant's *Critique of Pure Reason*. *Philosophical Review*, 124(1), pp. 1-58.

Rohs, P., 2001. Bezieht sich nach Kant die Anschauung unmittelbar auf Gegenstände? In: V. Gerhardt, R.-P. Horstmann and R. Schumacher, eds. 2001. *Kant und die Berliner Aufklärung. Akten des IX. Internationalen Kant-Kongresses. Band 2*. Berlin: De Gruyter, pp. 214-228.

Speaks, J., 2005. Is There a Problem about Nonconceptual Content? *The Philosophical Review*, 114(3), pp. 359-398.

Tolley, C., 2013. The Non-Conceptuality of the Content of Intuitions: A New Approach. *Kantian Review*, 18(1), pp. 107-136.

Tomaszewska, A., 2008. Is Perception Concept-Dependent According to Kant? *Diametros*, 15, pp. 57-73.

Toribio, J., 2008. State Versus Content: The Unfair Trial of Perceptual Nonconceptualism. *Erkenntnis*, 69(3), pp. 351-361.

Waxman, W., 1991. *Kant's Model of the Mind. A New Interpretation of Transcendental Idealism*. Oxford: Oxford University Press.

Wenzel, C., 2005. Spielen nach Kant die Kategorien schon bei der Wahrnehmung eine Rolle? Peter Rohs und John McDowell. *Kant-Studien*, 96(4), pp. 407-426.

The author

Dr Hemmo A. Laiho, Postdoctoral Researcher, Turku Institute for Advanced Studies, Department of Philosophy, Contemporary History and Political Science, Faculty of Social Sciences, University of Turku, Finland.

E-mail: heanla@utu.fi

To cite this article:

Laiho, H. A., 2019. Types of Representational Content in Kant. *Kantian Journal*, 38(1), pp. 31-54. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-1-2>

ДЕДУКЦИЯ СВОБОДЫ VS ДЕДУКЦИЯ ОПЫТА В МЕТАФИЗИКЕ И. КАНТА

В. Е. Семенов¹

Моя цель – продемонстрировать специфику и различия трансцендентальной дедукции понятий и дедукции основоположений чистого практического разума в метафизике И. Канта. В первую очередь необходимо исследовать отношение Канта к современной ему метафизике и проблему нового ее обоснования. В своей философии Кант эксплицировал не один лишь теоретический мир познания, но и практический мир свободы. Соответственно, фундаментальными видами доказательства притязаний метафизики стали дедукция чистых понятий рассудка (дедукция опыта) и дедукция основоположений чистого практического разума (дедукция свободы). Исходные предпосылки Кантова проекта возрождения метафизики, а именно «коперниканский поворот», критический метод и базовые установки трансцендентального (формального) идеализма, представляют собою вместе с тем также методологическую основу трансцендентальной дедукции – нового способа доказательства притязаний метафизики в различных сферах человеческого бытия. Исходя из этого, я анализирую сущность, структуру, специфические черты, а также различия дедукции опыта и дедукции свободы. Я выделяю следующие особенности двух дедукций. Во-первых, теоретическое применение разума направлено на предметы, а в своем практическом использовании разум обращен на noumena: основания воли и свободу. Во-вторых, трансцендентальной дедукции пространства и времени, а также дедукции категорий предшествует трансцендентальная редукция, которая отсутствует в дедукции свободы. В-третьих, методологическое «движение» дедукций ориентировано Кантом в противоположных направлениях. Теоретическая дедукция идет от чистых форм чувственного созерцания к рассудочным понятиям, а от них – к основоположениям, практическая – от априорных основоположений к понятиям метафизики нравов, а от них – к моральным чувствам. В-четвертых, дедукция в теоретической сфере запрещает спекулятивному разуму выходить за пределы опыта. Практическая дедукция указала на интеллигибельный мир и обосновала его «легитимность».

Ключевые слова: метафизика, трансцендентальная дедукция, чистые понятия рассудка, свобода, моральный закон.

¹ Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 125993, Россия, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9.
Поступила в редакцию: 05.12.2018 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-3
© Семенов В. Е., 2019

DEDUCTION OF FREEDOM VS DEDUCTION OF EXPERIENCE IN KANT'S METAPHYSICS

V. E. Semyonov¹

My aim is to demonstrate the specificities and differences between transcendental deduction of concepts and deduction of the fundamental principles of pure practical reason in Kant's metaphysics. First of all it is necessary to examine Kant's attitude to the metaphysics of his time and the problem of its new justification. Kant in his philosophy explicated not only the theoretical world of cognition, but also the practical world of freedom. Accordingly, the fundamental means of proving metaphysics' claims are the deduction of pure concepts of understanding (deduction of experience) and the deduction of the principles of pure practical reason (deduction of freedom). The underlying premises of the Kantian project of reviving metaphysics, "the Copernican Turn", the critical methods and basic principles of transcendental (formal) idealism also provide the methodological basis of transcendental deduction, a new method of proving the claims of metaphysics in various spheres of human being. Proceeding from the above, I analyse the essence, structure and the peculiarities as well as the differences between the deduction of experience and the deduction of freedom. I single out the following features of the two types of deduction. First, theoretical use of reason is aimed at objects while practical reason is aimed at noumena, the foundations of will and freedom. Second, the transcendental deduction of space and time, as well as the deduction of categories, is preceded by transcendental reduction, which is absent in the deduction of freedom. Third, Kant orients the methodological movement of deductions in opposite directions. Theoretical deduction proceeds from pure forms of sensible intuition to concepts of understanding and thence to fundamental principles. Practical deduction proceeds from a priori principles to the concepts of the metaphysics of morals and thence to moral feelings. Fourth, deduction in the theoretical sphere forbids speculative reason to go beyond experience. Practical deduction has pointed to the intelligible world and has proved its "legitimacy".

Keywords: metaphysics, transcendental deduction, pure concepts of understanding, freedom, moral law.

¹ Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Sadovaya-Kudrinskaya st., 9, Moscow, 125993, Russia.
Received: 05.12.2018.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-3
© Semyonov, V. E., 2019.

Введение

Общеизвестно, что «ничего не бывает без основания». В свое время эту мысль, на первый взгляд кажущуюся простой и тривиальной, тем не менее упорно отстаивал в своих работах великий энциклопедист Г. В. Лейбниц. Он не сомневался и убеждал других в том, что «есть в природе порядок (Ratio), по которому предпочтительно существует нечто, а не ничто. Это следствие того великого принципа, в силу которого ничто не происходит без причины и должна быть причина, почему существует это, а не другое» (Лейбниц, 1982, с. 234).

Такой естественный порядок, по мысли Лейбница, с одной стороны, имеет собственное «реальное основание» (*realis ratio*) в качестве причины существования и действия (и эта причина — Совершеннейшее Существо, Бог), а с другой — служит необходимым основанием для нашего *познания*. Стало быть,

эта аксиома, что *ничего не бывает без основания*, должна считаться одной из самых важных и плодотворных аксиом во всем человеческом познании; на ней основывается большая часть метафизики, физики и нравственного учения, и без нее нельзя ни доказать существование Бога из творений, ни построить доказательство от причин к следствиям или от следствий к причинам, ни сделать какие-либо выводы в делах гражданских (Лейбниц, 1984, с. 141).

Видится вполне логичным, что И. Кант в непреодолимом стремлении полностью реформировать и заново обосновать метафизику, которая представляла собою «прославленное и необходимое для человечества познание» (AA 04, S. 261; Кант, 1994б, с. 13), руководствовался в том числе и этим принципом Лейбница.

Проблемой соотношения и различия *логического* и *реального* оснований Кант начал заниматься еще в «докритический» период. Так, например, в работах «Новое освещение первых принципов метафизического познания» (1755), «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма» (1762), «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин» (1763), «Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога» (1763) и, наконец, в диссертации 1770 г. «О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира» Кант (впрочем, как и его ближайшие предшественники и современники — немецкие философы-метафизики XVIII в.) высказал немало

Introduction

It is common knowledge that “there is nothing without a reason.” The idea seems simple and trivial at first glance, yet the great encyclopaedist Leibniz went to great lengths to argue this case in his works. He had no doubt himself and sought to convince others that “there is a reason in the nature of things why something exists rather than nothing. It is a consequence of that great principle that nothing occurs without a reason, and also of the principle that there must be a reason why one thing occurs rather than another” (Leibniz, 2000, p. 84).

This natural order of things, Leibniz argued, has on the one hand its own *realis ratio* as the cause of existence and action (the reason being the Perfect Entity, or God) and is, on the other hand, the necessary foundation of our *cognition*. Hence,

this axiom [...] that *there is nothing without a reason*, must be considered one of the greatest and most fruitful of all human knowledge, for upon it is built a great part of metaphysics, physics, and moral science; without it, indeed, the existence of God cannot be proved from his creatures, nor can an argument be carried from causes to effects or from effects to causes, nor any conclusions be drawn in civil matters (Leibniz, 1989, p. 227).

It is quite logical that Kant, in his drive to totally reform and provide new grounds for metaphysics, “the highly prized knowledge that is indispensable to humanity” (*Prol*, AA 04, p. 261; Kant, 2002, p. 58), was guided, among other things, by this principle of Leibniz.

Kant commenced the study of the relationship and difference between the *logical* and *real* grounds even before the *Critique* period. Thus, in his works “New Elucidation of the First Principles of Metaphysical Cognition” (1755), “The False Subtlety of the Four Syllogistic Figures” (1762), “Attempt to Introduce the Concept of Negative Magnitudes into Philosophy” (1763), “The Only Possible Argument in Support of a Demonstration of the Existence of God” (1763) and finally, in his 1770 dissertation “Concerning the Form and Principles of the Sensible and Intelligible World” Kant (like his closest predecessors and contemporaries, the eighteenth-century German metaphysical philosophers) presented a good many epistemological claims to metaphysics.

гносеологических претензий как в отношении самой метафизики, так и в адрес формальной логики, позволявшей заниматься спекулятивным и бездоказательным понятийным системотворчеством в границах «первой философии».

Одной из важнейших причин кризиса метафизики начала и середины XVIII в. нужно считать как раз неспособность (или неумение?) отличать реальное основание от логического. В перечисленных выше работах Кант четко обозначил эту проблему и указал на дихотомию *логического основания* причинной связи явлений и событий, с одной стороны, и *реального основания* — с другой. Логическая связь основания со следствием усматривается с полной ясностью, поскольку следствие совпадает с частью понятия основания и, следовательно, определяется данным основанием по закону тождества. Например, понятие *сложности* есть логическое основание понятия *делимости*; в свою очередь, *необходимость* — основание *неизменности*.

Однако логическое основание — без использования закона тождества — никак не объясняет того, каким образом в реальности *ничто* вытекает из чего-то другого. Логическое основание целиком принадлежит формально-логическому мышлению, тогда как реальное основание фундирует область действительности и, стало быть, находится в той сфере, которую Кант в недалеком будущем назовет *трансцендентальной логикой*. Но в таком случае в отношении реального основания возникает труднейшая содержательная проблема, требующая дедукции: «как должен я понять, что, *благодаря тому, что есть нечто, есть также и что-то другое*» (AA 02, S. 202; Кант, 1994а, с. 82). В будущих работах именно на основании дихотомии «логическое — реальное» возникнет фундаментальное для критической философии различение *общей* и *трансцендентальной* логики.

Следует подчеркнуть: именно такой подход (отделение логического от реального) к решению одного из главных затруднений прежней метафизики позволил Канту разрубить гордиев узел проблемы логической дедукции понятий и в целом онтологизации логики. Ибо в метафизике, предшествующей и современной Канту, «спор об универсалиях» (в современном для той философии виде) отличался изощренностью, упорством и разнообразием:

...и вольфианцы, и антивольфианцы пытались дать в ней [онтологии] важнейшие определения, разложить составные понятия и выявить простейшие элементы человеческого познания. Какие элементы являются

ics and formal logic which allowed the speculative and unsubstantiated creation of conceptual systems within the bounds of “the first philosophy.”

One of the main causes of the crisis of metaphysics in the early and middle eighteenth century must be precisely the lack of capacity (or ability?) to distinguish real grounds from logical ones. In the above-mentioned works Kant pinpointed this problem and identified the dichotomy of *logical grounds* for the cause-and-effect relationship among phenomena and events, on the one hand, and the *real grounds*, on the other. The logical link between cause and effect is readily seen because the effect coincides with part of the concept of the cause and, consequently, is defined by the cause in accordance with the identity law. Thus, the concept of *complexity* is the logical grounds for the concept of *divisibility*; in turn, *necessity* is the grounds for *immutability*.

However, the logical grounds, without invoking the law of identity, do nothing to explain how *something* follows from something else. The logical cause lies entirely within the domain of formal logical thinking, while the real foundation lies in the sphere of reality and therefore belongs to the sphere which Kant would soon call *transcendental logic*. However, in that case a daunting substantive problem arises with regard to the real cause, a problem that calls for deduction: “How am I to understand the fact that, *because something is, something else is?*” (NG, AA 02, p. 202; Kant, 1992, p. 239). In his works that followed, the “logical-real” dichotomy gives rise to the distinction between *general* and *transcendental* logic, a dichotomy that is pivotal for critical philosophy.

It has to be stressed that this approach (the separation of the logical from the real) to resolving one of the key difficulties of previous metaphysics enabled Kant to cut the Gordian knot of the problem of the logical deduction of concepts and the ontologisation of logic as a whole. For in the earlier and contemporary metaphysics “the dispute about universals” (in the shape characteristic of the philosophy of the times) was exceedingly sophisticated, fierce and diverse:

[...] Wolfians and anti-Wolfians alike tried to provide [in ontology] a breakdown of the composite concepts into the simplest elements of human cognition. Which elements meet that description and which do not and how many elementary concepts there exist –

такowymi, а какие нет, сколько простейших понятий существует — об этом шли непрерывные споры, не добавлявшие ореола достоверности ни онтологии, ни метафизике в целом (Круглов, 2008, с. 55).

В такой ситуации именно Канту было предназначено судьбой реформировать метафизику, погрязшую в откровенном и неприкрытом эмпиризме², впадшую к тому времени в «обветшалый, изъеденный червями догматизм» (А X; Кант, 2006б, с. 13), направить ее на «надежный путь науки» (В IX; Кант, 2006а, с. 11) и заново обосновать по совершенно неизвестному до тех пор плану, породив при этом особый способ философского доказательства притязаний метафизических положений — трансцендентальную дедукцию. Поскольку же Кант эксплицировал не один лишь теоретический мир познания, но и практический мир свободы, то фундаментальными видами доказательства притязаний метафизики стали дедукции опыта и свободы.

Таким образом, цель данной статьи — продемонстрировать специфику и, соответственно, различия трансцендентальной дедукции понятий и дедукции основоположений чистого практического разума в метафизике Канта. При этом я не буду касаться ни эмпирической дедукции понятий, ни метафизической.

Исходные предпосылки дедукции

Философская эволюция Канта со временем привела его к убеждению в том, что метафизика не может основываться на эмпирическом базисе, но непременно должна содержать в своем фундаменте основоположения и понятия *a priori*. Однако прежняя метафизика пыталась, по большому счету, лишь прояснить и систематически упорядочить свои положения и термины, не задаваясь вопросом: в чем, собственно говоря, корень всех проблем и затянувшегося кризиса «царицы наук»? Ответ так и не был найден. Именно по этой причине кёнигсбергский философ пытался отыскать тот самый *Schlufstein* (замковый, краеугольный камень) нового обоснования метафизики.

² В старой метафизике доминировали одновременно (!) и спекулятивное мышление, и эмпиризм. Степень присутствия последнего позволяла говорить о деспотизме эмпиризма в науке и метафизике. Однако «этот деспотизм эмпиризма — не научная, а научно-теоретическая позиция... Таким образом, если трансцендентальная философия направлена на устранение этого деспотизма, то она касается не самих наук, а эмпирицистских (empiristischen) теорий науки» (Rohs, 1976, S. 10).

these were perpetual subjects of arguments which did not confer an aura of authenticity either on ontology or on metaphysics as a whole (Krouglov, 2008, p. 55).

In this situation it was Kant who was fated to reform metaphysics, mired in avowed and undisguised empiricism,² and by that time fallen into “old worm-eaten dogmatism” (*KrV*, A X; Kant, 1998, p. 100), steer it down “the secure path of a science” (*KrV*, B IX; Kant, 1998, p. 107) and reinvent it under a previously unknown plan, generating a special way of philosophical proof of the claims of metaphysical provisions, i.e. transcendental deduction. And because Kant was explicating not only the theoretical world of cognition but also the practical world of freedom, deductions of experience and freedom became the fundamental methods of proving the claims of metaphysics.

Thus the aim of this article is to demonstrate the specificities and differences between the transcendental deduction of concepts and the deduction of the principles of pure practical reason in Kant’s metaphysics. I will not touch upon either empirical or metaphysical deductions of concepts.

Initial Premises of Deduction

Kant’s philosophical evolution eventually convinced him that metaphysics could not be based on empiricism and its foundation should include *a priori* premises and concepts. Meanwhile up until then metaphysics basically merely sought to clarify and systematise its own provisions and terms without trying to get at the root of all the problems and the long-drawn-out crisis of “the queen of all sciences.” The answer was not found. This led Kant to try to find the *Schlufstein* (the keystone) of a new foundation of metaphysics.

² The older metaphysics was dominated simultaneously (!) by speculative thought and by empiricism. The degree of the presence of the latter gave grounds for speaking about the despotism of empiricism in science and metaphysics. However, “the despotism of empiricism is not a scientific but a scientific-theoretical position [...]. Thus, if transcendental philosophy is aimed at eliminating this despotism, it has to do not with sciences but with empiricist theories of science” (“*Dieser Despotismus des Empirismus ist keine wissenschaftliche, sondern eine wissenschaftstheoretische Position. [...] Wenn Transzendentalphilosophie also diesem Despotismus abhelfen will, so hat sie es nicht mit den Wissenschaften selbst, sondern mit den empiristischen Wissenschaftstheorien zu tun*”) (Rohs, 1976, p. 10).

Херман Шмитц так описывал сложившуюся в метафизике ситуацию и реакцию на нее философа:

Кант, которому судьбой было предназначено быть влюбленным в метафизику, страдал от низко упавшего из-за экзальтированности и бесконечных школьных распрей авторитета своей возлюбленной, чье унижение дискредитировало и его лично, и решился поэтому на радикальное лечение критицизмом, которое должно было уравнивать мучительные потери спекулятивного разума прибылями практического (Schmitz, 1989, S. 368–369).

Поскольку спрос на эту старейшую науку, как полагал Кант, никогда не может исчезнуть, потому что интерес общего человеческого разума слишком тесно с ней связан, предстояла полная реформа или новое рождение метафизики (AA 04, S. 257; Кант, 1994б, с. 8). Возрождение, как известно, происходило на путях осуществления «коперниканского поворота», использования критицизма и трансцендентального идеализма. Все эти инновации включали в себя в том числе, как составную часть, новый (кантовский) способ доказательства притязаний метафизики — трансцендентальную дедукцию³.

Строго говоря, отнюдь не все нововведения Канта были полностью оригинальными. Трансцендентальные аргументы как род дедукции можно уже обнаружить у Аристотеля и Декарта. Кроме того,

[сама] мысль о трансцендентальности познания была не нова. Такой была идея о том, что всякое познание предмета осуществляется в некоторой области базовых (ersten) понятий и определяется ими, а также о том, что как раз эта первоначальная и априорная область составляет первое и истинное понятие знания. Трансцендентальная мысль знакома всей философии со времен Платона и Аристотеля... Эпохальное достижение Канта состоит скорее в том, что эта мысль была реализована в логике по-научному (Krings, 1964, S. 28–29).

³ «Кант не дал общего определения трансцендентальной дедукции. Однако в общих чертах под этим термином можно понимать доказательство объективной значимости понятий и, соответственно, принципов, основанных на априорных условиях чистого разума. В теоретической философии понятие “трансцендентальная дедукция” является центральным» (Heidemann, 2015b, S. 366–367). Помимо теоретической философии трансцендентальная дедукция используется также в «Критике практического разума», «Критике способности суждения» и в «Учении о праве» из «Метафизики нравов».

Herman Schmitz thus described the condition of metaphysics at the time and the philosopher's reaction to it:

Kant, who was preordained to fall in love with metaphysics was hurt by the declined authority of his mistress caused by the overheated and endless scholastic squabbles, a humiliation that discredited him personally, and therefore decided on drastic treatment through criticism designed to offset the painful losses of speculative reason by the benefits of practical reason (Schmitz, 1989, pp. 368-369).³

Because, as Kant believed, demand for the oldest science could never disappear since general human reason was too closely linked with it, a complete reform, or a rebirth of metaphysics was called for (Prol, AA 04, p. 257; Kant, 1998, p. 399). The revival, of course, took the shape of the “Copernican Turn”, the use of criticism and transcendental idealism. All these innovations included among other things a new (Kantian) method of proving the claims of metaphysics, transcendental deduction.⁴

Strictly speaking, not all of Kant's innovations were entirely new. One can find transcendental arguments as a kind of deduction in Aristotle and Descartes. Indeed,

[the very] idea of transcendental cognition was not new. Witness the idea that all cognition of an object takes place in the domain of fundamental (ersten) concepts and is determined by them, and that it is this initial *a priori* area constitutes the first and true concept of knowledge. Transcendental thought has been known to all philosophy since Plato and

³ “Kant, der Schicksal hatte, in die Metaphysik verliebt zu sein, litt unter dem durch Verstiegheit und endlose Schulstreitigkeiten tief gesunkenen Ansehen dieser Geliebten, dessen Niedrigkeit auch ihn persönlich herabsetzte, und entschloss sich daher zur Radikalkur des Kritizismus, die schmerzliche Verluste der spekulativen Vernunft durch Gewinne der praktischen ausgleichen sollte.”

⁴ “Kant has not provided a general definition of transcendental deduction. However, in general the term can be interpreted as proof of the objective significance of concepts and, accordingly, the principles based on *a priori* conditions of pure reason. The concept of ‘transcendental deduction’ is central to theoretical philosophy” (“Eine generelle Definition von transzendentaler Deduktion hat Kant nicht gegeben. Allgemein lässt sich unter diesem Begriff aber ein Beweis der objektiven Gültigkeit von Begriffen bzw. Prinzipien aufgrund von apriorischen Erkenntnisbedingungen aus reiner Vernunft verstehen. Zentral ist der Begriff ‘transzendentaler Deduktion’ in der theoretischen Philosophie”) (Heidemann, 2015b, pp. 366-367). In addition to theoretical philosophy transcendental deduction is also used in the *Critique of Pure Reason*, the *Critique of Judgement* and “The Teaching on Law” in the *Metaphysics of Morals*.

В первую очередь, Кант обосновал внутри метафизики четкое различие эмпирического и априорного познаний, аналитических и синтетических суждений, а также разделение «предметов вообще» на явления и вещи сами по себе. Все эти базовые установки представляли собою ядро и «коперниканского поворота», и критицизма, и трансцендентального идеализма. «Перемена в способе мышления» (В XVI; Кант, 2006а, с. 17) справедливо и обоснованно выдвигала на авансцену субъекта и его познавательные способности, конституирующие предмет и, соответственно, мир в целом.

Коль скоро «два ствола» (А 835 / В 863; Кант, 2006а, с. 1047) — *чувственность* как способность восприятия и *рассудок* как синтетическая и конститутивная деятельность — одновременно участвуют в создании и понимании картины мира, то будет и логично, и справедливо начать изучение *тяжкого пути познания* именно с них⁴. Ибо только они формируют сугубо человеческий, а отнюдь не Божественный образ всей окружающей действительности. Соответственно, мы можем говорить исключительно о *человеческом* мире, *человеческом* познании, *человеческой* истине, *человеческих* ценностях, а вовсе не о каких-то неведомых и непостижимых *объективных* сущностях, которые якобы существуют вне и независимо от нашего сознания. Кант совершенно обоснованно призывает встать на точку зрения человека, вместо того чтобы высокомерно, но безуспешно пытаться занять место Бога.

Различение типов суждения, по мысли Канта, могло объяснить факты приращения и развития знания и позволяло в конечном итоге ответить на фундаментальный вопрос «Как возможны синтетические суждения *a priori*?» (В 19; Кант, 2006а, с. 73). Помимо этого, Кант не без оснований полагал, что «его концепция разграничения аналитического и синтетического в терминах ментального содержания и человеческой рациональности также даст адекватные объяснения и/или оправдания (i) дуализма содержания, (ii) необходимости истины, (iii) модального дуализма, (iv) априорного познания и (v) природы и статуса логики» (Hanna, 2015, p. 199). Для своего времени это кантовское

⁴ У Канта «познавательная структура человеческого мышления рассматривается как источник определенных условий, которые должны встретиться с чем-то, что представляется таким мышлением в качестве объекта. <...> Сказать, что объекты «сообразуются с нашим познанием», всего лишь означает, что они соответствуют тем условиям, при которых мы только и можем представлять их в качестве объектов» (Allison, 1983, p. 29).

Aristotle [...]. Kant's epoch-making achievement consists rather in implementing this idea in logic in a scientific way (Krings, 1964, pp. 28-29).⁵

First of all, Kant elucidated within metaphysics a clear distinction between empirical and *a priori* knowledge, analytical and synthetic judgements and the separation of “objects in general” into phenomena and things in themselves. All these basic principles formed the nucleus of the “Copernican Turn”, criticism and transcendental idealism. “The change in the ways of thinking” (*KrV*, В XVI; Kant, 1998, p. 110) rightly and reasonably put at the centre the subject and its cognitive abilities, constituting the object and, accordingly, the world as a whole.

Inasmuch as the “two stems” (*KrV*, А 835 / В 863; Kant, 1998, p. 693) – *sensibility* as an ability to perceive and *understanding* as synthetic and constitutive activity – are involved simultaneously in the creation and understanding of the picture of the world, it would be logical and fair to start the study of *the arduous path of cognition* with them.⁶ For they alone form a strictly human and not divine image of the surrounding reality. Accordingly, we can only speak of a *human* world, *human* cognition, the *human* truth, *human* values and not of some mysterious and unfathomable *objective* entities, allegedly existing outside and independently of our consciousness. Kant rightly advocates assuming the standpoint of man instead of trying arrogantly but unsuccessfully to take the place of God.

Differentiation of types of judgement, Kant believed, could explain the facts of increase and development of knowledge and ultimately provide and answer to the fundamental question, “How are synthetic judgments *a priori* possible?” (*KrV*, В 19; Kant, 1998, p. 146). Besides, Kant believed, not without grounds, that “his theory of the analytic-synthetic distinction in terms of mental content and human

⁵ “[...] *nicht der Gedanke der Transzendentalität des Wissens war neu, das heißt der Gedanke, daß alle Gegenstandserkenntnis sich in einem bestimmten Umkreis von ersten Begriffen vollzieht und durch ihn bestimmt ist, sowie daß eben dieser ursprüngliche und apriorische Umkreis den ersten und wahren Begriff des Wissens ausmacht. Der transzendente Gedanke ist seit Platon und Aristoteles aller Philosophie vertraut [...]. Die epochemachende Leistung Kants besteht vielmehr darin, diesen Gedanken in einer Logik wissenschaftlich realisiert zu haben.*”

⁶ With Kant, “The cognitive structure of the human mind is viewed as the source of certain conditions which must be met by anything that is to be represented as an object by such a mind. [...] To say that objects ‘conform to our knowledge’ is just to say that they conform to the conditions under which we can alone represent them as object” (Allison, 1983, p. 29).

различение имело, безусловно, эвристическое значение, особенно если учесть, сколько богатого материала и головоломных проблем оно предоставило современной философии и науке (прежде всего математике).

Знаменитая кантовская дихотомия «явления — вещи сами по себе» преследовала, без преувеличения, глобальную человеческую цель, не только в сфере познания, но — что гораздо важнее — в практической области свободы.

Во-первых, предмет познания, а значит, в итоге все знание создается нашими познавательными способностями и никак иначе⁵. Здесь, повторюсь, Кант призывает: а) ограничить безмерные человеческие притязания на абсолютное и бездоказательное познание и знание, б) учесть тот факт, что наше знание имеет сугубо человеческий характер (поскольку сконструировано нами самими) и, стало быть, носит «отпечатки» инструментов познания и ограничено их «рамками». Сказать, каким образом и в каком облике вещи существуют вне нашего сознания и познания, мы, строго говоря, не можем.

Такую гносеологическую позицию Пол Гайер назвал эпистемологической скромностью:

Эта форма эпистемологической скромности всегда требует, чтобы теория или концептуальная структура, подвергнутая скептическому сомнению, была не более очевидно *ложной*, чем очевидно *истинной*. А Кант под названием трансцендентального идеализма намеревался показать, что пространственное и временное представление о вещах, как они действительно существуют сами по себе, независимо от нашего восприятия, было бы *очевидно ложным*. Трансцендентальный идеализм — это не скептическое напоминание о том, что мы *не можем быть уверенными* в том, что вещи, как они существуют сами по себе, *суть такие же*, какими мы их представляем. Это — жесткое догматическое требование, что мы *можем быть полностью уверены* в том, что вещи, каковы они сами по себе, *не могут быть* такими, какими мы их представляем (Guyer, 1987, p. 333).

Что ж, это вполне справедливо: мы — люди, а не боги.

Однако такая позиция не должна нас пугать ни релятивизмом, ни солипсизмом, ибо, с одной сто-

⁵ «Все созерцания суть для нас ничто и нисколько не касаются нас, если они не могут быть восприняты в сознании, все равно, влияют ли они на него прямо или косвенно; иным путем познание невозможно» (A 116; Кант, 2006б, с. 167). Последняя часть предложения в оригинале звучит гораздо сильнее: «...und nur durch dieses allein ist Erkenntnis möglich» — «и только через одно это возможно познание».

rationality would also yield adequate explanations and/or vindications of (i) content dualism, (ii) necessary truth, (iii) modal dualism, (iv) *a priori* knowledge, and (v) the nature and status of logic” (Hanna, 2015, P. 199). For its time the Kantian distinction undoubtedly had heuristic value, especially if one considers the wealth of material and mind-bending problems it presented to contemporary philosophy and science (above all mathematics).

Kant’s famous “phenomenon – things in themselves” dichotomy pursued, without exaggeration, a global human goal not only in the cognitive sphere, but – far more importantly – in the practical domain of freedom.

Firstly, the objects of cognition and ultimately all knowledge are created by our cognitive ability and in no other way.⁷ Here, to repeat, Kant calls for a) setting a limit to arrogant human claims to absolute and unproved cognition and knowledge, b) recognising the fact that our knowledge is strictly human (having been constructed by humans) and hence bears “imprints” of the cognitive instruments and is limited by their “framework”. Strictly speaking, we cannot say how and in what shape things exist outside our consciousness and cognition.

Paul Guyer called this epistemological position “epistemological modesty”:

That form of epistemological modesty always requires that a theory or conceptual framework subjected to skeptical doubt be no more demonstrably *false* than demonstrably *true*, but what Kant sets out to demonstrate under the name of transcendental idealism is that a spatial and temporal view of things as they really are in themselves, independent of our perception of them, would be *demonstrably false*. Transcendental idealism is not a skeptical reminder that we *cannot be sure* that things as they are in themselves are also as we represent them to be; it is a harshly dogmatic insistence that we *can be quite sure* that things as they are in themselves *cannot be* as we represent them to be (Guyer, 1987, p. 333).

Well, fair enough: we are humans, not gods.

However, this position need not scare us either with its relativism or with solipsism because, on the one hand, humanity has long adapted itself to liv-

⁷ “All intuitions are nothing for us and do not in the least concern us if they cannot be taken up into consciousness, whether they influence it directly or indirectly, and through this alone is cognition possible” (*KrV*, A 116; Kant, 1998, p. 237).

роны, человечество давным-давно приспособилось жить в *человеческом* мире и с *человеческой* истиной, а с другой — по своему происхождению «кантовское Я является самосознающим только через сознание ноэматического *коррелята* в мире явлений, через собственное ноэтическое структурирование опыта. <...> Кантовское сознание не является самосознанием в первую очередь. Оно есть сознание самого себя только через осознание мира» (Aquila, 1989, p. XII). Эта истина, впрочем, давно известна и тривиальна: не существует объекта без субъекта и наоборот⁶. Кроме того, солипсизм — это ведь не реальная философская позиция какого-либо мыслителя, а всего лишь доведенная до логического конца и в этом смысле «крайняя» сугубо теоретическая и методическая установка, применяемая в ходе мысленного эксперимента, который, в свою очередь, осуществляется исключительно в трансцендентальной, а не «естественной» перспективе сознания.

Во-вторых, помимо мира явлений существует мир трансцендентальной свободы. Если в первом мире человек ограничен довольно жесткими границами рецептивности (= способности восприятия), хотя и «облагороженной» воображением, и параметрами (= структурой) рассудка, то во втором он как раз стремится выйти за пределы, навязанные собственной природой. Здесь субъект (точнее, личность) стремится к *безусловному*, то есть желает построить собственный, а не природный мир. Однако на основе *опыта* (= синтеза чувственности и категорий рассудка) *безусловное* мыслить невозможно.

Безусловное находится в вещах самих по себе, которые мы в опыте *познавать* не можем. Тогда у нас остается возможность их *мыслить*. Стало быть, необходимо переходить в мир свободы, правильнее сказать — выстраивать его. Разум должен предпринять усилия, чтобы выйти «за пределы всякого возможного опыта посредством наших, но уже лишь практически возможных познаний *a priori*» (A 21; Кант, 2006а, с. 23). За пределами возможного

⁶ В 1797 г. Кант записывает: «Посредством одних лишь категорий, поскольку [они] содержат только мышление, мы не познаем никакого предмета (материю). <...> Только в связи с реальным (ощущаемым) пространством и временем созерцание дает нам познания, которые в конце концов (даже чистая математика) могут доказать реальность своих понятий только через их соответствие с возможностью опыта, причем созерцания могут поставлять *априорные* познания только тогда, когда они должны приниматься не как вещи сами по себе, а лишь как явления, т. е. в качестве субъективной формы чувственности, так как их устройство можно познать отдельно, объекты же могут быть какие угодно, следовательно, они даны *a priori*» (AA 18, S. 688; Кант, 2000, с. 317, №6360).

ing in a *human* world and with the *human* truth and, on the other hand, in view of its origin: “The Kantian Self is originally self-conscious only through consciousness of the noematic *correlate*, in the world of appearances, of its own noetic structuring of experience. [...] Kantian consciousness is not in the first instance self-consciousness. It is consciousness of self only through its consciousness of the world” (Aquila, 1989, p. XII). This truth, however, has long been known and is trivial: there is no object without a subject and *vice versa*.⁸ Besides, solipsism is not a real philosophical position of a thinker but merely a strictly theoretical and methodological position carried to its logical end and in that sense an “extreme” position, used during the course of a thought experiment which, in turn, is carried out exclusively in the transcendental and not “natural” perspective of consciousness.

Secondly, in addition to the world of phenomena, there exists the world of transcendental freedom. While in the former world man is constrained within fairly harsh boundaries of receptivity (= the capacity to perceive), albeit “ennobled” by imagination and the parameters (= structure) of reason, in the latter case the subject (or reason?) seeks to go beyond the limits imposed by its own nature. Here the subject (more precisely, the personality) seeks the *unconditional*, i.e. wishes to build its own and not the natural world. However, on the basis of *experience* (= synthesis of sensibility and the categories of reason) it is impossible to think of the *unconditional*.

The unconditional resides in things in themselves which we cannot *cognise* in experience. Thus it remains to *think* them. So it is necessary to move into the world of freedom or, more correctly, to build it. Reason must exert an effort to go “[...] beyond the boundaries of all possible experience, in accordance with the wishes of metaphysics, cognitions *a priori* that are possible, but only from a practical standpoint” (*KrV*, A 21; Kant, 1998, p. 112).

⁸ Kant wrote in 1797: “Through categories alone, since they contain merely thought, we do not cognize any object (matter). [...] The intuition of space and time connected to the real (that which is sensed) alone gives us cognitions that in the end (even pure mathematics) can prove the reality of their concepts merely through their correspondence with the possibility of experience, in which case, however, the intuitions can provide *a priori* cognitions only if they are not assumed to be things in themselves, but only appearances, i.e., the subjective form of our sensibility, because one can only know the constitution of these *a priori* for themselves alone, let the objects be what they might, hence only these are given *a priori*” (*RefI* 6360, AA 18, p. 688; Kant, 2005, p. 395).

опыта человечеством конструируется помимо того практический мир социального действия, морали, религии, языка, очищенной от эмпиризма и догматизма метафизики, искусства, одним словом — культуры, понимаемой как *Bildung*.

Этот практический мир, который Кант называет также интеллигибельным, или моральным, представляет собою умопостигаемую Вселенную разума, практическую идею (а вовсе не *понятие* рассудка). Сама идея интеллигибельного мира есть всего лишь

точка зрения, которую разум чувствует себя вынужденным принять вне явлений для того, чтобы мыслить самого себя практическим... Эта мысль приводит, конечно, к идее другого порядка и законодательства, нежели те, какие присущи механизму природы, относящемуся к чувственному миру, и делает необходимым понятие интеллигибельного мира (т.е. целого разумных существ как вещей самих по себе) (AA 04, S. 458; Кант, 19976, с. 259).

В третьей антиномии тезис гласит: «Каузальность по законам природы — не единственная каузальность, из которой можно вывести всю совокупность явлений в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить каузальность [осуществляемую] через свободу» (A 444 / B 472; Кант, 2006а, с. 595). Кант демонстрирует, что *каузальность природы* вовсе не противоречит *каузальности свободы*, поскольку обе они действуют и определяют положение дел в разных мирах — теоретическом (природном) и практическом (моральном). При этом, находясь в интеллигибельном мире, практический разум не претупает свои границы, поскольку не прибегает к *созерцаниям* и *ощущениям*. Стало быть, действуя в умопостигаемом мире, разум применяет не *конститутивные* способности и механизмы теоретической рациональности (рассудка), а *регулятивные* идеи и принципы интеллигибельно-практической рациональности.

Таким образом, мы видим, что весьма плодотворная кантовская дихотомия «явления — вещи сами по себе» позволила наиболее полно описать все сферы и принципы человеческого существования и действия. С одной стороны, мы живем в мире опыта и необходимости. С другой — ввиду того, что необходимо допустить принципиально иную каузальность, которая предполагает абсолютную спонтанность причин, а значит, и возможность самостоятельно начинать тот или иной ряд явлений, мы тем самым приходим не только к реальной *прак-*

Beyond possible experience humanity also constructs the practical world of social action, morality, religion, language cleansed of empiricism and the dogmatism of metaphysics, art, in short, culture understood as *Bildung*.

This practical world, also referred to by Kant as the intelligible or moral world, represents the Universe of Reason, the practical *idea* (and not the *concept* of understanding). The idea of intelligible world is merely

a standpoint that reason sees itself constrained to take outside appearances in order to think of itself as practical [...]. This thought admittedly brings with it the idea of another order and another lawgiving than that of the mechanism of nature, which has to do with the sensible world; and it makes necessary the concept of an intelligible world (i.e., the whole of rational beings as things in themselves) (GMS, AA 04, p. 458; Kant, 2011, p. 145).

In the Third Antinomy the thesis goes as follows: “Causality in accordance with laws of nature is not the only one from which all the appearances of the world can be derived. It is also necessary to assume another causality through freedom in order to explain them” (*KrV*, A 444 / B 472; Kant, 1998, p. 484). Kant demonstrates that the *causality of nature* in no way contradicts the *causality of freedom* because both operate and determine the state of affairs in different worlds — the theoretical (natural) and the practical (moral). Being in the intelligible world practical reason does not overstep its boundaries because it does not resort to *contemplation* and *sensation*. So, acting in the intelligible world, reason makes use not only of the *constitutive* abilities and mechanisms of theoretical rationality (understanding) but also of the *regulative* ideas and principles of intelligible-practical rationality.

Thus we see that the eminently fruitful Kantian dichotomy of “phenomenon *versus* things in themselves” made it possible to describe most fully all the spheres and principles of human existence and action. On the one hand, we live in a world of experience and necessity. On the other hand, because it is necessary to assume a fundamentally different causality implying an absolute spontaneity of causes and hence the possibility of independently initiating a string of phenomena we thus arrive not only at real *practical* freedom, but an understanding of *transcendental* freedom. Thus it is only the exist-

тической свободе, но и к пониманию трансцендентальной свободы. Таким образом, лишь существование вещи самой по себе позволяет обосновать и сохранить («спасти») для человечества свободу как таковую.

Однако здесь мы только приступаем к самому главному: для раскрытия двух фундаментальных «тайн» метафизики — «тайны» опыта (= природы) и «тайны» свободы (= морального мира) необходимы, соответственно, два обоснования — дедукция опыта и дедукция свободы. Эти процедуры необходимо взаимосвязаны.

Кант утверждает:

Но если критика не заблуждалась, научая нас рассматривать объект в *двоём значении*, а именно как явление или как вещь саму по себе; если данная критикой дедукция рассудочных понятий верна и, следовательно, закон каузальности относится только к вещам в первом значении, т. е. поскольку они суть предметы опыта, между тем как вещи во втором значении не подчинены закону причинности, — [если это так] то, не боясь впасть в противоречие, одну и ту же волю, взятую в явлении (в наблюдаемых поступках), с одной стороны, можно мыслить как необходимо сообразующуюся с законом природы и постольку *не свободную*, с другой же стороны, как принадлежащую закону самой по себе, стало быть, не подчиненную закону природы и потому как *свободную* (В XXVII — XXVIII; Кант, 2006а, с. 29 — 31).

В этой пространной, но крайне важной цитате следует обратить пристальное внимание на три важнейших для данной темы положения: а) дедукцией опыта косвенно обосновывается существование вещи самой по себе, б) дедукция свободы отчасти зависит от успеха теоретической дедукции, в) существование вещи самой по себе гарантирует человеческую свободу, а стало быть, и мораль. Мы, естественно, помним, что главная цель всей трансцендентальной философии — спасти идею свободы.

Сущность дедукции опыта и ее необходимость

Рассмотрим последовательно дедукцию опыта и дедукцию свободы — так, как они изложены в «Критике чистого разума» и «Критике практического разума».

Важно отметить: прежде чем приступить к трансцендентальной аналитике и дедукции чистых понятий рассудка, Кант разъясняет сущность трансцендентальной логики и задается вечным философским вопросом: что есть истина? Общая логика может дать только формальный критерий истины. Однако его явно недостаточно. Содержа-

ence of the thing in itself that enables humanity to ground and preserve (“save”) freedom as such for humanity.

However, this only brings us to the key point: to solve the two fundamental “mysteries” of metaphysics, the “mystery” of experience (= nature) and “the mystery” of freedom (= the moral world) two groundings are needed respectively, deduction of experience and deduction of freedom. These procedures are of necessity interconnected.

Kant maintains:

But if the critique has not erred in teaching that the objects should be taken in a *twofold meaning*, namely as appearance or as thing in itself; if its deduction of the pure concepts of the understanding is correct, and hence the principle of causality applies only to things taken in the first sense, namely insofar as they are objects of experience, while things in the second meaning are not subject to it; then just the same will is thought of in the appearance (in visible actions) as necessarily subject to the law of nature and to this extent *not free*, while yet on the other hand it is thought of as belonging to a thing in itself as not subject to that law, and hence *free*, without any contradiction hereby occurring (*KrV*, В XXVII–XXVIII; Kant, 1998, p. 116).

In this long but extremely important passage close attention needs to be paid to the three provisions that are the key to this topic: a) deduction of experience indirectly proves the existence of the thing in itself, b) deduction of freedom partly depends on successful theoretical deduction, c) the existence of a thing in itself guarantees human freedom and therefore morality. Naturally, we keep in mind that the main aim of all transcendental philosophy is to save the idea of freedom.

The Essence of Deduction of Experience and its Necessity

Let us sequentially consider deduction of experience and deduction of freedom as set forth in the *Critique of Pure Reason* and the *Critique of Practical Reason*.

It is important to note that before embarking on the transcendental analysis and deduction of pure concepts of reason Kant explains the essence of transcendental logic and asks the eternal philosophical question: what is truth? General logic can

тельный (материальный) критерий должна представить трансцендентальная логика в форме прежде всего: а) аналитики, или логики истины (= обоснование знания), которая является каноном оценки эмпирического применения рассудка, и, кроме того, б) диалектики (= критика познавательной видимости), предостерегающей от ошибок. Стало быть, дедукция категорий имеет прямое отношение к сложнейшему вопросу об истине.

Самое краткое базовое определение Кант дает в начале знаменитого § 13 «Трансцендентальной аналитики понятий»: «...объяснение того, каким образом понятия могут *a priori* относиться к предметам, я называю *трансцендентальной дедукцией* понятий» (А 85 / В 117; Кант, 2006а, с. 187). Дедукция необходима для решения главного затруднения, с которым мы не имеем дела в области чувственности: «...каким образом получается, что *субъективные условия мышления* имеют *объективную значимость*, т.е. становятся условиями возможности всякого познания предметов» (А 89–90 / В 122; Кант, 2006а, с. 191). Вольфганг Карл детализирует: «Разъяснение объективной значимости субъективных условий мышления — это обоснование того, что понятия метафизики являются условиями эмпирического познания. <...> Другими словами: мы нашли ключ к “тайне” метафизики именно в том, что разъясняем отношения понятий рассудка к предметам» (Carl, 1989, S. 49).

Прежде чем перейти непосредственно к дедукции чистых понятий рассудка, позволю себе заметить, что в первой «Критике» вся теоретическая дедукция в своей целокупности обладает сложной, поэтапной и разветвленной структурой. Кроме того, определенное недоумение вызывает сам термин «дедукция». В каком смысле употребляется это понятие? Вероятно, не в том, в каком мы привыкли его понимать — в качестве процесса логического перехода от общего к частному и единичному, а также логического вывода, то есть перехода от посылок к заключению и следствиям⁷.

Сам Кант, разъясняя термин, ссылается на юридическую практику и говорит, что дедукцией в этой среде называется *доказательство права* или *справедливости притязаний*. Такое словоупотребление, видимо, было характерно для нефилософских

⁷ Йенс Тиммерман предупреждает: «Дедукции Канта не следует путать со стандартными нисходящими дедукциями, или преобразованиями, в формальной логике. Они служат подтверждением того, что мы имеем право использовать понятие, которое может быть использовано только в синтетическом суждении *a priori*. Для этой цели нам нужно проследить происхождение понятия и проверить, является ли установленная связь законной» (Timmerman, 2007, p. XXII–XXIII).

only provide a formal criterion of truth. However, that is obviously not enough. The content (material) criterion must be provided by transcendental logic above all in the form of: a) analytics, or logic of truth (= grounding of knowledge) which is a canon of assessing the empirical use of understanding and, in addition, b) dialectics (= critique of cognisable appearance) which warns against errors. Thus, the deduction of categories has a direct bearing on the overarching question of truth.

Kant provides the shortest basic definition at the beginning of the famous § 13 of the “Transcendental Analytic of Concepts”: “I therefore call the explanation of the way in which concepts can relate to objects *a priori* their *transcendental deduction*” (KrV, A 85 / B 117; Kant, 1998, p. 220). Deduction is needed to resolve the main difficulty that does not confront us in the sensible sphere: “... how *subjective conditions of thinking* should have *objective validity*, i.e., yield conditions of the possibility of all cognition of objects” (KrV, A 89–90 / B 122; Kant, 1998, p. 222). Wolfgang Carl elaborates: “The elucidation of the objective validity of subjective conditions of thought proves that the concepts of metaphysics are conditions of empirical cognition. [...] In other words, we have found the key to the ‘mystery’ of metaphysics by explaining how the concepts of understanding relate to objects” (Carl, 1989, p. 49).⁹

Before passing on directly to the deduction of pure concepts of understanding I would like to note that in the first *Critique* all theoretical deduction in its entirety has a complicated, step-by-step and ramified structure. Besides, the very term “deduction” is somewhat puzzling. In what sense is the term used? Probably not in the sense we are used to, as a process of logical transition from the general to the particular and the unique as well as the logical conclusion, i.e. the transition from premises to the conclusion and consequences.¹⁰

⁹ “Die Erklärung der objektiven Gültigkeit subjektiver Bedingungen des Denkens ist die Begründung dafür, dass die Begriffe der Metaphysik Bedingungen der empirischen Erkenntnis sind. [...] Mit anderen Worten: wir haben den Schlüssel zu dem ‘Geheimnisse’ der Metaphysik gefunden, indem wir eine Erklärung für die Beziehung der Begriffe des Verstandes auf Gegenstände geben.”

¹⁰ Jens Timmerman warns: “Kant’s deductions should not be confused with the standard ‘top down’ deductions or derivations of formal logic. They serve to corroborate that we are entitled to use a concept that can only be employed in a synthetic judgement *a priori*. For this purpose, we need to trace the origin of a concept and check whether the connection made is legitimate. This is one of the tasks indigenous to his critical philosophy (Timmerman, 2007, pp. XXII–XXIII).

кругов в XVIII в.⁸ Юридическое значение понятия вместе с работами Канта проникло в философию. Так, Ульрих Зеберг подчеркивает, что дедукция может быть найдена в ключевых местах основных сочинений Канта. В частности, существует трансцендентальная дедукция чистых рассудочных понятий, идей чистого разума, категорического императива, основоположений чистого практического разума, обязанности добродетели, понятия высшего Блага, идеи оправдания, чистых эстетических суждений, понятия первоначального приобретения, приобретения через договор и, наконец, дедукция эфира (см.: Seeberg, 2015, S. 348). Стало быть, в качестве синонимов понятия «дедукция» следует рассматривать термины «обоснование», «оправдание», «выведение», в определенном смысле — «доказательство».

Сложность дедуктивной структуры заключается в следующем. Во-первых, дедукция возникает уже в разделе «Трансцендентальная эстетика», где, как утверждает Кант, «мы с помощью трансцендентальной дедукции проследили понятия пространства и времени вплоть до их источников, объяснили и определили их объективную значимость *a priori*» (A 87 / B 119–120; Кант, 2006а, с. 189). Здесь в состав дедукции в качестве начального этапа входит процедура, которую позже назовут трансцендентальной *редукцией*⁹ и которую до Канта успешно осуществляли Платон, Августин, Декарт, а после Канта — Гуссерль и др.

⁸ Как поясняет Марио Каими, в XVIII в. «дедукции представляли собою обвинения, поданные в императорский суд. Именно с помощью дедукций решались вопросы международного права и разрешались конфликты между государствами или королевствами. Каждая из противоборствующих сторон стремилась доказать законность своих требований путем «дедукций», в которых они пытались заявить, что их требования основаны на принципах права, которые признаются законными. Кроме того, юридические дедукции имели специфическую риторическую структуру. Считалось нормальным сформулировать одно и то же утверждение много раз, с разных точек зрения, что объясняет частоту повторений и окольных путей в одном тексте (поразительная особенность версии А «Трансцендентальной дедукции»). Типичным было также добавление краткого изложения дедукции в конце документа. <...> Но это не означает, что кантовская дедукция 1787 года не имеет никакой логической структуры, кроме этих риторических черт» (Caimi, 2014, p. 14).

⁹ Термин «редукция» используется здесь в значении совокупности всех базовых процедур очищения сознания с целью достижения его глубинных структур, а также для обозначения процесса регрессивного перехода к первоначальному этапу какого-либо процесса или сущности («редукция к началу»). Процедуры редукции в первой «Критике» встречаются неоднократно: А 20–21 / В 35 (редукция понятия тела), А 22 / В 36 (редукция чувственности, экспликация пространства и времени), А 26–27 / В 42–43 (редукция пространства), А 34–35 / В 51–52 (редукция времени), А 62–64 / В 87–89 (редукция рассудка), А 252 (редукция чувственного созерцания, достижение ноумена), А 491–496 / В 519–525 (редукция к явлениям), А 523–526 / В 551–554 (редукция как регресс).

Explaining this term Kant himself invokes legal practice and says that in the legal milieu deduction refers to *proof of right* or *justice of claims*. This use of words was apparently characteristic of non-philosophical circles in the eighteenth century.¹¹ The legal meaning of the concept has penetrated philosophy along with Kant's works. Thus Ulrich Seeberg stresses that deduction can be found in key places of Kant's main works. Thus there exists the transcendental deduction of pure concepts of understanding, ideas of pure reason, the categorical imperative, the principles of pure practical reason, the duty of virtue, the concept of supreme Good, the ideas of justification, pure esthetic judgments, the concepts of initial acquisition, acquisition under contract and, finally, the deduction of ether (see: Seeberg, 2015, p. 348). Thus, the concept of "deduction" can be said to have such synonymous terms as "grounding," "justification," "derivation," and in a certain sense, "proof."

The complexity of deductive structure consists in the following. First, deduction appears already in the "Transcendental Aesthetics" section in which Kant writes: "We have above traced the concepts of space and time to their sources by means of a transcendental deduction, and explained and determined their *a priori* objective validity" (KrV, A 87 / B 120; Kant, 1998, p. 221). Here deduction includes as the initial stage a procedure that would later be called transcendental *reduction*,¹² which was successfully used by Plato, Augustine, Descartes before Kant and Husserl and others after Kant.

¹¹ Mario Caimi explains that in the eighteenth century "deductions were allegations presented before the courts of justice of the Emperor. It was through deductions that issues of international law were handled and conflicts between states or kingdoms expounded. Each one of the contending parties aimed at proving the legitimacy of its claims by means of "deductions" in which they endeavoured to state that their claims were founded upon principles of law universally admitted as legitimate. Furthermore, juridical deductions had a specific rhetorical structure. It was normal to formulate the same claim many times from different points of view, which explains the frequency of repetitions and detours within a single text (a striking feature of the A version of the 'Transcendental Deduction'). It was also typical to add a summary of the deduction at the end. [...] But that does not mean that the Kantian Deduction of 1787 has no logical structure beyond these rhetorical features" (Caimi, 2014, p. 14).

¹² The term "reduction" is used here to refer to the totality of all the basic procedures of cleansing consciousness to reach down to its deepest structures and to denote the process of regressive transition to the initial stages of a process or entity ("reduction to the beginning"). The procedures of reduction in the first *Critique* occur more than once: A 20-21 / B 35 (reduction of the concept of body), A 22 / B 36 (reduction of sensibility, explication of space and time), A 26-27 / B 42-43 (reduction of space), A 34-35 / B 51-52 (reduction of time), A 62-64 / B 87-89 (reduction of reason), A 252 (reduction of sense perception, achievement of the thing in itself) A 491-496 / B 519-525 (reduction to phenomena), A 523-526 / B 551-554 (reduction as regress).

Сущность редукции в данном случае заключается в том, что необходимо: а) изолировать при помощи мысленного эксперимента чувственность от всего, что мыслит рассудок, кроме эмпирического созерцания; б) точно таким же путем отделить от созерцания все, что принадлежит ощущению. Иначе говоря, всю содержательную область чувственности нужно освободить от содержания, оставив одни лишь *формы* самого чувственного созерцания. Таким образом, целью редукции является обнаружение чистых форм чувственного созерцания — пространства и времени как принципов познания *a priori* (A 22 / B 36; Кант, 2006а, с. 93). После этого следует заключительный этап — собственно трансцендентальная дедукция, устанавливающая эмпирическую реальность и трансцендентальную идеальность пространства и времени. Дедукцию в «Эстетике», состоящую, как мы видим, из редукции и собственно дедукции, можно считать первой частью (этапом) общей трансцендентальной дедукции, которая присутствует в «Критике чистого познания».

Таким образом, система трансцендентальной дедукции, содержащейся в первой «Критике», состоит из трех частей: 1) дедукции пространства и времени как априорных форм чувственного восприятия, 2) дедукции чистых рассудочных понятий, 3) дедукции идей разума.

Во-вторых, *подступы* к дедукции понятий возникают во введении к трансцендентальной логике (A 50–65 / B 74–88). Здесь мы сталкиваемся с трансцендентальной редукцией конститутивного рассудка. Кант говорит, что в трансцендентальной логике «мы обособляем рассудок (как в трансцендентальной эстетике обособляем чувственность) и выделяем из области наших познаний только ту часть мышления, которая имеет свой источник лишь в рассудке» (A 62 / B 87; Кант, 2006а, с. 151). В дальнейшем это общее требование конкретизируется: а) понятия должны быть чистыми, а не эмпирическими; б) они должны принадлежать рассудку, а не созерцанию и чувственности; в) они должны быть первоначальными, а не производными; г) их таблица должна быть полной (A 64 / B 89; Кант, 2006а, с. 153). Здесь также необходимо использовать аналитический метод и мысленный эксперимент.

Стало быть, уже сейчас можно сделать обоснованное заключение: для того чтобы было возможно осуществить, во-первых, трансцендентальную дедукцию пространства и времени и, во-вторых, дедукцию чистых рассудочных понятий, необхо-

The essence of reduction in this case lies in the fact that it is necessary: a) to isolate through thought experiment sensibility from everything that understanding thinks of except empirical contemplation, b) in the same way, separate from contemplation everything that pertains to sensation. In other words, the entire substantive area of sensibility must be freed from content leaving only *the forms* of sense perception itself. Thus the aim of reduction is to discover pure forms of sense perception of space and time as principles of *a priori* perception (*KrV*, A 22 / B 36; Kant, 1998, p. 157). Then comes the final stage: transcendental deduction proper which establishes empirical reality and transcendental ideality of space and time. Deduction in the “Aesthetics” which, as we see, consists in reduction and deduction proper, can be seen as the first part (stage) of general transcendental deduction which is present in the *Critique of Pure Reason*.

Thus the system of transcendental deduction contained in the first *Critique* has three parts: 1) deduction of space and time as *a priori* forms of sense perception, 2) deduction of pure concepts of understanding, and 3) deductions of the ideas of reason.

Secondly, *approaches* to the deduction of concepts arise in the introduction to transcendental logic (A 50-65 / B 74-88). Here we are confronted with the transcendental reduction of constitutive understanding. Kant says that in transcendental logic “we isolate the understanding (as we did above with sensibility in the transcendental aesthetic), and elevate from our cognition merely the part of our thought that has its origin solely in the understanding” (*KrV*, A 62 / B 87; Kant, 1998, p. 199). Subsequently, this general requirement is elaborated: a) the concepts must be pure and not empirical, b) they must belong to understanding and not to contemplation and sensibility, c) they must be primary and not derivative, and d) their table must be complete (*KrV*, A 64 / B 89; Kant, 1998, p. 201). It is also necessary to use here the analytical method and thought experiment.

Thus, already at this stage one can reasonably conclude that in order to carry out, first, the transcendental deduction of space and time and, second, the deduction of pure concepts of understanding a special and initial (one might say *primordial*) mental procedure called *transcendental reduction* is needed. In each of these two cases *reduction is the condition of the possibility* of transcendental deduction.

дима специальная и первоначальная (можно сказать — примордиальная) ментальная процедура — трансцендентальная редукция. В каждом из этих двух случаев редукция выступает как условие возможности трансцендентальной дедукции.

Теперь перейдем непосредственно к дедукции чистых рассудочных понятий¹⁰. Разумеется, в рамках статьи отсутствуют пространство и необходимость для подробного ее описания и анализа, однако можно указать некоторые существенные характеристики. Каковы цель, задачи и механизмы дедукции понятий?

Для достижения целого комплекса задач трансцендентальной философии Кант в первую очередь «должен был объяснить, как чистое мышление может антиципировать чувственный опыт, порождая априорные синтетические познания. Ответ на этот вопрос... Кант искал на путях учения об активности души» (Васильев, 2010, с. 332). Именно синтетическая и продуктивная активность сознания должна была объяснить коррелятивную связь между Я как таковым (первоначальным единством апперцепции) и неким трансцендентальным объектом.

Дитер Хенрих справедливо полагает:

Трансцендентальная дедукция категорий — самое сердце «Критики чистого разума». Она содержит два основных доказательства этой книги: одно из них демонстрирует возможность систематического познания опыта, а другое — невозможность познания за пределами опыта. Сам Кант считал эту теорию совершенно новой и чрезвычайно сложной. Более того, он признал, что ему стоило величайшего труда выработать удовлетворительное изложение своей теории (Henrich, 1969, p. 640).

Данное высказывание — самая общая и вместе с тем наиболее точная и емкая характеристика целей и значимости трансцендентальной дедукции понятий. В имплицитном виде оно содержит многие функции этой процедуры. Попытаюсь их эксплицитировать и дополнить.

С самого начала дедукция категорий преследует главную задачу «Аналитики понятий»: доказать объективную значимость чистых понятий рассудка. Иначе говоря, нужно ответить на вопрос: в силу чего «понятия *a priori* следует признать условиями *a priori* возможности опыта (будь то возможности со-

¹⁰ В статье рассматривается прежде всего и главным образом трансцендентальная дедукция чистых рассудочных понятий второго издания «Критики чистого разума» (1787).

Let us now pass on directly to the deduction of pure concepts of understanding.¹³ This article does not of course have the space or the need for its detailed description and analysis; however, some of its essential characteristics can be pointed out. What are the goal, tasks and mechanisms of the deduction of concepts?

To accomplish the range of tasks of transcendental philosophy, Kant, first of all, “had to explain how pure thought can anticipate sense experience generating *a priori* synthetic knowledge. Kant sought an answer to this question [...] through the teaching on the activity of the mind” (Vasilyev, 2010, p. 332). It is the synthetic and productive activity of consciousness that is called upon to explain the correlation between the self as such (the primary unity of apperception) and a transcendental object.

Dieter Henrich rightly notes that

The transcendental deduction of the categories is the very heart of *The Critique of Pure Reason*. It contains the two principal proofs of the book, the one demonstrating the possibility of a systematic knowledge of experience and the other the impossibility of knowledge beyond the limits of experience. Kant himself considered this theory completely new and extremely complicated; moreover, he conceded that he had great difficulty in working out a satisfactory exposition of his theory (Henrich, 1969, p. 640).

In this case it is the most general and at the same time the most precise and concise statement of the goals and significance of the transcendental deduction of concepts. Henrich’s statement implicitly contains many functions of this procedure. I shall try to explicate and enlarge upon them.

From the very beginning the deduction of categories pursues the main task of the “Analytic of Concepts”: to prove the objective significance of pure concepts of understanding. In other words, an answer must be given to the question why “they [*a priori* concepts] must be recognised as *a priori* conditions of the possibility of experiences (whether of the intuition that is encountered in them, or of the

¹³ The article focuses primarily and chiefly on the transcendental deduction of concepts of pure understanding in the second edition of the *Critique of Pure Reason* (1787).

зерцания, встречающегося в опыте, или возможности мышления)» (A 94 / B 126; Кант, 2006а, с. 197)¹¹. Если категории представляют собою объективные основания возможности опыта, то они являются необходимыми. Однако — и это очень важно! — если понятия не имеют отношения к возможному опыту, в котором мы имеем дело с предметами познания, то в таком случае их отношение к какому бы то ни было объекту вовсе нельзя понять.

Ключевым понятием (и механизмом осуществления) трансцендентальной дедукции категорий является «связь» (*Verbindung, conjunctio*). Связь есть действие рассудка; и с помощью этого действия мы осуществляем *синтез* (= связываем) все многообразное в чувственных созерцаниях или же в понятиях. Связь — это единственное представление, которое «не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо [установление связи] есть акт его самостоятельности» (B 130; Кант, 2006а, с. 201). Рассудок, стало быть, обладает важнейшим качеством спонтанности¹². Само же понятие связи естественным образом предполагает, что в основе ее как способа действия лежит некоторое *единство*, а именно — синтетическое единство многообразного. Следовательно, категории изначально предполагают единство.

Подобное единство (= «я мыслю») есть не что иное, как чистое, изначальное (неэмпирическое, внечувственное) представление (или стихийный

¹¹ Кант вкратце формулирует сущность дедукции таким образом: «Дедукция чистых рассудочных понятий (и вместе с тем всего теоретического познания *a priori*) есть показ этих понятий как принципов возможности опыта, причем опыт рассматривается как *определение* явлений в пространстве и времени *вообще*, а это определение, в свою очередь, выводится из *первоначального* синтетического единства апперцепции как формы рассудка в отношении к пространству и времени, представляющим собой первоначальные формы чувственности» (B 168 – 169; Кант, 2006а, с. 247).

¹² «Понятие спонтанности, или самостоятельности, вовсе не отсутствует в первом издании “Критики”. Действительно, Кант представляет его на самой первой странице “Введения в трансцендентальную логику”, где рассудок характеризуется как “спонтанность понятий” и противопоставляется “восприимчивости к впечатлениям” (A 51 / B 75). И мы видели, что в А-Дедукции Кант повторяет эту характеристику в контексте перечисления различных описаний, которые он дал для рассудка, прежде чем остановиться на своей предпочтительной характеристике его как “способности давать правила” (A 126). Оно [понятие спонтанности] играет гораздо более заметную роль в В-Дедукции, где, в дополнение к цитируемому выше отрывку, появляется пять раз. Тем не менее представляется разумным предположить, что это увеличение значимости связано не с доктринальным изменением, а с пересмотренной структурой аргумента» (Allison, 2015, p. 331).

thinking)» (*KrV*, A 94 / B 126; Kant, 1998, p. 225).¹⁴ If categories represent objective conditions of the possibility of experience, then they are necessary. However – and this needs to be stressed – if concepts do not relate to possible experience in which we deal with objects of cognition, then their relation to any object is impossible to understand.

The key concept (and mechanism) of the transcendental deduction of categories is the concept of “*conjunction*” (*Verbindung, conjunctio*). Conjunction is an act of understanding; through this action we effect a *synthesis* (= link) of the manifold of sense perceptions or concepts. “Combination is the only one that is not given through objects but can be executed only by the subject itself, since it is an act of its self-activity” (*KrV*, B 130; Kant, 1998, p. 245). Understanding therefore has the key quality of spontaneity.¹⁵ The concept of combination naturally implies that as a mode of action it is based on a certain *unity*, namely a synthetic unity of the manifold. Thus, categories inherently imply unity.

Such unity (= “I think”) is none other than a pure, initial (non-empirical, non-sensible) idea (or a spontaneous act) which Kant calls *initial apperception*. The unity of this self-consciousness is called transcendental unity of apperception. Accordingly, “the transcendental unity of apperception is that unity through which all of the manifold given in an intuition is united in a concept of the object” (*KrV*, B 139; Kant, 1998, p. 250). For this reason the transcendental unity of apperception is described as *objective*. The transcendental unity of appercep-

¹⁴ Kant thus sums up the essence of deduction: “It is the exhibition of the pure concepts of the understanding (and with them of all theoretical cognition *a priori*) as principles of the possibility of experience, but of the latter as the determination of appearances in space and time in general – and the latter, finally, from the principle of the original synthetic unity of apperception, as the form of the understanding in relation to space and time, as original forms of sensibility” (*KrV*, B 168-169; Kant, 1998, p. 267).

¹⁵ “The notion of spontaneity or self-activity is not absent from the first edition of the *Critique*. Indeed, Kant introduces it on the very first page of the ‘Introduction to the Transcendental Logic’, where the understanding is characterised as the ‘spontaneity of cognition’ and contrasted with the receptivity of sensibility (A 51 / B 75). And we have seen that in the A-Deduction Kant reiterates this characterisation in the context of a catalogue of various descriptions that he has given of the understanding before settling on his preferred characterisation of it as the ‘faculty of rules’ (A 126). It plays a far more prominent role in the B-Deduction, however, where, in addition to the above-cited passage, it appears five times. Nevertheless, it seems reasonable to surmise that this increased prominence is due not to a doctrinal change but to the revised structure of the argument” (Allison, 2015, p. 331).

акт), которое Кант называет *первоначальной апперцепцией*. Единство этого самосознания называется трансцендентальным единством самосознания (= апперцепции). Соответственно, «*трансцендентальное единство* апперцепции есть то единство, благодаря которому все данное в созерцании многообразное объединяется в понятие об объекте» (В 139; Кант, 2006а, с. 211). Именно по этой причине трансцендентальное единство апперцепции и называется *объективным*. Трансцендентальное единство апперцепции и трансцендентальный синтез способности воображения конституируют в конечном итоге предмет опыта¹³. В таком случае все чувственные созерцания с необходимостью подчиняются категориям рассудка как условиям возможности и правилам синтетического единства и, стало быть, опыта в целом. Однако категории не имеют применения за пределами опыта, то есть эмпирического, или чувственно-рассудочного, знания и познания, и, следовательно, не могут быть эффективно использованы в сфере мышления (а не познания), ибо там они окажутся пустыми.

Итак, дедукция чистых рассудочных понятий (а кроме нее также аналитика основоположений как совокупность условий применения категорий) дает ответ на фундаментальный вопрос: как возможны синтетические суждения *a priori*? Кантовский ответ с течением времени стал звучать как афоризм: такие суждения возможны в том случае, «если мы относим к возможному опытному познанию вообще формальные условия созерцания *a priori*, синтез воображения и необходимое единство его в трансцендентальной апперцепции и если мы говорим: *условия возможности* опыта вообще суть вместе с тем *условия возможности предметов опыта* и потому имеют объективную значимость в синтетическом суждении *a priori*» (А 158 / В 197; Кант, 2006а, с. 279).

Какие выводы будет позволительно сделать в отношении значимости, целей и функций трансцендентальной дедукции категорий?

¹³ Люси Эллейс подчеркивает две важнейшие функции трансцендентального синтеза: «Во-первых... синтезирование многообразного с неизбежностью и универсальностью, которую несут категории, необходимо для определения объекта мышления, которому можно приписать эмпирические свойства. Он [Кант] говорит, что априорный синтез определяет объект наших представлений и что без этой мысли нет связи с объектом. Во-вторых... этот синтез связан с нашей способностью самосознания — способностью осознавать себя в качестве субъекта своего мышления, что, по мнению Канта, по существу предполагает осознание себя как необходимо единого субъекта мышления» (Allais, 2015, p. 271).

tion and transcendental synthesis of the ability to imagine ultimately constitute the object of experience.¹⁶ In that case all the sensible observations must be subordinate to the categories of understanding as conditions of the possibility and the rules of synthetic unity and hence experience as a whole. However, categories have no use beyond experience, i.e. empirical or sensible-reasonable knowledge or cognition and consequently cannot be effectively used in the sphere of thought (nor in cognition) because they turn out to be hollow there.

Thus, the deduction of pure concepts of understanding (and, in addition, the analytic of principles as a totality of conditions for the use of categories) provide an answer to the fundamental question, “How are *a priori* synthetic judgments possible?” Kant’s answer has over time acquired the nature of an aphorism: such judgments are possible “if we relate the formal conditions of *a priori* intuition, the synthesis of the imagination, and its necessary unity in a transcendental apperception to a possible cognition of experience in general, and say: The *conditions of the possibility* of experience in general are at the same time conditions of the *possibility of the objects* of experience, and on this account have objective validity in a synthetic judgment *a priori*” (KrV, A 158 / B 197; Kant, 1998, p. 283).

What conclusions can be drawn regarding the significance, goals and functions of the transcendental deduction of categories?

First, deduction of concepts demonstrates the essence and mechanism of *transcendental* cognition and knowledge, i.e. *synthesis* of sensibility and understanding. Herein lies the answer to the question: *what* and *how* can we know and cognise? Accordingly, it has to do with the sphere of *cognition* and not *thought* as such. The significance of such a demonstration is impossible to overestimate: Kant effectively explains not only scientific (natural scientific) but also day-to-day cognition.

¹⁶ Lucy Allais stresses two key functions of transcendental synthesis: “First, [...] synthesising the manifold of intuition with the necessity and universality that the categories bring is necessary to determine an object for thought to which empirical properties could be attributed. He [i.e. Kant] says that *a priori* synthesis determines an object for our representations and that without this thought lacks relation to an object. Second, [...] this synthesis is bound up with the capacity to be self-conscious – the capacity to be aware of oneself as the subject of one’s thought, which, according to Kant, essentially involves being aware of oneself as a necessarily unified subject of thought” (Allais, 2015, p. 271).

Во-первых, дедукция понятий демонстрирует сущность и механизм *трансцендентального* познания и знания, то есть *синтеза* чувственности и рассудка. Именно здесь лежит ответ на вопрос: *что и каким путем* мы можем знать и познавать? Соответственно, рассматривается сфера *познания*, а не *мышления* как такового. Значимость такой демонстрации невозможно переоценить: Кант, по сути, обосновывает не только научное (естественнонаучное), но также и обыденное, повседневное познание.

Во-вторых, в отличие от предшествующей и современной ему метафизики, Кант использует для доказательства своих положений убедительные философские доводы, приучая тем самым метафизиков к практике аргументации, а не постулирования своих концепций. По мнению Д. Хенриха,

базовый аргумент своей трансцендентальной дедукции Кант основывает не на неопровержимом *объяснении* самосознания посредством философской теории, а на неотделимости знания о принципах синтеза от действительного и изначального самосознания как такового: душа, как неоднократно и однозначно утверждал Кант, не могла бы быть уверена в своем единстве, если бы у нее не было «*перед глазами*» функции, которая подчиняет весь синтез трансцендентальному единству (Henrich, 1976, S. 64).

В-третьих, справедливость разделения способностей разума в широком смысле слова на *познание* (чувственно-рассудочное) и *мышление* (абстрактное) подкрепляется аргументами. Первая способность непременно опирается на чувственный материал, который синтезируется рассудком, и функционирует в сфере причинности через необходимость. Вторая творит регулятивные идеи разума, которые не связаны напрямую с эмпирическим (чувственно-рассудочным) знанием, и действует в практической области причинности через свободу.

В-четвертых, механизм синтеза¹⁴ подтверждает справедливость и обоснованность кантовской дихотомии «явления — вещи сами по себе». Действительно, мы познаем лишь явления, ибо сформированный нами предмет познания с необходимостью подчиняется параметрам и особенностям наших

¹⁴ Более детальное и даже наглядное изложение трансцендентального синтеза в первом издании «Критики чистого разума», которое Кант считал чрезмерно «психологическим» и изменил во втором издании, демонстрирует поэтапное формирование предмета познания как результата действия: а) синтеза аппрегензии (схватывания), б) синтеза воспроизведения в воображении и в) синтеза рекогниции в понятии.

Secondly, unlike previous and contemporary metaphysics, Kant adduces convincing philosophical arguments to prove his point, thus introducing into metaphysics the practice of arguing and not postulating concepts. In Henrich's opinion,

Kant bases the main argument for his transcendental deduction not on irrefutable *explanation* of self-consciousness through philosophical theory, but on the inseparability of knowledge of the principles of synthesis from the actual and initial self-consciousness as such. The soul, as Kant repeatedly and clearly claimed, would not have been sure of its unity if did not have “*before its eyes*” the function that subordinates all synthesis to transcendental unity (Henrich, 1976, p. 64).¹⁷

Third, the validity of separating the capacity of reason in the broad sense of the word into *cognition* (through senses and understanding) and *thought* (abstract) is bolstered by arguments. The first capacity invariably proceeds from sensible material which is synthesised by understanding and functions in the sphere of causality through necessity. The second creates regulative ideas of reason not directly related to empirical (i.e. involving senses and understanding) knowledge but operates in the practical field of causality through freedom.

Fourth, the mechanism of synthesis¹⁸ corroborates the Kantian “phenomenon – thing in itself” dichotomy. Indeed, we cognise only phenomena because the object of cognition we have formed must be subordinate to the parameters and characteristics of our cognitive capacity and consequently is *limited* by these capacities and is not universally characteristic of all subjects.

¹⁷ “Kant gründet aber das Grundargument seiner transzendentalen Deduktion nicht auf eine unabweisable Erklärung des Selbstbewußtseins durch die philosophische Theorie, sondern auf die Unabtrennbarkeit eines Wissens von den Prinzipien der Synthesis vom wirklichen und ursprünglichen Selbstbewußtsein als solchem: Das Gemüt, so äußert sich Kant mehrfach und unzweideutig, könnte sich unmöglich seiner Einheit gewiß sein, wenn es nicht die Funktion ‘vor Augen hätte’, welche alle Synthesis einer transzendentalen Einheit unterwirft.”

¹⁸ A more detailed and even demonstrative explication of transcendental synthesis in the first edition of the *Critique of Pure Reason*, which Kant thought to be excessively “psychological” and changed in the second edition, demonstrates step-by-step formation of the object of cognition as the result of the action of a) synthesis of apprehension (capture), b) synthesis of reproduction in imagination and c) synthesis of recognition in a concept.

познавательных способностей и, следовательно, носит *ограниченный* этими способностями, а вовсе не всеобщий, присущий всем субъектам характер.

В-пятых, раскрывается сущность и область действия категорий рассудка. Становится очевидно, что «объективная значимость чистых понятий рассудка доказывается только тогда, когда показано, что они на самом деле относятся к объектам и не являются пустыми» (Heidemann, 2015a, S. 360).

В-шестых, в дедукции закладывается основа разделения всего человеческого существования на сферы теоретического и практического разума, ибо однозначно и четко определяется та область, о которой мы можем иметь *знание* и где существует *наука*, и, следовательно, указывается иное поле экзистенции, в котором действуют отличные от познавательной сферы принципы, закономерности и совсем другая причинность.

В-седьмых, тем самым осуществляется, пока еще имплицитно, попытка спасти трансцендентальную свободу, указав на область ее действия. Косвенное указание содержится уже в том, что «категории как функции являются средствами, с помощью которых синтез данных представлений применяется к объектам. Так как они предшествуют всему опыту, можно предположить, что они также могут использоваться независимо от всех особенностей данного в опыте и, следовательно, также без ограничений и в отношении всего, что может относиться к данности» (Henrich, 1976, S. 22). Стало быть, категории могут использоваться также и в практической сфере, но уже не как средства *познания* в строгом значении слова, а как инструменты *мышления* в отношении умопостигаемых вещей.

Дедукция трансцендентальной свободы

Стремление Канта реформировать всю систему метафизики на трансцендентальных началах и создать в конце концов завершенную архитеконику чистого разума *изначально* подразумевало создание новаторского этического учения, которому философ отдавал приоритет («примат») перед теоретической философией и которое, по его мысли, гораздо важнее для людей, для их повседневной жизни, нежели сложные вопросы познания.

Канта нисколько не удовлетворили разнообразные усилия предшественников построить обновленные этические системы. Например, попытка Х. Вольфа создать этику, опирающуюся на понятие «совершенство» (*perfectio*) и фундированную мета-

Fifth, the essence and sphere of activity of the categories of reason are explained. It is obvious that “the objective significance of pure concepts of understanding is proved only when it is demonstrated that they actually refer to objects and are not hollow” (Heidemann, 2015a, p. 360).¹⁹

Sixth, deduction lays the foundation for dividing all human existence into spheres of theoretical and practical reason because it clearly and unambiguously outlines the area which we can *know* and where *science* exists and, consequently, indicates a different field of existence in which principles, regularities and causality different from the cognitive sphere are at work.

Seventh, thereby an attempt is made, if still only implicitly, to rescue transcendental freedom by indicating its area. An indirect pointer is already provided by the statement that “categories as functions are means through which the synthesis of given perceptions is applied to objects. Because they precede all experience it may be assumed that they can also be used independently from all the features of what is given in experience and consequently also without limitation with regard to everything that is given” (Henrich, 1976, p. 22).²⁰ Therefore, categories can also be used in the practical sphere, but not as means of *cognition* in the rigorous sense of the word but as instruments of *thought* with regard to intelligible objects.

Deduction of Transcendental Freedom

Kant's wish to reform the whole system of metaphysics based on transcendental principles and to create, at long last, a complete architectonics of pure reason *inherently* implies the creation of a ground-breaking ethical doctrine to which the philosopher attached priority (“primacy”) over theoretical philosophy and which he thought to be far more important for people in their day-to-day life than complicated issues of cognition.

¹⁹ “Die objektive Gültigkeit reiner Verstandesbegriffe ist folglich erst dann erwiesen, wenn gezeigt ist, dass sie sich tatsächlich auf Gegenstände beziehen und nicht leer sind.”

²⁰ “Kategorien als Funktionen sind Hinsichten, unter denen sich die Synthesis gegebener Vorstellungen zu Objekten vollzieht. Da sie aller Erfahrung voraus angegeben werden können, ist zu vermuten, dass sie auch unabhängig von allen Besonderheiten des Gegebenen und damit auch ohne Einschränkung und in Beziehung auf alles gebraucht werden können, was möglicherweise zur Gegebenheit kommt.”

физическими и логическими основаниями — что, безусловно, представляло собою определенный прогресс в этической мысли того времени, — не была принята Кантом в качестве заслуживающей серьезного внимания.

Несмотря на то что «совершенство» понималось Вольфом как согласие в разнообразии, или как согласие многих вещей, которые взаимно отличаются друг от друга в одной вещи, а также несмотря на то, что совершенство означало прежде всего наличие правильной связи между понятиями согласно логическим законам, и в первую очередь закону достаточного основания, Кант не согласился с тем, что такая этическая система базируется на неэмпирических и безусловных принципах разума. Ибо, как полагал Вольф, выбирать добро и избегать зла является для нашей души *естественным* делом и, следовательно, высшим правилом морали должно стать следование закону природы человеческого духа.

Подобный эмпиризм и эклектику Кант поддерживать не мог, поскольку та философия, которая

перемешивает чистые принципы с эмпирическими, не заслуживает даже имени философии (так как последняя именно тем и отличается от обыденного познания разума, что излагает в обособленной науке то, что обыденное познание разума охватывает только в смешанности), и еще в меньшей степени заслуживает она названия моральной философии, так как именно через это смешение она вредит даже чистоте самих нравов и поступает вопреки своей собственной цели (AA 04, S. 390; Кант, 1997б, с. 49—51).

Стало быть, необходимо разработать новую этику, которая никак не зависела бы от эмпирических реалий и могла бы претендовать на общезначимый статус. Такая «чистая моральная философия», или «метафизика нравственности», по мнению Канта, должна быть «вполне освобождена от всего вообще эмпирического и принадлежащего к антропологии; а что такая чистая моральная философия должна существовать, явствует само собой из общей идеи долга и нравственных законов» (AA 04, S. 389; Кант, 1997б, с. 45—47).

Таким образом, нравственная философия должна базироваться на моральном законе, который мог бы стать фундаментом обязательности (= нормативности) и абсолютной необходимости в сфере практического действия. Такого рода нравственный закон следует искать не в природе человека или каких-то обстоятельствах окружающего мира, но исключительно только в априорных по-

Kant was not at all satisfied with the various efforts of his predecessors at building new ethical systems. For example, Wolf's attempt to create an ethic based on the concept of "perfection" (*perfectio*) and bolstered by metaphysical and logical considerations — while undoubtedly marking some progress in the ethical thought of the time — was not accepted by Kant as deserving serious attention.

Although Wolf understood "perfection" as harmony in diversity or as a concordance of many things different from one another within one thing, and despite the fact that perfection meant above all the existence of the right connection between concepts in accordance with logical laws, primarily the law of sufficient grounding, Kant disagreed that such an ethical system was based on non-empirical and unconditional principles of reason. For, as Wolf believed, choosing good and avoiding evil is a *natural* business for our soul and consequently the supreme moral rule should be following the law of the nature of human spirit.

Kant could not subscribe to such empiricism and eclecticism because the philosophy that

mixes these pure principles with empirical ones does not even deserve the name of philosophy (for what distinguishes philosophy from common rational cognition is just that it sets forth in separate sciences what the latter comprehends only mixed together); much less does it deserve the name of a moral philosophy, since by this very mixture it even infringes upon the purity of morals themselves and proceeds contrary to its own end (GMS, AA 04, p. 390; Kant, 2011, p. 9).

It is necessary therefore to develop a new ethics that would not depend in any way on empirical realities and could claim universal relevance. Such "a pure moral philosophy," or "metaphysics of morals," in Kant's opinion, must be "completely cleansed of everything that may be only empirical and that belongs to anthropology. For, that there must be such a philosophy is clear of itself from the common idea of duty and of moral laws" (GMS, AA 04, p. 389; Kant, 2011, p. 7).

Thus, moral philosophy must be based on moral law which could provide the foundation for obligatoriness (= normativeness) and absolute necessity in the sphere of practical action. Such a moral law should be searched for not in human nature or some circumstance in the surrounding

нениях практического разума. Следовательно, для обоснования такого закона необходима трансцендентальная дедукция основоположений чистого практического разума.

Дедукция чистого практического разума начинается уже в первой «Критике» в виде дедукции трансцендентальной свободы, продолжается в «Основоположении к метафизике нравов» (1785) и завершается в «Критике практического разума» (1788), причем в последней работе Кант несколько изменяет свой подход к дедукции основоположений.

Кант разъясняет в самом начале второй «Критики», что практические основоположения (принципы) служат для определения воли, которому подчинены *субъективные правила* (максимы) и *объективные законы*, имеющие силу для любого разумного существа. Способность разумного существа определять свои поступки сообразно с практическим законом называется *волей*. Максимы действующего морального индивида, коль скоро он является существом разумным, должны направлять к тому, чтобы его собственная воля и каждая максима поступка совпадали со всеобщей практической волей. Йенс Тиммерман разъясняет:

Путем толкования [основоположений] как априорных принципов становится ясно, что под основоположениями имеются в виду *объективные* основоположения, то есть практические законы. Опять же не следует отрицать, что этот поступок совершается у человека (и, возможно, у других существ, наделенных подобной волей) в соответствии с максимами, субъективными принципами воли. Объективным принципам, к которым разум предъявляет такие высокие требования, должны быть в состоянии удовлетворять субъективные принципы, максимы (Timmermann, 2003, S. 73).

Моральность *per se* есть отношение всякого поступка к практическому законодательству. Присутствие законодательства в личности способно создать такое положение дел, при котором индивидуальная воля могла бы рассматривать себя саму как устанавливающую всеобщие законы. Отсюда Кант выводит первую формулировку категорического императива: «поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом» (AA 04, S. 421; Кант, 1997б, с. 143). Однако практическая воля должна быть, во-первых, *автономной*, то есть быть для самой себя законом, и, во-вторых, *автономная* воля должна иметь собственное основание. Вот это основание необходимо дедуцировать.

world, but exclusively in *a priori* concepts of practical reason. Hence, to develop such a law the transcendental deduction of principles of pure practical reason is necessary.

Deduction of pure practical reason begins in the first *Critique* in the shape of deduction of transcendental freedom, continues in the *Groundwork of the Metaphysics of Morals* (1785) and is completed in the *Critique of Practical Reason* (1788), the latter introducing a somewhat modified approach to the deduction of principles.

Kant explains at the very beginning of the second *Critique* that practical principles serve the definition of the will to which are subordinate the *subjective rules* (maxims) and *objective laws* that are valid for any intelligent creature. The ability of an intelligent creature to determine its actions in accordance with the practical law is called *will*. The maxims of the morally acting individual, inasmuch as he is a reasonable creature, must lead to his own will and each maxim of the act must coincide with the universal practical will. Jens Timmerman explains:

By interpreting [principles] as *a priori* principles it becomes clear that principles denote *objective* principles, i.e. practical laws. Again, one should not deny that man (and possibly other creatures endowed with such will) performs this act in accordance with the maxims, subjective principles of will. The subjective principles, or maxims, must be fully adequate to the objective principles on which reason sets such high requirements (Timmermann, 2003, p. 73).²¹

Morality *per se* is the relation of every act to practical legislation. The presence of legislation in a personality can result in individual will, considering itself to be establishing universal laws. From this Kant derives the first formulation of the categorical imperative: “act only according to that maxim through which you can at the same time will that it become a universal law” (GMS, AA 04, p. 421; Кант, 2011, p. 71). However, practical will must, first, be

²¹ “Durch die Erläuterung als Prinzipien *a priori* ist klar, daß mit den Grundsätzen objektive Grundsätze gemeint sind, also praktische Gesetze. Es soll wiederum nicht geleugnet werden, daß dieses Handeln beim Menschen (und bei möglichen anderen Wesen, die mit einem ähnlichen Willen ausgestattet sind) nach Maximen geschieht, nach subjektiven Prinzipien des Wollens. Den objektiven Grundsätzen, an welche die Vernunft so hohe Ansprüche stellt, müssen subjektive Grundsätze, Maximen, genügen können.”

Если воля (как способность определять поступки согласно с законодательством) есть вид причинности разумных существ, осуществляющих практические действия, то трансцендентальная свобода является основанием самой воли. Кант стремится дедуцировать свободу из чистого практического разума. Но и сама трансцендентальная свобода (как вид причинности), в свою очередь, также является средством обоснования практического разума, поскольку непосредственно указывает на особый (интеллигибельный) мир, в котором тот и существует.

Свобода — это и есть тот самый *Schlussstein* практического разума и морального закона (императива). В таком случае

моральный закон, который действующее лицо признает в форме факта разума, теперь служит для дедукции трансцендентальной свободы. <...> Моральный закон определяет то, что «спекулятивная философия должна была оставить неопределенной, а именно закон для причинности, понятие которой в этой философии было только негативным; следовательно, только он дает этому понятию объективную реальность» [(AA 05, S. 47)] (Timmermann, 2015, S. 354).

Это означает, что реальность трансцендентальной свободы проявляется (эксплицируется) именно через моральный закон: коль скоро моральный закон существует и действует и эти реальные моральные поступки мы наблюдаем, значит, «позади него» стоит трансцендентальная свобода, которая является *причинностью* всех этих поступков, совершаемых под непосредственным влиянием морального императива.

При этом необходимо учитывать: несмотря на то что мы можем эмпирически воспринимать *последствия* существования морального закона, несмотря на то что Кант называет этот закон «фактом», тем не менее моральный закон не есть эмпирическое явление или факт, но представляет собою «факт чистого разума», то есть умопостигаемый факт и закон, управляющий моральным миром как совокупностью ценностей и миром практического (реального) действия.

Итак, эта взаимообусловленная дедукция, с одной стороны, является способом ограничения притязаний разума:

«Критика практического разума» также предназначена для установления пределов, но только в движении «изнутри наружу», а не «снаружи внутрь», как это происходит в «Критике чистого разума»:

autonomous, i.e. be a law unto itself and second, autonomous will must have its own grounds. The grounds need to be deduced.

If the will (as the ability to determine acts in accordance with legislation) is a type of causality of intelligent creatures effecting practical actions, transcendental freedom is the foundation of will itself. Kant seeks to deduce freedom from pure practical reason. But transcendental freedom (as a type of causality) in turn is a means of validation of practical reason because it directly points to the special (intelligible) world in which it exists.

Freedom is the very *Schlussstein* of practical reason and the moral law (imperative). In that case,

the moral law which the actor recognizes as a fact of reason now serves to deduce transcendental freedom. [...] The moral law determines that “which speculative philosophy had to leave undetermined, namely the law for a causality the concept of which was only negative in the latter, and thus for the first time provides objective reality to this concept” (5:47) (Timmermann, 2015, p. 354).²²

The above means that the reality of transcendental freedom manifests itself (is explicated) through the moral law: inasmuch as the moral law exists and acts and we observe these real moral acts, it has “behind it” transcendental freedom which is the *causality* of all these acts performed under the direct influence of the moral imperative.

It has to be borne in mind that although we may empirically perceive the *consequences* of the existence of the moral law, and although Kant calls this law a “fact,” nevertheless the moral law is not an empirical phenomenon or fact, but represents a “fact of pure reason”, i.e. an intelligible fact and law governing the moral world as a combination of values and the world of practical (real) action.

Thus, the mutually conditioned deduction, on the one hand, is a method of limiting the claims of reason:

The *Critique of Practical Reason* is also intended to set the limits, but only of a movement “from within to without” and not “from without to within,” as

²² “Allerdings dient das moralische Gesetz, das der Akteur in Gestalt eines Faktums der Vernunft anerkennt, nunmehr zur Deduktion der transzendentalen Freiheit. [...] Das moralische Gesetz bestimmt das, was speculative Philosophie unbestimmt lassen mußte, nämlich das Gesetz für eine Causalität, deren Begriff in der letzteren nur negativ war, und verschafft diesem also zuerst objective Realität” (5:47).”

здесь эмпирически побуждаемый разум, негативно ограниченный, должен быть удержан в самомнении быть единственно определяющим основанием воли (Moskopp, 2009, S. 209).

С другой стороны, она призвана решить сложнейшую реальную проблему как логической, так и — особенно — трансцендентальной дедукции предельно общих понятий (универсалий). Ибо дедукция свободы через практический разум, а дедукция этого последнего — через свободу (которая есть причинность *sui generis*, жизненно необходимая практическому разуму) совместно представляют собою, на мой взгляд, весьма плодотворную и удачную попытку теоретико-практического обоснования «вышнего» мира смыслов и ценностей, который венчает ту повседневную сферу, где царствует причинность через необходимость¹⁵. Таким образом, оба мира снова вместе: *the war is over!*

Различия дедукции опыта и дедукции свободы

Как мы увидели, дедукция свободы и дедукция категорий не только обладают специфическими особенностями, но и заметно различаются в некоторых существенных характеристиках.

Во-первых, теоретическое применение разума направлено на предметы, которые являются нам в качестве итогового результата нашего опыта — соединения чувственного многообразия с понятиями рассудка. Напротив, в своем практическом использовании чистый разум обращен не на предметы, а на собственные внутренние «продукты» — основания воли, которая обладает собственной причинностью, то есть свободой.

Во-вторых, трансцендентальной дедукции пространства и времени, а также дедукции категорий необходимо предшествует *трансцендентальная редукция* как способ очищения первоначально эмпирического исследуемого сознания от всех чувственных компонентов. Делается это для того, чтобы до-

¹⁵ Вот как эту проблему видит Р. Ч. С. Уокер: «Так как моральный мир построен не из явлений, а из верований (beliefs), которых требует практический разум с тем, чтобы этот мир возможно было назвать ноуменальным миром, то, если мы называем его таковым, мы должны делать все возможное, чтобы отличать ноумены в этом смысле от вещей, как они действительно существуют сами по себе. Конечно, истинная природа вещей остается такой же неизвестной, как и раньше; все, что мы сделали, — это поняли необходимость определенной системы верований и решили рассматривать их как составные части производной объективности» (Walker, 1978, p. 139).

it happens in the *Critique of Pure Reason*: negatively stated, empirically driven reason is here to be kept from the arrogance of claiming to be the sole determining ground of will (Moskopp, 2009, p. 209).²³

On the other hand, it is called upon to solve the extremely complicated real problem of logical and especially transcendental deduction of the most general concepts (universals). For deduction of freedom through practical reason and deduction of the latter through freedom (which is *sui generis* a causality that is a vital need of practical reason) together represent, in my opinion, a very fruitful and successful attempt to provide theoretical-practical grounding for the “higher” world of meanings and values that crowns the day-to-day sphere where causality through necessity holds sway.²⁴ Thus, both worlds come together again: *the war is over!*

Differences between Deduction of Experience and Deduction of Freedom

As we have seen, the deduction of freedom and the deduction of categories do not only have specific differences but are very different in terms of some substantive characteristics.

First, theoretical use of reason is aimed at objects given to us as the final result of our experience, the combination of the sensible manifold with concepts of understanding. By contrast, in its practical use pure reason is directed not at objects but at its own internal “products,” the principles of will which has its own causality, i.e. freedom.

Secondly, the transcendental deduction of space and time as well as the deduction of categories must be preceded by *transcendental reduction* as a means of cleansing initial empirically studied consciousness of all the sensible components. This is done in or-

²³ “Auch die KpV soll also Grenzen bestimmen, allerdings in einem Fortschreiten von ‘innen nach außen,’ nicht von ‘außen nach innen’ wie im Rahmen der KrV: Negativ umschrieben, soll hier die empirisch angeregte Vernunft von der Anmaßung abgehalten werden, alleiniger Bestimmungsgrund des Willens zu sein.”

²⁴ Walker has this take on the problem: “Since the moral world is constructed not from phenomena but from beliefs which practical reason requires it can perhaps be called a noumenal world, but if we call it such we must be careful to distinguish noumena in this sense from things as they really are in themselves. The real nature of things remains, of course, as unknown as ever; all we have done is to observe the need for a certain system of beliefs and decide to regard them as constitutive of a derivative objectivity” (Walker, 1978, p. 139).

стичь чистых форм, удалив при этом содержание. Для практического обоснования процедура редукции вовсе не требуется, поскольку совершается оно в интеллигибельном мире.

В-третьих, само движение практической дедукции в определенном смысле противоположно дедукции категорий: там обоснование продвигалось от чистых форм чувственного созерцания (пространства и времени) к рассудочным понятиям *a priori*, а от них — к основоположениям. Здесь же мы видим зеркальную картину: поскольку в этой сфере разум имеет дело не с предметами, а с чистой свободной волей, то следует идти от априорных основоположений к понятиям, а от этих последних — к моральным чувствам.

В-четвертых, дедукция в теоретической сфере наложила *veto* на притязания спекулятивного разума выходить за пределы возможных предметов опыта (правда, при этом сделала возможным мыслить понятия ноуменов и, стало быть, отмела все возражения против существования трансцендентальной свободы). Практическая дедукция явным образом указала на интеллигибельный мир разумных существ, то есть на сверхчувственную природу, которая подчиняется автономии чистого практического разума, не нарушая при этом механизм чувственно воспринимаемого мира.

В-пятых, в теоретической сфере конституируемый предмет непосредственно зависит от трансцендентального синтеза как способа или инструмента своего генезиса, но при этом «лично», с моральной точки зрения, «ничем не обязан ему». Тогда как в дедукции метафизики нравственности морально добрым является такое действие, которое не только соответствует конститутивному (!) нравственному закону, но и с необходимостью должно совершаться *ради этого закона*.

В-шестых, дедукция опыта имеет дело с *вещами*, причем не с философской категорией «вещь» (когда главной «вещью» является Бог), а с реальными вещами, предметами, которые мы хотим сделать объектами нашего исследования. Дедукция чистого практического разума должна обосновать необходимость и обязательность *морального закона*, который базируется на *чистой воле*, обладающей собственной причинностью — *свободой*, в свою очередь, делающей возможным *интеллигибельный мир*. Речь, стало быть, идет о взаимодействии с *ноуменами*.

В-седьмых, дедукция категорий в некотором смысле «уступает» практической дедукции в своей «чистоте», поскольку в ней неизбежно присутству-

der to achieve pure forms while eliminating content. The procedure of reduction is not required for practical grounding because it takes place in the intelligible world.

Third, the movement of practical deduction takes place, in a certain sense, in the opposite direction to the deduction of categories: in the former case explication proceeds from pure forms of sensible contemplation (of space and time) to *a priori* concepts of understanding and from them to principles. Here we see a mirror picture: because reason in this sphere has to do not with objects but with pure free will, one should proceed from *a priori* principles to concepts and from the latter to moral feelings.

Fourth, deduction in the theoretical sphere has vetoed the claims of speculative reason to go beyond the limits of possible objects of experience (true, it thereby made it possible to think in the concepts of noumena, and hence brushed aside all objections to the existence of transcendental freedom). Practical deduction clearly pointed to the intelligible world of intelligent creatures, i.e. supra-sensible nature, subordinate to the autonomy of pure practical reason without interfering with the mechanism of a sensibly perceived world.

Fifth, in the theoretical sphere the constituted object directly depends on transcendental synthesis as a method or instrument of its genesis, but “owes nothing to it” personally, i.e. from the moral point of view. Meanwhile in the deduction of the metaphysics of morality an act is morally kind if it does not merely correspond to the constitutive (!) moral law, but must be performed *for the sake of that law*.

Sixth, deduction of experience deals with *things*, not with the philosophical category of “thing” (where God is the main “thing”), but with real things, objects that we want to make the objects of our study. Deduction of pure practical reason must explain the need for and mandatory nature of *the moral law*, based on *pure will*, which has its own causality, *freedom*, which in turn makes the *intelligible world* possible. Thus we are looking at interaction with *noumena*.

Seventh, deduction of categories in a certain sense is not as “pure” as the practical deduction because it inevitably has sensible content, whereas the deduction of pure practical reason does not contain anything empirical.

ет чувственное содержание, в то время как в дедукции чистого практического разума не содержится ничего эмпирического.

Вместе с тем обе наши дедукции вовсе не являются антагонистическими. Между ними есть общее и, кроме того, существует определенная взаимопомощь. Кант прямо говорит о том, «сколь необходима, сколь полезна» была дедукция категорий для *теологии* и *морали*. Поскольку теоретическая дедукция продемонстрировала, что понятия рассудка: а) не имеют эмпирического происхождения и б) относятся к предметам вообще, независимо от созерцания, то тем самым она ограничила спекулятивное применение разума, устранила опасности считать понятия врожденными либо, напротив, сугубо эмпирическими и, следовательно, обосновала трансцендентальное познание вещей и наличие особого, интеллигибельного мира свободы и морали (AA 04, S. 141; Кант, 1997а, с. 673 – 675).

Заклучение

Итак, возможна ли метафизика как наука? Чтобы решить этот вопрос, она должна представить весь состав понятий *a priori*, разделить их по различным источникам, дать их исчерпывающую таблицу, осуществить дедукцию чистых понятий рассудка, выявить принципы (основоположения) и границы их применения (AA 04, S. 365; Кант, 1994б, с. 132). Кроме того, необходимо исследовать условия возможности другого, умопостигаемого мира, осуществить дедукцию его оснований, исследовать принципы и механизмы действия.

Тогда выяснится, что если под наукой мы понимаем математику и (математическое) естествознание, то в таком случае метафизика не является наукой. Если же посмотрим на систематическое единство знания, способы аргументации и различные виды дедукции (как разновидности обоснования), то в этом случае метафизика, несомненно, будет наукой. Только отныне она – не спекулятивная и (одновременно) эмпирическая онтология, а теория познания и знания, но самое главное – наука о свободе, моральном законе и практическом разуме. Большую пользу метафизика приносит теологии. И наконец, по зрелом размышлении, она вновь обращается к проблемам бытия как такового, но уже не как раньше, догматически и спекулятивно, но *аналитически и систематично, следуя идеалам ясности, строгости и аргументированности.*

At the same time, the two deductions are not antagonistic. They have something in common and, indeed, there is a certain mutual assistance. Kant speaks of “how extremely necessary, how salutary” the deduction of categories has been for *theology* and *morality*. Because theoretical deduction has demonstrated that the concepts of understanding a) have no empirical origin and b) refer to objects in general, irrespective of contemplation, it thereby has limited the speculative use of reason, eliminating the danger of considering these concepts to be innate or, on the contrary, strictly empirical and consequently, has explained transcendental cognition of things and the existence of a special, intelligible world of freedom and morality (*KpV*, AA 04, p. 141; Kant, 2015, p. 113).

Conclusion

Finally, is metaphysics as a science possible? To solve this question it must present the entire complement of concepts *a priori*, break them down by various sources, provide an exhaustive table thereof, deduce pure concepts of understanding, reveal the principles and boundaries of their application (*Prol*, AA 04, p. 365; Kant, 2002, pp. 153-154). Besides, it is necessary to study the conditions of the existence of the other, intelligible world, to deduce its grounds and examine the principles and mechanisms of operation.

Then it would turn out that if by science we mean mathematics and (mathematical) natural science then the answer is no, metaphysics is not a science. If, however, we look at the systematic unity of knowledge, means of argumentation and various types of deduction (as varieties of explication) then the answer is yes, metaphysics is undoubtedly a science. Only from now on it is not speculative and (simultaneously) empirical ontology, but a theory of cognition and knowledge, and most importantly, the science of freedom, the moral law and practical reason. Metaphysics greatly benefits theology. And finally – on closer inspection – it again turns to the problems of Being as such, but not in a dogmatic and speculative way, as before, but *analytically and systemically* following the ideals of *clarity, rigor and argumentation.*

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Список литературы

- Васильев В. В. Философская психология в эпоху Просвещения. М. : Канон+РООИ «Реабилитация», 2010.
- Кант И. Из рукописного наследия (материалы к «Критике чистого разума», Opus postumum). М. : Прогресс-Традиция, 2000.
- Кант И. Критика чистого разума (В) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2, ч. 1. М.: Наука, 2006а.
- Кант И. Критика чистого разума (А) // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 2, ч. 2. М.: Наука, 2006б.
- Кант И. Критика практического разума // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997а. С. 277–733.
- Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997б. С. 39–275.
- Кант И. Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Соч. : в 8 т. Т. 2. М. : Чоро, 1994а. С. 41–84.
- Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Соч. : в 8 т. Т. 4. М. : Чоро, 1994б. С. 5–152.
- Круглов А. Н. Тетенс, Кант и дискуссия о метафизике в Германии второй половины XVIII века. М. : Феноменология-Герменевтика, 2008.
- Лейбниц Г. В. Порядок есть в природе // Соч. : в 4 т. Т. 1 / ред., сост., вступ. ст. и примеч. В. В. Соколова. М. : Мысль, 1982. С. 234–236.
- Лейбниц Г. В. Об основных аксиомах познания // Соч. : в 4 т. Т. 3 / ред., сост., вступ. ст. и примеч. Г. Г. Майорова, А. Л. Субботина. М. : Мысль, 1984. С. 138–141.
- Allais L. Manifest Reality. Kant's Idealism and his Realism. Oxford : Oxford University Press, 2015.
- Allison H. Kant's Transcendental Deduction. An Analytical-Historical Commentary. Oxford : Oxford University Press, 2015.
- Allison H. Kant's Transcendental Idealism. An Interpretation and Defence. New Haven ; L. : Yale University Press, 1983.
- Aquila R. Matter in Mind: A Study of Kant's Transcendental Deduction. Bloomington ; Indianapolis : Indiana University Press, 1989.
- Caimi M. Kant's B Deduction. Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2014.
- Carl W. Der schweigende Kant: die Entwürfe zu einer Deduktion der Kategorien vor 1781. Göttingen : Vandenhöck und Ruprecht, 1989.
- Guyer P. Kant and the Claims of Knowledge. N. Y. : Cambridge University Press, 1987.
- Hanna R. Cognition, Content, and the A Priori. A Study in the Philosophy of Mind and Knowledge. Oxford : Oxford University Press, 2015.
- Heidemann D. Deduktion der reinen Verstandesbegriffe, transzendente // Kant-Lexikon. hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Bd. 1. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015a. S. 360–364.

References

- Allais, L., 2015. *Manifest Reality. Kant's Idealism and His Realism*. Oxford: Oxford University Press.
- Allison, H., 2015. *Kant's Transcendental Deduction. An Analytical-Historical Commentary*. Oxford: Oxford University Press.
- Allison, H., 1983. *Kant's Transcendental Idealism. An Interpretation and Defence*. New Haven and London: Yale University Press.
- Aquila, R., 1989. *Matter in Mind: A Study of Kant's Transcendental Deduction*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.
- Caimi, M., 2014. *Kant's B-Deduction*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Carl, W., 1989. *Der schweigende Kant: die Entwürfe zu einer Deduktion der Kategorien vor 1781*. Göttingen: Vandenhöck & Ruprecht.
- Guyer, P., 1987. *Kant and the Claims of Knowledge*. New York, et al.: Cambridge University Press.
- Hanna, R., 2015. *Cognition, Content, and the A Priori. A Study in the Philosophy of Mind and Knowledge*. Oxford: Oxford University Press.
- Heidemann, D., 2015a. Deduktion der reinen Verstandesbegriffe, transzendente. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr and S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon: In 3 Volumes. Volume 1*. Berlin and Boston: De Gruyter, pp. 360-364.
- Heidemann, D., 2015b. Deduktion, transzendente. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr and S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon: In 3 Volumes. Volume 1*. Berlin and Boston: De Gruyter, pp. 366-369.
- Henrich, D., 1976. *Identität und Objektivität: Eine Untersuchung über Kants Transzendente Deduktion*. Heidelberg: Carl Winter.
- Henrich, D., 1969. The Proof-Structure of Kant's Transcendental Deduction. *The Review of Metaphysics*, 22(4), pp. 640-659.
- Kant, I., 1992. *Theoretical Philosophy, 1755–1770*. Edited by D. Walford. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited by P. Guyer and A. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2015. *Critique of Practical Reason*. Translated and edited by M. Gregor, translation revised by A. Reath; with a revised introduction by A. Reath. Revised Edition. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2002. *Theoretical Philosophy after 1781*. Edited by H. Allison and P. Heath, translated by G. Hatfield and M. Friedman. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2005. *Notes and Fragments*. Edited by P. Guyer, translated by C. Bowman and F. Rauscher. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 2011. *Groundwork of the Metaphysics of Morals: A German-English Edition*. Edited by M. Gregor and J. Timmermann. Cambridge: Cambridge University Press.
- Krings, H., 1964. *Transzendente Logik*. München: Kösel-Verlag.

Heidemann D. Deduktion, transzendente // Kant-Lexikon / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Bd. 1. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. S. 366 – 369.

Henrich D. Identität und Objektivität: Eine Untersuchung über Kants Transzendente Deduktion. Heidelberg : Carl Winter ; Universitätsverlag, 1976.

Henrich D. The Proof-Structure of Kant's Transcendental Deduction // The Review of Metaphysics. 1969. Vol. 22, №4. P. 640 – 659.

Krings H. Transzendente Logik. München : Kösel-Verlag, 1964.

Moskopp W. Struktur und Dynamik in Kants Kritiken. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2009.

Rohs P. Transzendente Logik. Meisenheim am Glan : Hain, 1976.

Schmitz H. Was wollte Kant? Bonn : Bouvier, 1989.

Seeberg U. Deduktion // Kant-Lexikon / hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Bd. 1. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. S. 348 – 353.

Timmermann J. Deduktion der Grundsätze der reinen praktischen Vernunft // Kant-Lexikon. Hrsg. von M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin. Bd. 1. Berlin ; Boston : De Gruyter, 2015. S. 353 – 354.

Timmermann J. Kant's Groundwork of the Metaphysics of Moral. A Commentary. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

Timmermann J. Sittengesetz und Freiheit. Untersuchungen zu Immanuel Kants Theorie des freien Willens. Berlin ; N.Y. : De Gruyter, 2003.

Walker R. C. S. Kant. London : Henley-on-Thames ; Boston : Routledge & Kegan Paul, 1978.

Об авторе

Валерий Евгеньевич Семенов — доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Россия.

E-mail: vesemenov7@mail.ru

Для цитирования:

Семенов В. Е. Дедукция свободы vs дедукция опыта в метафизике И. Канта // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, №1. С. 55 – 80. doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-3

Krouglov, A. N., 2008. *Tetens, Kant i diskussia o metafisike v Germanii otoroj poloviny XVIII veka* [Tetens, Kant, and the Discussion of Metaphysics in Germany in the Second Half of the Eighteenth Century]. Moscow: Phenomenology – Hermeneutic. (In Rus.)

Leibniz, G. W., 2000. *Metaphysics Summarized*. In: *Voltaire. Candide and Related Texts*. Translated, with an introduction, by D. Wootton. Indianapolis: Hackett, pp. 84-86.

Leibniz, G. W., 1989. *On the General Characteristic, II*. In: G. W. Leibniz, 1989. *Philosophical Papers and Letters. A Selection*. Translated and edited, with an Introduction, by L. E. Loemker, 2nd ed. Dordrecht, Boston, and London: Kluwer Academic Publishers, pp. 225-227.

Moskopp, W., 2009. *Struktur und Dynamik in Kants Kritiken*. Berlin and New York: De Gruyter.

Rohs, P., 1976. *Transzendente Logik*. Meisenheim am Glan: Hain.

Schmitz, H., 1989. *Was wollte Kant?* Bonn: Bouvier.

Seeberg, U., 2015. *Deduktion*. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon: In 3 Volumes. Volume 1*. Berlin and Boston: De Gruyter, pp. 348-353.

Timmermann, J., 2015. *Deduktion der Grundsätze der reinen praktischen Vernunft*. In: M. Willaschek, J. Stolzenberg, G. Mohr, S. Bacin, eds. 2015. *Kant-Lexikon: In 3 Volumes. Volume 1*. Berlin and Boston: De Gruyter, pp. 353-354.

Timmermann, J., 2007. *Kant's Groundwork of the Metaphysics of Moral. A Commentary*. Cambridge: Cambridge University Press.

Timmermann, J., 2003. *Sittengesetz und Freiheit. Untersuchungen zu Immanuel Kants Theorie des freien Willens*. Berlin and New York: De Gruyter.

Vasilyev, V. V., 2010. *Filosofskaya psikhologiya v epokhu Prosveshcheniya* [Philosophical Psychology in the Age of Enlightenment]. Moscow: Kanon+ ROOI "Reabilitatsia". (In Rus.)

Walker, R. C. S., 1978. *Kant*. London, Henley-on-Thames, and Boston: Routledge & Kegan Paul.

The author

Prof. Dr Valeriy E. Semyonov, Department of Philosophy and Sociology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Russia.

E-mail: vesemenov7@mail.ru

To cite this article:

Semyonov, V. E., 2019. Deduction of Freedom vs Deduction of Experience in Kant's Metaphysics. *Kantian Journal*, 38(1), pp. 55-80. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-1-3>

КАНТ О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДОСТОИНСТВЕ: АВТОНОМИЯ, ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

С. А. Фасоро¹

Исследуется новая в кантоведении область, в которой высказывается предположение, будто Кант придает столь большое значение ценности разумной природы, что именно на ней основывает и высший принцип морали, и понятие человеческого достоинства. Сторонники такого прочтения утверждают, что понятия автономии и достоинства, а не универсализация максим должны теперь считаться центральным утверждением этики Канта. Из-за того что эти исследователи предъявляют высокие требования к универсализации максим как универсальному моральному принципу, об этике Канта говорят как о неприемлемой. Как следствие, они утверждают, что существует необходимость срочно спасти этику Канта от противоречий, связанных с максимами и универсализируемостью, и лучший способ это сделать — «оставить деонтологию позади». Это необходимо, поскольку категорический императив не нужен для спасения кантовской этики — деонтологию часто переоценивают. Следовательно, высший долг человека состоит в том, чтобы гарантировать, что его собратья беспрепятственно пользуются своей автономией и тем уважением, которого они заслуживают сообразно своему достоинству, а также заботиться об их благополучии и относиться к ним с уважением независимо от их склонностей. Чтобы дать оценку этой новой области кантоведения, в статье рассматриваются новейшая исследовательская литература. Также исследуются работы Барбары Герман, Кристин Корсгаард, Аллена Вуда, Отфрида Хёффе и Томаса Хилла, посвященные кантовской концепции человеческого достоинства в связи с его пониманием как автономии, человечности и источника прав человека.

Ключевые слова: Кант, человеческое достоинство, ценность, человечество, человечность, автономия, права человека.

«Новый Кант»

Что я имею в виду под «Новым Кантом»? В данном случае я ссылаюсь на популярное в литературе мнение, согласно которому Кант придает особое

¹ Технический университет Берлина, 10623, Берлин, ул. 17 Июня, 135.
Поступила в редакцию: 08.11.2018 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-4
© Фасоро С. А., 2019.

KANT ON HUMAN DIGNITY: AUTONOMY, HUMANITY, AND HUMAN RIGHTS

S. A. Fasoro¹

This paper explores the new frontier within Kantian scholarship which suggests that Kant places so much special importance on the value of rational nature that the supreme principle of morality and the concept of human dignity are both grounded on it. Advocates of this reading argue that the notion of autonomy and dignity should now be considered as the central claim of Kant's ethics, rather than the universalisation of maxims. Kant's ethics are termed as repugnant for they place a high demand on the universalisation of maxims. Kant's ethics are termed as repugnant for they place a high demand on the universalisation of maxims. Kant's ethics are termed as repugnant for they place a high demand on the universalisation of maxims. Kant's ethics are termed as repugnant for they place a high demand on the universalisation of maxims. It must be left behind because the categorical imperative is not needed in order to rescue Kant's ethics, as deontology is often overrated. Consequently, the highest duties of the human being are to ensure that his fellow human beings enjoy unhindered autonomy and receive the honour that their dignity duly deserves, as well as to look after their welfare and treat them with respect, regardless of their dispositions. I review recent literature to appraise this new frontier within Kantian scholarship. I also explore the works of philosophers, such as Herman, Korsgaard, Wood, Höffe, and, specifically, Hill, on Kant's conception of human dignity in relation to its conception as autonomy, humanity, and the source of human rights.

Keywords: Kant, human dignity, value, humanity, autonomy, human right.

The "New Kant"

What do I mean by the "New Kant"? By this, I refer to a popular view found in the literature that Kant places special value on the rational nature of persons. To my knowledge, this term was first

¹ Technische Universität Berlin, 135 Straße des 17. Juni, 10623 Berlin, Germany.
Received: 08.11.2018.
doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-4
© Fasoro S. A., 2019.

значение разумной природе людей. Насколько мне известно, этот термин впервые был использован Робертом Пиппином (Pippin, 2001, p. 315) для обозначения группы кантоведов-комментаторов, в которую входят Барбара Герман, Кристин Корсгард, Аллен Вуд и Томас Хилл. Центральным постулат этой группы составляет концепция фундаментальной ценности человека, которую они считают источником человеческого достоинства и морали. Нужно заметить, что, прежде чем мы сможем лучше разобраться в изложениях этой точки зрения, необходимо задаться несколькими философскими вопросами, ответы на которые будут даны позже в этой статье. Что именно обладает достоинством? Достоинством безоговорочно обладает личность или мораль? Является ли моральной обязанностью уважать недостойных? Что следует рассматривать как цель саму по себе?

Представители «Нового Канта» считают, что у нас есть достоинство в силу той фундаментальной ценности, которой мы обладаем. На этой фундаментальной ценности основан императив уважения к другим. Они утверждают, что достоинство является ценностным свойством личности и что необходимость уважать личность — характерная черта морального закона. Это подразумевает, что обладать достоинством и быть достойным уважения — не синонимы. Мы должны уважать личности в силу их статуса, как людей которые являются бесценными целями сами по себе. Наше уважение к ним не зависит ни от чего другого. Таким образом, достоинство рассматривается как врожденное или неотъемлемое ценностное качество, которое имеется только у людей. Оно ненадежно и требует защиты, так как люди часто оказываются в уязвимом положении.

Я считаю, что в кантоведении любое утверждение, требующее уважения достоинства людей, должно в конечном счете искать свое доказательство в категорическом императиве. Вопрос о том, как мы должны относиться к другим, мы находим в кантовской формулировке категорического императива, который дает предписывающие, описывающие и нормативные основания для любого требования уважения. Представители «Нового Канта» утверждают следующее:

1. Основание уважения к людям вытекает из категорического императива.

2. Категорический императив требует, чтобы мы всегда относились к разумным агентам с уважением, потому что они являются целью самой по себе и имеют абсолютную ценность.

used by Robert Pippin (2001, p. 315) to refer to a group of commentators within Kantian scholarship, which comprises Barbara Herman, Christine Korsgaard, Allen Wood and Thomas Hill. Central to this group's postulate is the conception of the fundamental value of persons, which they believe to be the source of human dignity and morality. It is noteworthy that before we can get a better understanding of the expositions of this view, it is a requirement to pose a few philosophical questions which will be answered later in this paper. What exactly has dignity? Is dignity possessed unconditionally by personhood or morality? Are there moral duties to give respect to the unworthy? What should be treated as an end in itself?

The "New Kant" believes that we have dignity by virtue of the fundamental value we possess. Based on this fundamental value, it is imperative to respect others. The "New Kant" holds that dignity is a value property of persons and that the necessity to respect them is a characterisation of the moral law. It implies that having dignity and being respect-worthy are not synonymous. We must respect persons by virtue of their status as human beings who are ends in themselves and above all price. Our respect for them depends on nothing else. Therefore, dignity is considered as an innate or inherent value property that is precious to only human beings. It is precarious and requires protection; for human beings often find themselves in vulnerable positions.

I believe that any claim demanding respect for the dignity of persons within Kantian scholarship must ultimately search for its proof in the categorical imperative. We find the question about how we should treat others in Kant's formulation of the categorical imperative, which provides prescriptive, descriptive and normative grounds for any requirement for respect. The "New Kant" holds that:

The basis of respect for persons is derived from the categorical imperative.

The categorical imperative commands that we always treat rational agents with respect because they are ends in themselves and have absolute value.

Hence, it is imperative to give persons respect because they are the final ends of creation and have absolute value.

3. Следовательно, необходимо уважать людей, потому что они являются конечными целями творчества и имеют абсолютную ценность.

В этой статье я рассматриваю значительную часть недавних исследований по этике Канта, бросающих вызов старому прочтению, в котором кантовская этика отождествлялась исключительно с принципом универсализируемости, и вместо этого фокусирующихся на достоинстве разумной природы и человечности как цели самой по себе. Этика «Нового Канта» становится доминирующим взглядом, начав формировать понимание этики Канта в современной моральной и политической философии. Я анализирую, каким образом это новое чтение формирует наше понимание автономии, человечности и прав человека. В последней части я обсуждаю то, что считаю основными вызовами или проблемами этого нового прочтения. Общая цель состоит в просвещении читателя относительно того сдвига, который произошёл в интерпретации кантовской этики.

Автономия

Идея о том, что фундаментальная ценность разумной природы играла важную роль в этике Канта, выражена такими ведущими кантоведами, как Барбара Герман, Аллен Вуд, Кристин Корсгаард и Томас Хилл. Т. Хилл, например, предположил, что от категорического императива, возможно, придется отказаться, чтобы спасти его от противоречий, связанных с максимами и универсализируемостью. Вместо этого он предложил считать, что главную мысль этики Канта составляют автономия и достоинство. Прочитав вступительные абзацы третьего раздела «Основоположения...», Хилл высказал мнение, что Кант, должно быть, хотел сказать, что автономия — это 1) способность действовать разумно, 2) нормативное требование в отношении нашей задачи, позиции и обязательств как существ, которые считают себя разумными и действующими разумно, и 3) способность самоопределять объективное основание с помощью практического разума (Hill, 1992, p. 84).

Хилл утверждает, что каждое свободное разумное существо обладает достоинством в той мере, в какой оно руководствуется максимами, которые оно устанавливает для себя и на основании которых ставит перед собой объективные цели. Поскольку достоинство присуще ему в силу врожденной ценности, эта ценность, как утверждает Хилл, является одновременно относительной и объективной.

In this paper, I review a significant part of recent literature on Kant's ethics, which challenges the older reading in which Kantian ethics was identified exclusively with the principle of universalisability and emphasises instead the dignity of rational nature and humanity as end in itself. The new Kantian ethics is becoming the dominant view and has started to shape how Kant's ethics is understood in contemporary moral and political theory. I analyse how this new reading shapes our understanding of autonomy, humanity, and human rights. In the later part, I discuss what I consider major challenges or issues to the new reading. The overall aim is to enlighten the reader so as to keep abreast with the shift in the interpretation of Kant's ethics.

Autonomy

The idea that the fundamental value of rational nature played an important role in Kant's moral philosophy is expressed by the foremost Kantian scholars, such as Herman, Wood, Korsgaard, and Hill. Thomas Hill, for example, has suggested that the categorical imperative may need to be abandoned in order to rescue it from the controversies surrounding maxims and universalisability. He proposed instead that autonomy and dignity should be the central claim of Kant's ethical theory. Hill, after reading the opening paragraphs of the "Groundwork III", suggests that Kant must be saying that autonomy is: (1) a capacity to act for a reason, (2) a normative claim about our task, attitude and commitments as beings who regard themselves as rational and acting for reasons, and (3) a capacity to self-determine the objective ground through practical reason (Hill, 1992, p. 84).

Hill argues that every rational being that is free has dignity insofar as he is guided by maxims that he sets for himself, and it is on this account that he confers on himself objective ends. Since dignity is possessed by virtue of an inherent value, this value, Hill argues, is both relative and objective. It is relative to the choice of a rational being and objective because the choice is rational. As a free rational being, he must regard himself as the source of value in the world and possessing an unconditional and intrinsic value; that is, dignity. Because he possesses an intrinsic value, it is imperative to give him

Она относителна к выбору разумного существа и объективна, потому что этот выбор рационален. Как свободное разумное существо, оно должно считать себя источником ценности в мире и обладать безусловной и внутренней ценностью, то есть достоинством. Поскольку оно обладает внутренней ценностью, получение уважения, которого требует его достоинство, будет императивом. Затем Хилл предполагает, что цели, которые выбрали другие, представляют собой рациональное требование к нашей собственной склонности путем изначально-го повеления уважать их в соответствии с тем, чего требует их достоинство, даже если в наших практических рассуждениях их цели не находят особого места в наших мыслях о своих собственных целях.

Еще одно утверждение, сделанное Хиллом, заключается в том, что человеческое достоинство подразумевается в понятии царства целей. Он утверждает, что идея царства целей предлагает «законодательную модель», которая связывает идею универсальности с идеей достоинства. Хилл утверждает, что каждый из подданных царства целей «обладает достоинством на основании рациональной презумпции сохранения их от вреда, их развития и уважения к ним посредством самоуважения и уважения к другим» (Hill, 2002, p. 157); и именно по этой причине идея достоинства, которая «не допускает эквивалентов, составляет важное ограничение для законодательных рассуждений, а именно — что законодатели не должны думать о ценности людей как о ценности вещей, являющихся предметами рационального обмена» (Hill, 2002, p. 157). Здесь автономия рассматривается как способность свободного разумного существа считать имеющим силу некий принцип действия, который может быть принят другими, в отличие от моральных ограничений, требующих, чтобы оно действовало только согласно максимам, которые оно в то же время желало бы видеть в качестве всеобщего закона (Hill, 1992, p. 121).

Хилл, как и Герман и Гайер, скептически относится к легитимности морального ограничения: какова его цель, если оно не представляет ценности для разумного существа, которому и должно служить? Б. Герман подняла вопрос о рациональном обосновании морального ограничения и предположила, что необходимо «оставить деонтологию позади», поскольку примат права или долга, присущий деонтологическому прочтению Канта, подчиняет любой разговор о ценностях законосообразному волеию. Как и Гайер, она утверждает, что оправдание морального ограничения равно-

the respect his dignity demands. Hill then suggests that the ends which others have chosen are a rational demand on our own disposition through a prior command that we respect them with the due respect their dignity demands. Although, in our practical reasoning, their ends do not find a special place in the way that we think about our own ends.

Another claim made by Hill is that human dignity is implicit in the kingdom of ends. He argues that the idea of a kingdom of ends suggests a “legislative model” that mediates the idea of universality with the idea of dignity. Hill argues that each member of the kingdom of ends “has dignity on a rational presumption of preserving them from harm, developing them, and honouring them through self-respect and respect for others” (Hill, 2002, p. 157); and it is on this account that the idea of dignity which “admits to no equivalents, amounts to an important constraint upon deliberation from the legislative perspective, namely that legislators must not think of the value of people like that of things as subject to rational trade-off” (*ibid.*). Here, autonomy is considered to be the capacity that a free rational being has to regard as valid some principle of action that can be adopted by others, as against moral constraints that require him to act only on maxims that he, at the same time, wills as universal law (*ibid.*, p. 121).

Hill, like Herman and Guyer, raises sceptical notes about the legitimacy of moral constraint: what is its purpose if it is of no value to the rational being whom the constraint ought to serve? Herman has raised questions about the rationale for moral constraint and suggested that there is a need to “leave deontology behind” because deontological reading’s primacy of the principle of right or duty makes all considerations of value in Kant’s ethical theory mere subordination to lawful willing. Herman, like Guyer, argues that the justification for moral constraint amounts to mere scepticism if it is devoid of a theory of value. As she puts it, “without a theory of value the rationale for the moral constraint is a mystery” (Herman, 1993, p. 210). As I understand her, she is simply saying that in order to rescue Kantian ethics from this mystery, lawful action itself must be conceived as having value. For her, moral agents should know how, and in what sense, lawful willing is of any good in their everyday living; without this knowledge they would be

значно скептицизму, если оно лишено теории ценности. По ее словам, «без теории ценности обоснование морального ограничения остается загадкой» (Herman, 1993, p. 210). Насколько я понимаю, она просто говорит, что для спасения кантианской этики от этой загадочности само законосообразное действие должно мыслиться как имеющее ценность. По ее мнению, моральные агенты должны знать, как и в каком смысле законосообразное воление полезно в их повседневной жизни; без такого знания они скептически отнеслись бы к обоснованию морали. Однако Джером Б. Шнивинд и Карл Америкс выступили решительно против Пола Гайера и Барбары Герман, заявив, что мы отходим от самого Канта, оставляя позади деонтологию и следуя обобщенному и исторически преобразованному кантианству (см. Schneewind, 1996, p. 288; Ameriks, 2000, p. 6).

Для Хилла моральный закон — это просто принцип автономии; у людей существует предрасположенность к рациональной способности уважать моральный закон и действовать в соответствии с ним. Связь между человеком и автономией заключается в его способности давать себе моральный закон посредством разума, который является основой достоинства. Аллен Вуд находится во главе сторонников этого аргумента, но эта точка зрения широко поддерживается и такими современными кантоведами, как Герман, Хилл, Клемме, Шёнекер, Шмидт и многими другими, утверждающими, что разум и автономия являются нормативными понятиями (см. Herman, 1993, p. 73, 101; Wood, 1999b, p. 51; Hill, 2002, p. 36, 49; Schönecker, 2015, S. 72–73; Schmidt, Schönecker, 2017, p. 149; Schönecker, Schmidt, 2018, p. 95). Хайнер Клемме, например, утверждает, что идентичность структур кантовских понятий «цель сама по себе» и «абсолютная ценность» делает достоинство нормативным понятием (Klemme, 2015, S. 93). Вуд также замечает, что «фундаментальное нормативное действие для Канта есть постановка цели, а потому оно есть прерогатива исключительно разумной природы и, соответственно, свободное действие» (Wood, 1999b, p. 51). Он утверждает это исходя из того, что у Канта «идея автономии отождествляет авторитет закона с ценностью, составляющей содержание закона, в том смысле, что он основывает закон на нашем уважении достоинства разумной природы в нас самих, что делает каждое разумное существо целью самой по себе» (Wood, 1999a, p. 1). Следовательно, моральный закон — это лишь принцип автономии, поскольку фундаментальная ценность свободы предшествует

sceptical about the rationale for morality. However, Jerome B. Schneewind and Karl Ameriks have trenchantly opposed Paul Guyer and Barbara Herman by stating that we are departing from Kant himself by leaving deontology behind and following a general and historically repositioned Kantianism (cf. Schneewind, 1996, p. 288; Ameriks, 2000, p. 6).

For Hill, the moral law is merely a principle of autonomy; there is a predisposition among men towards the rational capacity to respect the moral law and to act according to it. The connection between a man and autonomy lies in his ability to give himself the moral law through reason, which is the grounds of dignity. Allen Wood is at the forefront of this argument, but this view is also widely held by contemporary Kantian scholars, such as Herman, Hill, Klemme, Schönecker, Schmidt and a host of others who argue that reason and autonomy are normative concepts (cf. Herman, 1993, p. 73, 101; Wood, 1999b, p. 51; Hill, 2002, p. 36, 49; Schönecker, 2015, pp. 72–73; Schmidt and Schönecker, 2017, p. 149; Schönecker and Schmidt, 2018, p. 95). Heiner Klemme, for example, has argued that the identical structure of Kant's conception of an "end in itself" and "absolute value" makes dignity a normative concept (Klemme, 2015, p. 93). Wood has also observed that "the fundamental normative act for Kant is setting an end, which is, therefore, the prerogative solely of rational nature, and it is an act of freedom" (Wood, 1999b, p. 51). Wood contends that this is because Kant believes that: "The idea of autonomy identifies the authority of the law with the value constituting the content of the law, in that it bases the law on our esteem for the dignity of rational nature in ourselves, which makes every rational being an end in itself" (Wood, 1999a, p. 1). Therefore, the moral law is merely a principle of autonomy because the fundamental value of freedom precedes the moral law. As I understand Kant, the moral law is not merely a means to preserve our autonomy.

For Kant, the imperfect nature of our rationality is responsible for the absolute necessity of the moral law. He believes that, as rational beings, we belong to the intelligible world where we can cognise our causality of the will as autonomy (in the positive sense), with its consequence, morality; against a freedom of the will that is merely presupposed as independence from heteronomy by means of which

ет моральному закону. Однако, как я понимаю, у Канта моральный закон — это не просто средство сохранения нашей автономии.

Согласно Канту, несовершенная природа нашей разумности ответственна за абсолютную необходимость морального закона. Он считает, что мы, как разумные существа, принадлежим к интеллигибельному миру, где мы можем познать причинность нашей воли как автономию (в позитивном смысле) с ее следствием — моралью, в противоположность свободе воли, лишь предполагаемой как независимость от гетерономии. Посредством гетерономии люди воспринимают себя подчиненными обязательствам, которые не проистекают из них самих (AA 04, S. 453; Кант, 1997, с. 241–245). Поскольку человеческая воля руководствуется несовершенным разумом, нам нужен моральный закон, чтобы направлять нашу волю посредством моральной необходимости наших действий. По этой причине все разумные существа должны осуществлять «практическое употребление разума *в видах свободы*» (AA 04, S. 463; Кант, 1997, с. 273), и это — фундаментальный принцип, согласно которому каждое разумное существо использует свой разум и свободу чтобы осознавать абсолютную необходимость закона.

Человечество / человечность

В «Основоположении...» Кант утверждает, что «человек и вообще каждое разумное существо *существует* как цель сама по себе», потому что они «не только субъективные цели... они являются объективными целями» (AA 04, S. 428; Кант, 1997, с. 165–167). Если должен существовать категорический императив, то потому, что «разумная природа *существует* как цель сама по себе» (AA 04, S. 429; Кант, 1997, с. 169). Это подразумевает, что благодаря обладанию способностью к практической рациональности разумное существо абсолютно ценно в сравнении с только природными вещами и в то же время является целью самой по себе. Такова кантовская формулировка категорического императива через человечество: «*Поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели*» (AA 04, р. 429; Кант, 1997, с. 169). Эта формулировка расценивается некоторыми кантоведами, особенно Вудом, Корсгард, Хиллом и Герман, как наиболее влиятельная формулировка категорического императива.

human beings see themselves as beings under an obligation that does not result from themselves (GMS, AA 04, p. 453; Kant, 1998, p. 57). Because the human will is guided by imperfect reason, we need a moral law to determine our will through the moral necessitation of our actions. For this reason, all rational beings must make “the practical use of reason *with regard to freedom*” (GMS, AA 04, p. 463; Kant, 1998, p. 66), and it is a fundamental principle that every rational being uses his reason and freedom to be conscious of the absolute necessity of the law.

Humanity

In the *Groundwork*, Kant asserts that “the human being and in general every rational being *exists* as an end in itself” because they are “not merely subjective ends, [...] but rather *objective ends*” (GMS, AA 04, p. 428; Kant, 1998, p. 37). If a categorical imperative must exist, it is because “*rational nature exists as an end in itself*” (GMS, AA 04, p. 429; Kant, 1998, p. 37). This suggests that by virtue of having the capacity for practical rationality, a rational being is absolutely valuable over mere things in nature and is, at the same time, an end in itself. Here lies Kant’s formulation of humanity: “*So act that you use humanity, whether in your own person or in the person of any other, always at the same time as an end, never merely as a means*” (GMS, AA 04, p. 429; Kant, 1998, p. 38). This formulation has been regarded as being the most influential formulation of the categorical imperative by some Kantian scholars, notably Wood, Korsgaard, Hill, and Herman.

Wood, for example, has claimed that Kant’s ethical theory is based on “autonomy; grounded on the dignity of humanity as an end in itself” (Wood, 1999b, p. 5). He argues that Kant places a special value on humanity in a way that gives it precedence over the “exaggerated emphasis usually placed on the universalisability principle in moral reasoning” (*ibid.*; cf. p. 83, 98). According to Wood, “if a ‘deontological’ ethical theory is one that precludes grounding a moral principle on substantive values or ends, then the aim of Kant’s argument in the *Groundwork* is to show that no deontological theory is possible” (*ibid.*, p. 114).

Вуд, например, выдвинул тезис, что этика Канта базируется на «автономии, основанной на достоинстве человечества как цели самой по себе» (Wood, 1999b, p. 5). Он утверждает, что Кант устанавливает особую ценность человечеству таким образом, что это дает ему приоритет над «чрезмерным вниманием, которое обычно уделяется принципу универсализируемости в рассуждениях о морали» (ibid.; ср. p. 83, 98). Согласно Вуду, «если “деонтологическая” этическая теория не допускает обоснования морального принципа на субстантивных ценностях или целях, то цель аргументов Канта в “Основоположении...” — показать, что никакая деонтологическая теория невозможна» (ibid., p. 114).

Вуд считает, что понятие человечества у Канта целиком связано с объективной целью, или целью самой по себе. Согласно Вуду, Кант зашел в тупик в поиске конечной цели или ценности, которые охарактеризовал в «Исследовании отчетливости принципов естественной теологии и морали» как «недоказуемые содержательные принципы практического познания» (AA 02, S. 299; Кант, 1994, с. 189). Поскольку он не мог доказать доброту искомой цели, он утверждал, что человечество — это то, в чем мы уже узнаем цель саму по себе, самодостаточную цель и абсолютную ценность (см.: AA 04, S. 437; ср. AA 04, S. 428, 434; Кант, 1997, с. 165–167, 183–187; Wood, 1999b, p. 114–115). Согласно прочтению Вуда, человек и каждое разумное существо должны рассматриваться как объект уважения, потому что так повелевает категорический императив. Человеческое поведение в общем рассматривается в его отношении к тому, какое расположение к другим людям оно выражает. Следовательно, «нравственно хорошее поведение выражает уважение к человечеству как к существующей цели (самодостаточной цели)», а плохое поведение, соответственно, выражает неуважение или презрение к человечеству (Wood, 1999b, p. 117).

Точно так же Корсгаард толкует Канта как утверждающего, что разумная природа — это способность «придавать ценность объектам нашего разумного выбора», поскольку разумные существа должны рассматривать себя как цели и, делая это, они предполагают свой разумный выбор (Korsgaard, 1996, p. ix). Поэтому способность делать собственный выбор должна рассматриваться как ценность, которой стоит дорожить и которую стоит сохранять и продвигать. По словам Корсгаард, обращение с людьми с уважением к их достоинству «не есть вопрос открытия метафизического факта о них», независимо от того, разумны они или сво-

Wood holds that Kant's conception of humanity is all about an objective end or an end in itself. According to Wood, Kant has come to a dead end in finding an ultimate end or value, which Kant described in the *Prize Essay* as “indemonstrable” (GSE, AA 02, p. 299; Kant, 2011, p. 246). Since he could not demonstrate the goodness of the end he was finding, Kant submitted that humanity is something we already recognise to be an end or end in itself, a self-sufficient end, and an absolute value (GMS, AA 04, p. 437; Kant, 1998, pp. 44-45; cf. GMS, AA 04, p. 428, 434; Kant, 1998, p. 36, 41; Wood, 1999b, pp. 114-115). As Wood reads Kant, human beings and every rational being should be regarded as an object of respect because that is the command of the categorical imperative. Human conduct is fundamentally considered in relation to what it expresses about his disposition towards others. Therefore, “morally good conduct expresses respect for humanity as an existent end (a self-sufficient end)” and bad conduct equally expresses disrespect or contempt for humanity (Wood, 1999b, p. 117).

Likewise Korsgaard interprets Kant as saying that rational nature is the capacity to “confer value on the objects of our rational choice” because rational beings must regard themselves as ends, and in doing so, they are presupposing their rational choice (Korsgaard, 1996, p. ix). The capacity to make choices for oneself must therefore be seen as a value worth treasuring, preserving and promoting. According to her, treating people with the respect their dignity demands “is not a matter of discovering metaphysical fact about them,” whether they are rational or free, or have value or not, or acting from duty or from sympathy. Rather, it presupposes that they are not the objects of knowledge or mere phenomena but “authors of their own thoughts and choices (as noumena)” (Korsgaard, 1996, p. xi). Because human beings must regard themselves as having their own good and ends, they regard their humanity as a source of value. Therefore, as they attribute to themselves, they must attribute the same magnitude of value to the humanity of others.

The centrality of Korsgaard's conception of humanity rests on the fact that it is not a purpose to be achieved. Rather, by adopting humanity as the unconditional end, our action can lead to conduct that is universalisable (Korsgaard, 1996, pp. 17-

бодны, обладают ли ценностью, действуют исходя из долга или из сочувствия. Напротив, такое отношение предполагает, что они не объекты познания или только лишь феномены, но «авторы своих собственных мыслей и выборов (как ноумены)» (ibid., p. xi). Поскольку люди должны считать, что они имеют свое собственное благо и цели, они считают свою человечность источником ценности. Поэтому, приписывая ее себе, они должны приписывать такую же ценность человечности других людей.

Центральное положение концепции человечности Корсгаард заключается в том, что она не результат, которого требуется достичь. Наоборот, с принятием человечества как безусловной цели, наши действия могут привести к универсализируемому поведению (ibid., p. 17–18), поскольку «этот принцип человечества и каждой разумной природы вообще как цели самой по себе... является верховным ограничительным условием свободы действий каждого человека» (AA 04, S. 430–431; Кант, 1997, с. 173–175). Тем не менее Корсгаард говорит, что «обладание человечностью — это не стимул для принятия морального закона; скорее моральный закон требует, чтобы к человечеству относились как к цели самой по себе, а не только как к средству. Таким образом, свободное действие из долга (к другим) и выбор человечества как своей безусловной цели — это одно и то же» (Korsgaard, 1996, p. 109; ср. Kitcher, 2017, p. 237–238). Такое прочтение Канта подразумевает, что человеку не нужно действовать из долга, чтобы относиться к другим как к целям. Действительно, Корсгаард права в том, что разумный агент может совершать действия, не исходя при этом из долга: например, кто-то может относиться к другому как к цели, уважая его права, потому что того требует закон, а не потому, что он действует исходя из долга. Но это, кажется, поднимает важный вопрос о кантовской идее «самоограничения», то есть идее о том, что мы должны уважать нашу внутреннюю склонность действовать исходя из долга, прежде чем наша максима сможет стать принципом возможного всеобщего закона. В этом заключается учение Канта о действиях, которые совершаются в соответствии с законом, но не из уважения к моральному закону или долгу, или о действиях, которые соответствуют долгу. Согласно моему пониманию Канта, если кто-то совершает действие, потому что этого требует закон, а не потому, что он действует исходя из долга (без уважения к внутренней склонности действовать исходя из долга), его действие является правильным, но не моральным.

18), as “[t]his principle of humanity, and in general of every rational nature, as an end in itself [...] is the supreme limiting condition of the freedom of actions of every human being” (GMS, AA 04, pp. 430-431; Kant, 1998, p. 39). Nonetheless, Korsgaard says “having humanity is not an incentive for adopting the moral law; rather the moral law commands that humanity should be treated as an end in itself and not merely as a means. So, acting freely from duty (to others) and choosing humanity as one’s unconditioned end are one and the same thing” (Korsgaard, 1996, p. 109; cf. Kitcher, 2017, pp. 237-238). The implication of Korsgaard’s reading of Kant is that one does not need to act from duty in order to treat others as ends. Indeed, she is correct that a rational agent can perform an action without acting from duty. For instance, one can treat another as an end by respecting the other’s rights because the law requires it, rather than because one is acting from duty. But this seems to raise an important question about Kant’s idea of “self-constraint” – that we must respect our inner disposition to act from duty before our maxim can fit as a principle into a possible giving of universal law. Here lies Kant’s account of actions that are performed in conformity with the law, but not from respect for the moral law or duty, or actions that are in accord with duty. As I understand Kant, if one performs an action because the law requires it and not because one is acting from duty (out of respect for the inner disposition to act from duty), one’s action is right but not moral.

In Hill’s reading of Kant, the categorical imperative, through the formulation of humanity, somehow involves what he calls “tests of rational necessity” that impose some constraints on what a rational being can rationally will as universal law. This is because the formula of humanity prohibits the rational willing of any maxim as universal law which expresses disrespect for the humanity of others. Therefore, the duty to respect others is unconditional, for it is commanded as a categorical imperative.

As Hill sees it, Kant’s universal formula explicitly urges us “to consider what we will as a universal law, but the humanity formula asks us to consider what the practical reason of those affected by our acts could approve” (Hill, 2002, p. 177). This is because, on the one hand, Hill conceives humanity as

В интерпретации Хилла категорический императив в формулировке через человечество каким-то образом включает в себя то, что он называет «проверками рациональной необходимости», которые накладывают некоторые ограничения на то, чего разумное существо может разумно желать в качестве универсального закона. Это происходит потому, что формула человечества запрещает разумное воление любой максимы как универсального закона, выражающей неуважение к человечности других. Следовательно, обязанность уважать других безусловна, поскольку она предписана в качестве категорического императива.

С точки зрения Хилла, кантовская универсальная формула явно призывает нас «рассматривать то, чего мы желаем, как универсальный закон, но формула человечества призывает нас подумать, что может одобрить практический разум тех, кого затрагивают наши действия» (Hill, 2002, p. 177). Причина этого, с одной стороны, в том, что Хилл воспринимает человечность как выражение сострадания и доброжелательности, а с другой — в том, что морально допустимо принять одни цели, как это определено категорическим императивом, и не допустить принятия других. Если говорить коротко, то Хилл считает, что, когда мы относимся к людям с уважением, которого требует их достоинство, мы просто-напросто ценим их как источники морально допустимых (личных) целей и делаем их цели своими (Hill, 2002, p. 250).

Кроме того, Хилл подчеркивает, что категорический императив требует, чтобы все автономные люди, которые выступают законодателями сами для себя, подвергали себя определенному ограничению, и это ограничение должно быть построено вокруг моральной рефлексии о необходимости категорично и безусловно уважать человечность других просто потому, что мы признаём, что они являются целями самими по себе и имеют абсолютную ценность (Hill, 2002, p. 306). Но какой степени уважения будет достаточно, чтобы оказать должное уважение человечности других?

Корсгаард и Хилл настойчиво утверждают, что оказание должного уважения к человечности других — это забота, которую нельзя игнорировать. Согласно Корсгаард, человечеству всегда должна придаваться должная ценность, которую оно заслуживает. Должная ценность человечества требует: «1) сохранять и уважать человечество в своем лице (самоуважение); 2) развивать свою собственную человечность интеллектуально и физически; 3) содействовать счастью других; 4) безусловно уважать других (поскольку это является правом)» (Korsgaard, 1996, p. 21).

being an expression of compassion and benevolence and, on the other hand, because it is morally permissible to adopt some ends, as determined by the categorical imperative, and not to adopt others. In short, Hill believes that when we treat people with the respect their dignity demands, we are simply valuing them as sources of morally permissible (personal) ends and making their ends our own (Hill, 2002, p. 250).

Again, Hill emphasises that the categorical imperative demands that all autonomous people who legislate for themselves should subject themselves to a certain constraint, and that constraint must be built around moral reflection that it is categorical and unconditional to respect others' humanity, simply because we acknowledge that they are ends in themselves and have an absolute value (Hill, 2002, p. 306). But what degree of respect is sufficient to be considered as being proper respect for the humanity of others?

Korsgaard and Hill argue emphatically that giving proper respect to the humanity of others is a necessary concern. According to Korsgaard, humanity must always be accorded the proper value it deserves. The proper value of humanity requires that: "(1) we preserve and respect the humanity in our own person (self-respect); (2) we develop our own humanity, both intellectually and physically; (3) we promote the happiness of others; and (4) we respect others unconditionally (for it is a right)" (Korsgaard, 1996, p. 21).

According to Hill, the formula of humanity has two distinct readings: persons are ends and humanity in persons is an end. That persons are ends simply means that humanity should be conceived as "a human person". In this view, humanity means treating humanity in a person as an end and is another way of saying that every human being is an end in itself. But on the second reading (humanity in persons is an end), we speak of both human beings and rational beings. For Hill, the first reading is an abbreviation of the second reading and not *vice versa*. In elaborating on humanity in persons as an end in itself, Hill identified five characteristics of humanity: first, "the capacity and disposition to act on maxims; second, the capacity and disposition to follow rational principles; third, the capacity to set ends and lower our animality; fourth, the capac-

Согласно Хиллу, формула человечности допускает два различных прочтения: лица — это цели, и человечество, представленное в лицах, — это цель. То, что люди являются целями, просто означает, что человечество следует воспринимать как «человеческое лицо». С этой точки зрения человечность означает обращение с человечеством в некоем лице как с целью, и это еще один способ сказать, что каждый человек является целью самой по себе. Но во втором прочтении (человечество, представленное в лицах, — это цель) мы говорим как о человеческих существах, так и о разумных существах вообще. Для Хилла первое прочтение — сокращение второго, а не наоборот. Разрабатывая концепцию человечества, представленного лицах, как цели самой по себе, Хилл выделил пять характеристик человечества: во-первых, «способность и склонность действовать согласно максима; во-вторых, способность и склонность следовать разумным принципам; в-третьих, способность ставить цели и сопротивляться нашей животной стороне; в-четвертых, способность к законодательству; и в-пятых, способность понимать мир и рассуждать абстрактно» (Hill, 1980, p. 86). Эти характеристики приписываются всему человечеству без исключения, включая глупых и аморальных людей. Таким образом, лицо не может отбросить или потерять свою человечность. Человечность (достоинство) лица сохраняется до тех пор, пока оно существует, и его необходимо всегда уважать, даже в тех случаях, когда оно унижает, нарушает, обесценивает, не уважает или отрицает свою человечность (Hill, 2014, p. 216).

Ричард Дин заявляет, что не человечность является основанием для обращения с другими с уважением, а моральность. По его мнению, настаивающие на том, что именно человечность, а не добрую волю мы должны рассматривать как цель саму по себе, прочитали этику Канта неверно (Dean, 1996, p. 268). Согласно Дину, человечность означает просто действие в соответствии с моральными принципами. Схожим образом Оливер Сензен утверждает, что то, что мы уважаем в других, — это не их личность, а наше признание в них моральности (Sensen, 2011, p. 128). И Дин, и Сензен подчеркивают примат морали, а не только фундаментальную ценность разумного действия, ибо они оба согласны, что мораль имеет внутреннюю ценность саму по себе. Тем не менее существует значительная разница между теориями Дина и Сензена. Например, Сензен допускает, что в силу способности человечества к нравственности оно и каждое разумное существо имеют абсолютную ценность, и именно их стремление к достоинству и морали, а не их реализация — то,

ity for legislation; and fifth, the capacity to comprehend the world and reason abstractly” (Hill, 1980, p. 86). These characterisations are attributed to all human beings without exception, including foolish and immoral persons. Thus, a person’s humanity cannot be thrown away or lost. A person’s humanity (dignity) remains as long as he is on earth and must be respected at all times, even in instances where he degrades, humiliates, violates, debases, disrespects or rejects his own humanity (Hill, 2014, p. 216).

Richard Dean has argued that humanity is not a justification for treating others with respect and honour. It is, instead, morality. As Dean observes, Kant’s ethics have been read mistakenly by those who insist that humanity is what we should treat as an end in itself, instead of a good will (Dean, 1996, p. 268). According to him, humanity simply means acting on moral principles. Similarly, Oliver Sensen has claimed that what we respect in others is not their personhood, but our recognition of morality in them (Sensen, 2011, p. 128). Both Dean and Sensen emphasise the primacy of morality rather than the fundamental value of rational agency alone because they both agree that morality has an inner value in itself. Yet, there is a significant difference between the accounts of Dean and Sensen. For instance, Sensen allows that by virtue of humanity’s capacity for morality, it and every rational being has an absolute value and it is his striving for dignity and morality that must be treated with respect and not the actualisation of it. In fact, Sensen holds that “not every dignity is tied to morality or an inner value” (Sensen, 2015, p. 129). Dean, on the other hand, insists that only those who actually obey the moral law and become moral beings must be treated with respect.

Human Rights

Human dignity is often thought of as the source of a man’s innate right to freedom, through which he derives his legal and political rights.² Kant’s idea

² For emphasis, see John Ladd’s introduction to the translation of “The Metaphysical Elements of Justice: Part I of the *Metaphysics of Morals*”, in Kant, 1999, p. XV. It must be noted that before Ladd published the second revised edition in 1999, the first edition that was published in 1965 was criticised as “incomplete and rudimentary” by Flikschuh (1997, pp. 50-51).

к чему следует относиться с уважением. На самом деле Зензен считает, что «не всякое достоинство связано с моралью или внутренней ценностью» (Sensen, 2015, p. 129). Дин, со своей стороны, настаивает, что только к тем, кто действительно подчиняется моральному закону и становится моральным существам, должно относиться с уважением.

Права человека

Человеческое достоинство часто мыслится как источник врожденного права человека на свободу, благодаря которому он получает свои юридические и политические права². Идея о врожденном праве, выраженная Кантом в «Метафизике нравов», в настоящее время считается фундаментом для таких рассуждений. С этой точки зрения люди обладают определенным достоинством, моральным престижем, который оправдывает их право никогда не быть «инструментализованными», или «дегуманизированными», но всегда быть должным образом уважаемыми. Утверждается, что люди имеют права в силу того, что являются целями самими по себе и имеют абсолютную ценность. Но из-за уязвимости человеческого положения ценность человека должна поощряться и защищаться как нерушимое право.

Эта проблема получила глобальное внимание, которое выражено во многих международных документах, включая Устав Организации Объединенных Наций (ООН), Преамбулу Всеобщей декларации прав человека (ВДПЧ), преамбулу Конституции Международной организации миграции (МОМ), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП), Международный билль о правах человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенцию о правах ребенка (КПР ООН), Африканскую хартию прав человека и народов (АХПЧН) и Хартию основных прав Европейского союза (ХОПЕС).

Забота об уважении, сохранении и поощрении человеческого достоинства стала не только моральным, но и правовым идеалом: во многих международных политических и правовых документах человеческое достоинство в настоящее время упоминается как неприкосновенное или неотъемлемое

² Для уточнения см. введение Джона Ладда к переводу первой части «Метафизики нравов» в издании: (Kant, 1999, p. XV). Следует отметить, что до того, как Ладд опубликовал обновленное второе издание в 1999 г., первое издание 1965 г. критиковалось К. Фликшухом как «неполное и излишнее» (Flikschuh, 1997, p. 50–51).

of an innate right in the *Metaphysics of Morals* is now reckoned as the foundational basis for this reasoning. In this view, human beings are believed to possess a certain dignity; a moral prestige that justifies their rights never to be ‘instrumentalised’ or ‘dehumanised’ but always duly respected. It is argued that human beings have rights by virtue of being ends in themselves and having absolute value. But because of the vulnerability of the human condition, the value of a human being must be promoted and protected as an inviolable right.

This concern has received global attention as it has been expressed in many international documents, including the Charter of the United Nations (UN), the Preamble of the Universal Declaration of Human Rights (UDHR), the Preamble of the International Organisation of Migration’s Constitution (IOM), the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR), the International Bill of Human Rights, the International Covenant on Civil and Political Rights, the Convention on the Rights of the Child (UNCRC), the African Charter on Human and Peoples’ Rights (ACHPR), and the Charter of Fundamental Rights of the European Union (CFREU).

The concerns of treasuring, preserving and promoting human dignity have extended from the moral to the legal ideal, as many international political and legal documents now reference human dignity as being an inviolable or inherent right.³ The important question is, how does the concept of human dignity tie morality to a law? The link is self-evident in many of the documents mentioned above, where the vulnerability of the human condition is taken very seriously. For example, the Preamble of the UDHR states that “all human beings are born free and equal in dignity and rights”. The statement emphasises three fundamental characteristics of human beings: freedom, equality, and dignity (rights are presumably included in dignity) as an inherent value they enjoy. Articles 1, 22 and 23 of the UDHR re-emphasise that human dignity is the basis of the inherent rights that all human beings possess. The

³ For expanded discussions on how human dignity has become the source of human rights, I recommend the following works: (Pritchard, 1972; Mitchell, Howard and Donnelly, 1987; Meyer, 1989; McCrudden, 2008; Shaoping and Lin, 2009; Sangiovanni, 2012; 2017; Menke, 2014; Michael, 2014).

право³. Важный вопрос заключается в том, каким образом понятие человеческого достоинства связывает мораль и право? Эта связь очевидна во многих упомянутых выше документах, очень серьезно воспринимающих человеческую уязвимость. Например, в Преамбуле ВДПЧ говорится, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». В этом заявлении подчеркиваются три фундаментальные характеристики человека: свобода, равенство и достоинство (права предположительно включены в достоинство) как неотъемлемые ценности, которыми он обладает. В статьях 1, 22 и 23 ВДПЧ подчеркивается, что человеческое достоинство является основой неотъемлемых прав, которыми обладают все люди. Самое распространенное словосочетание во всех этих документах — «присущее достоинство», которое часто используют взаимозаменяемо с «неотъемлемыми правами» или «нерушимыми правами» людей.

Кроме того, достоинство стало юридическим понятием в правовой и политической теории, которая предоставляет врожденные права людям во многих юрисдикциях. Это не только юридическое понятие, но и главное философское основание прав человека во многих международных документах. Права человека, как они понимаются, рассматриваются как нормативный компонент, вытекающий из внутренней ценности человека, которая всегда требует уважения. Например, посягательство на личную автономию человека считается нарушением его основных человеческих прав.

На Рональда Дворкина часто ссылаются как на сторонника этой идеи из-за его комментария, в котором он заявил, что права человека основаны на «смутной, но могущественной идее человеческого достоинства» (Dworkin, 1978, p. 198–199). Для него достоинство является основанием для всех прав человека. Мы уважаем права людей, потому что мы признаем, что они обладают достоинством. Степень, в которой мы наделяем правами, не может быть приравнена к степени достоинства. Мы уважаем права людей, потому что они обладают достоинством, но мы не уважаем достоинство человека из-за того, что у него есть права, которые не зависят от фундаментальной ценности достоинства. Некоторые философы, следуя по стопам Дворкина, утверждают, что права человека являются своего

³ В качестве подробного обсуждения того, как человеческое достоинство стало источником прав человека, я рекомендую следующие работы: (Pritchard, 1972; Mitchell, Howard and Donnelly, 1987; Meyer, 1989; McCrudden, 2008; Shaoping and Lin, 2009; Sangiovanni, 2012; Sangiovanni, 2017; Menke, 2014; Michael, 2014).

most common phrase in all of these documents is “inherent dignity”, which they often use interchangeably with the “inalienable rights” or “inviolable rights” of human beings.

Also, dignity has become a legal text in legal and political theory that confers innate rights on human beings in many jurisdictions. It is not only a legal text, but also the major philosophical basis of human rights in many international documents. Human rights, as they are understood, are regarded as a normative component derived from the inner value of man, which always commands respect. The infringement of a man’s personal autonomy, for example, is considered to be a violation of his fundamental human rights.

Ronald Dworkin is widely referenced for this very idea as a result of his comment that human rights rest upon “the vague but powerful idea of human dignity” (Dworkin, 1978, pp. 198-199). For him, dignity is the basis of all human rights. We respect the rights of people because we recognise that they have dignity. The extent that we confer rights cannot be equated with the extent of dignity. We respect the rights of people because they have dignity, but we do not respect the dignity of man because they have rights that are independent of the fundamental value of dignity. Some philosophers, following Dworkin’s footsteps, have argued that human rights are a sort of innate right or inner value possessed prior to life. These include Martha Nussbaum, Alan Gewirth, Thomas Hill, Rachel Bayefsky, Jeremy Waldron, to name only a few (Gewirth, 1984, 1998; Nussbaum, 1997; Waldron, 1999; Bayefsky, 2013; Hill, 2014).

Human rights are now considered to be guarantees that achieve the universal normative goals of human beings. This right is held in these terms: it is an idea that derives from the principle of justice that comes from the moral law because the moral law is fundamentally universal and boundless, so the principle of justice is meant to respect and enforce the laws that individuals set for themselves. Any government guaranteeing these laws is enabling the dignity of the autonomy of human beings. In fact, this view is attributed to Kant. They argue that his concept of dignity is the grounding of human rights, for it rests on the concept of autonomy.

рода врожденным правом или внутренней ценностью, которой люди обладают еще до жизни. К ним относятся, например, Марта Нуссбаум, Алан Гевирт, Томас Хилл, Рэйчел Байефски, Джереми Уолдрон (Gewirth, 1984, 1998; Nussbaum, 1997; Waldron, 1999; Bayefsky, 2013; Hill, 2014).

Права человека в настоящее время считаются гарантиями достижения универсальных нормативных целей людей. Эти права формулируются в идее, вытекающей из принципа справедливости, который следует из морального закона, ибо моральный закон фундаментально универсален и безграничен, а потому принцип справедливости призван уважать и обеспечивать соблюдение законов, которые индивиды устанавливают для самих себя. Любое правительство, гарантирующее эти законы, обеспечивает достоинство автономии людей. В сущности, эта точка зрения приписывается Канту и утверждается, что его концепция достоинства является основанием прав человека, поскольку базируется на концепции автономии. Как замечает Кристофер Маккруден, «концепция достоинства, наиболее тесно связанная с Кантом, — это идея достоинства как автономии; т. е. идея, согласно которой обращаться с людьми достойно значит обращаться с ними как с автономными людьми, способными выбирать свою судьбу» (McCrudden, 2008, p. 659–660). Моральная автономия человека выбирать свои собственные цели означает своего рода право человека никогда не подвергаться унижению и бесчестию, а всегда рассматриваться как цель сама по себе. Рэйчел Байефски также утверждает, что кантовская концепция прав человека происходит не только из идеи моральной автономии, но также из идеи «любви к человечеству», которая понимается как «врожденное достоинство каждого человека», то есть врожденное право на свободу, которым каждый человек должен обладать и демонстрировать его другим (Bayefsky, 2013, p. 825).

Однако Мэри Грегор предупреждает, что эта точка зрения, хотя и приписывается Канту, не выглядит кантианской. По ее словам, в «Учении о праве» и лекциях, известных по конспекту «Естественное право Фейерабенд», Кант выражает идею врожденного права, а не прав человека. Грегор утверждает, что кантовская идея врожденного права может быть связана с правами человека только в том случае, если права человека рассматриваются как права, которые все люди имеют посредством лишь того, что они люди, и которые «не должны приобретаться актом выбора» (Gregor, 1995, p. 11). Но права человека включают «права на невмешательство и права на товары и услуги» (*ibid.*), поэто-

As Christopher McCrudden observes, “the conception of dignity most closely associated with Kant is the idea of dignity as autonomy; that is, the idea that to treat people with dignity is to treat them as autonomous individuals able to choose their destiny” (McCrudden, 2008, pp. 659-660). The moral autonomy of a person to choose his own ends signifies a sort of human right never to be treated with indignity and dishonour but always to be treated as an end in himself. Rachel Bayefsky also claims that Kant’s conception of human right is not only derived from his idea of moral autonomy but also from his idea of a “love of humanity” which is “an innate dignity of every person”; that is, an innate right to freedom which every man must enjoy and show to others (Bayefsky, 2013, p. 825).

But Mary Gregor has warned that this view, which is attributed to Kant, does not seem to be Kantian. According to her, Kant expresses an idea of innate right rather than human rights in his “Doctrine of Rights” and “Nurrecht Feyerabend” lecture notes. She argues that Kant’s idea of innate right can only be associated with a human right, if a human right is regarded as a right that all human beings have merely as human beings and that “it does not have to be acquired by an act of choice” (Gregor, 1995, p. 11). But human rights include “rights to non-interference and rights to goods and services” (*ibid.*), so it is not clear how we can establish the connection between an innate right to freedom and human rights — even by associating Kant’s idea of the rule of law (in which power belongs not to the rational agent with innate right but to law) with the socioeconomic rights that human rights embody. Thus, for her, the innate right to freedom in Kant does not represent all that is now observed as human rights. It must be emphasised that Gregor is not the only scholar to be sceptical about whether human rights were Kant’s intention. Some Kantian scholars have recently expressed similar scepticism, namely Byrd and Hruschka, as well as Caranti and Beck (Beck, 2006; Byrd and Hruschka, 2010; Caranti, 2011).

Otfried Höffe has, however, disagreed with Gregor and her heirs, who insist that Kant does not speak of human rights but one innate right to freedom. Höffe claims that Kant does have a conception

му неясно, как мы можем установить связь между врожденным правом на свободу и правами человека, даже связывая идею Канта о верховенстве закона (при котором власть принадлежит не разумному агенту с врожденным правом, а закону) с социально-экономическими правами, которые воплощаются правами человека. Таким образом, кантовское врожденное право на свободу, согласно Грегору, не отражает всего того, что в настоящее время рассматривается как права человека. Следует подчеркнуть, что Грегор не единственный ученый, скептически относящийся к тому, было ли намеренным обоснование Кантом прав человека. Некоторые кантоведы, а именно Бёрд и Хрушка, а также Каранти и Бек недавно выразили схожий скептицизм (Beck, 2006; Byrd, Hruschka, 2010; Caranti, 2011).

Отфрид Хёффе не согласен с Грегором и ее последователями, настаивающими на том, что Кант говорит не о правах человека, а об одном врожденном праве на свободу. Хёффе утверждает, что у Канта действительно есть понятие квазичеловеческого права и он говорит скорее о «личном праве», чем о «правах человека» (AA 06, S. 223–224, Кант, 2014, с. 71). Хотя, по мнению Хёффе, мы не можем говорить о личном праве как о правах человека, он убежден, что оно важно для прав человека, поскольку врожденные права подразумевают наличие правовой системы, пусть это и «частная, а не публичная система» (Höffe, 2010, p. 91). Хёффе считает, что Кант тем не менее выражает в «Учении о праве» идею «квазичеловеческого права». Далее он утверждает, что Кант лишь условно приписывает врожденное право чему-либо в системе частного права, но врожденное право на что-либо было беспредельно признано в публичном правовом порядке (*ibid.*, p. 92). Несмотря на этот аргумент, Хёффе приходит к справедливому выводу, что права и обязанности всегда связаны, потому что «врожденное право состоит в юридическом полномочии налагать обязанности на всех остальных» (*ibid.*, p. 78).

Заклучение

Вопрос о связи между достоинством и правами человека, до сих пор остающийся без ответа, заключается в том, следует ли рассматривать достоинство как право само по себе, а не просто как основание для прав, или же достоинство, понимаемое как источник прав человека, — желаемая цель, которую внешние права должны защищать. В литературе до сих пор нет ответов на эти вопросы. Некоторые также утверждают, что понятие человеческого достоинства не является физическим феноменом, су-

of a quasi-human right. He argues that Kant speaks of ‘personal right’ rather than ‘human right’ (MS, AA 06, pp. 223-224; Kant, 1991, pp. 49-50). Still, he maintains that although he cannot speak of personal right as a human right, yet he is convinced that it is something of importance as a human right because an innate right connotes a legal order, though it is “a private and not a public legal order” (Höffe, 2010, p. 91). Höffe believes that Kant nonetheless expresses ‘a quasi-human right’ idea in the “Doctrine of Right”. There, he argues that Kant only ascribes the innate right to something in a private legal order provisionally, but the innate right to something was acknowledged peremptorily in a public legal order (*ibid.*, p. 92). Notwithstanding this argument, Höffe concludes, and rightly so, that rights and duties are always connected because “the innate right consists in the legal authority to impose a duty upon all others” (*ibid.*, p. 78).

Conclusion

The question about the connection between dignity and human rights that is still unanswered is whether dignity should be conceived as a right in itself rather than the mere grounds for rights, or whether dignity, conceived as the source of human rights, is the desired end that external rights should protect. There is still a lack of answers to these questions in the literature. Some have also argued that the concept of human dignity is not a physical phenomenon that exists prior to human life, and called this a useless concept or abstract value (Macklin, 2003; Byk, 2014). I think it is still unclear how human dignity is the foundational basis of human rights, given that dignity, as it is so conceived, presupposes rights as being *what is good for human beings* prior to a duty of *doing what is right*. Beyond the claim that respect for human dignity gives us an obligation not to treat others as means but as ends in themselves, it remains to be seen how human rights are defensible in a legal and political context without there being obedience to duties.

Furthermore, it is unclear if what Kant said about rights is actually connected to the claim that the categorical imperative is not just about universality, but includes also (and maybe more impor-

ществом до человеческой жизни, и называют его бесполезным понятием или абстрактной ценностью (Macklin, 2003; Byk, 2014). Я думаю, что до сих пор остается неясным, каким образом человеческое достоинство может быть фундаментальным основанием прав человека, учитывая, что достоинство, как оно понимается, предполагает приоритет права — то есть того, что хорошо для людей, — над долгом делать то, что правильно. Помимо утверждения о том, что уважение человеческого достоинства обязывает нас относиться к другим не как к средствам, а как к целям самим по себе, еще предстоит выяснить, как права человека можно защищать в правовом и политическом контексте без подчинения их обязанностям.

Кроме того, неясно, связано ли то, что Кант говорил о правах, с утверждением о том, что категорический императив касается не только универсальности, но также включает (и это, возможно, более важно) другие формулировки: автономии, человечество или царство целей. Действительно, существует спор вокруг утверждения о том, что принцип права Канта основан на моральном принципе. Есть ряд кантоведов, которые отстаивают эту точку зрения, например П. Гайер, Р. Брандт (Brandt, 1982) и Б. Людвиг (Ludwig, 1982), но есть и другие, которые не согласились бы с этим, в том числе А. Вуд, М. Виллашек (Willaschek, 1998) и К. Фликшух.

Публикация поддержана Немецкой службой академических обменов, персональный номер 91606230.

Список литературы

Кант И. Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали // Соч. : в 8 т. Т. 2. М. : Чоро, 1994. С. 156—190.

Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 3. М. : Московский философский фонд, 1997. С. 39—275.

Кант И. Метафизика нравов // Соч. на нем. и рус. яз. Т. 5, ч. 1. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014.

Ameriks K. Kant and the Fate of Autonomy: Problems in the Appropriation of the Critical Philosophy. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.

Bayefsky R. Dignity, Honour, and Human Rights: Kant's Perspective // Political Theory. 2013. Vol. 41, №6. P. 809—837.

Beck G. Immanuel Kant's Theory of Rights // Ratio Juris. 2006. Vol. 19, №4. P. 371—401.

Brandt R. Das Erlaubnisgesetz, oder: Vernunft und Geschichte in Kants Rechtslehre // Rechtsphilosophien der Aufklärung / hrsg. von R. Brandt. Berlin : De Gruyter, 1982. S. 233—275.

tantly) various other formulations — autonomy, humanity or the kingdom of ends. I understand that there has been controversy surrounding the claim that Kant's principle of right is grounded on the moral principle. There are a number of Kantian scholars who would defend this view, such as Guyer, Brandt (1982) and Ludwig (1982), but there are also others who would oppose it, including Wood, Willaschek (1998) and Flikschuh.

The publication was supported by a grant from the German Academic Exchange Service. Personal ref. no.: 91606230.

References

Ameriks, K., 2000. *Kant and the Fate of Autonomy: Problems in the Appropriation of the Critical Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bayefsky, R., 2013. Dignity, Honour, and Human Rights: Kant's Perspective. *Political Theory*, 41(6), pp. 809-837.

Beck, G., 2006. Immanuel Kant's Theory of Rights. *Ratio Juris*, 19(4), pp. 371-401.

Brandt, R., 1982. Das Erlaubnisgesetz, oder: Vernunft und Geschichte in Kants Rechtslehre. In: R. Brandt, ed. *Rechtsphilosophien der Aufklärung*, ed. Brandt. Berlin: De Gruyter, pp. 233-275.

Byk, J. C., 2014. Is Human Dignity a Useless Concept? Legal Perspectives. In: M. Duwell, J. Braarvig, R. Brownsword and D. Mieth, eds. 2014. *The Cambridge Handbook of Human Dignity: interdisciplinary perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 362-367.

Byrd, B. S., Hruschka, J., 2010. *Kant's Doctrine of Rights: A Commentary*. Cambridge: Cambridge University Press.

Caranti, L., 2011. Kant's Theory of Human Rights. In: T. Cushman, ed. 2011. *Handbook of Human Rights*. London: Routledge, pp. 35-44.

Dean, R., 1996. What Should We Treat as an End in Itself? *Pacific Philosophical Quarterly*, 77, pp. 268-288.

Dworkin, R., 1978. *Taking Rights Seriously*. Cambridge & MA: Harvard University Press.

Flikschuh, K., 1997. On Kant's Rechtslehre. *European Journal of Philosophy*, 5(1), pp. 50-73.

Gewirth, A., 1984. The Epistemology of Human Rights. *Social Philosophy and Policy*, 1(2), pp. 1-24.

Gewirth, A., 1998. *The Community of Rights*. Chicago: University of Chicago Press.

Gregor, M., 1995. Natural Right or Natural Law? *Jahrbuch für Recht und Ethik / Annual Review of Law and Ethics*, 3, pp. 11-35.

Herman, B., 1993. *The Practice of Moral Judgment*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Byk J. C. Is Human Dignity a Useless Concept? Legal Perspectives // *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives* / ed. by M. Duwell, J. Braarvig, R. Brownsword, D. Mieth. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 362–367.
- Byrd B. S., Hruschka J. Kant's Doctrine of Rights: A Commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Caranti L. Kant's Theory of Human Rights // *Handbook of Human Rights* / ed. by T. Cushman. L. : Routledge, 2011. P. 35–44.
- Dean R. What Should We Treat as an End in Itself? // *Pacific Philosophical Quarterly*. 1996. Vol. 77. P. 268–288.
- Dworkin R. Taking Rights Seriously. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1978.
- Flikschuh K. On Kant's *Rechtslehre* // *European Journal of Philosophy*. 1997. Vol. 5, №1. P. 50–73.
- Gewirth A. The Epistemology of Human Rights // *Social Philosophy and Policy*. 1984. Vol. 1, №2. P. 1–24.
- Gewirth A. The Community of Rights. Chicago : University of Chicago Press, 1998.
- Gregor M. Natural Right or Natural Law? // *Jahrbuch für Recht und Ethik. Annual Review of Law and Ethics*. 1995. №3. P. 11–35.
- Herman B. The Practice of Moral Judgment. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1993.
- Hill T. E. J. Humanity as an End in Itself // *Ethics*. 1980. Vol. 91, №1. P. 84–99.
- Hill T. E. J. Dignity and Practical Reason in Kant's Moral Theory. Ithaca : Cornell University Press, 1992.
- Hill T. E. J. Human Welfare and Moral Worth: Kantian Perspectives. Oxford : Oxford University Press, 2002.
- Hill T. E. J. Kantian Perspectives on the Rational Basis of Human Dignity // *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives* / ed. by M. Duwell, J. Braarvig, R. Brownsword, D. Mieth. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 215–221.
- Höffe O. Kant's Innate Right as a Rational Criterion for Human Rights // *Kant's Metaphysics of Morals: A Critical Guide* / ed. by L. Denis. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 71–92.
- Kant I. The Metaphysical Elements of Justice: Part One of The Metaphysics of Morals. 2nd ed. / transl., introd. by J. Ladd. Cambridge, MA : Hackett Publishing Company, 1999.
- Kitcher P. A Kantian Argument for the Formula of Humanity // *Kant-Studien*. 2017. Bd. 108, Nr. 2. S. 218–246.
- Klemme H. F. „die vernünftige Natur existirt als Zweck an sich selbst“ // *Kant-Studien*. 2015. Bd. 106, №1. S. 88–96.
- Korsgaard C. M. Creating the Kingdom of Ends. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
- Ludwig B. Der Platz des rechtlichen Postulats der praktischen Vernunft innerhalb der Paragraphen 1–6 der Kantischen Rechtslehre // *Rechtsphilosophie der Aufklärung. Symposium Wolfenbüttel* / hrsg. von R. Brandt. Berlin : De Gruyter, 1982. S. 218–232.
- Macklin R. Dignity is a Useless Concept // *BMJ*. 2003. Vol. 327. P. 1419–1420.
- Hill, T. E. J., 1980. Humanity as an End in Itself. *Ethics*, 91(1), pp. 84-99.
- Hill, T. E. J., 1992. *Dignity and Practical Reason in Kant's Moral Theory*. Ithaca: Cornell University Press.
- Hill, T. E. J., 2002. *Human Welfare and Moral Worth: Kantian Perspectives*. Oxford: Oxford University Press.
- Hill, T. E. J., 2014. Kantian Perspectives on the Rational Basis of Human Dignity. In: M. Duwell, J. Braarvig, R. Brownsword and D. Mieth, eds. 2014. *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 215-221.
- Höffe, O., 2010. Kant's Innate Right as a Rational Criterion for Human Rights. In: L. Denis, ed. 2010. *Kant's Metaphysics of Morals: A Critical Guide*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 71-92.
- Kant, I., 1991. *The Metaphysics of Morals*. Translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 1998. *Groundwork of the Metaphysics of Morals*. Edited by M. Gregor and C.M. Korsgaard. Translated by M. Gregor. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 1999. *The Metaphysical Elements of Justice: Part One of The Metaphysics of Morals*. 2nd ed. Translated, with introduction, by J. Ladd. Cambridge & MA: Hackett Publishing Company.
- Kant, I., 2011. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime and Other Writings*. Edited by P. Frierson and P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kitcher, P., 2017. A Kantian Argument for the Formula of Humanity. *Kant-Studien*, 108(2), pp. 218-246.
- Klemme, H. F., 2015. „die vernünftige Natur existirt als Zweck an sich selbst.“ Überlegungen zu Oliver Sensens Interpretation der Menschheitsformel in der *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. *Kant-Studien*, 106(1), pp. 88-96.
- Korsgaard, C. M., 1996. *Creating the Kingdom of Ends*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ludwig, B., 1982. Der Platz des rechtlichen Postulats der praktischen Vernunft innerhalb der Paragraphen 1-6 der Kantischen Rechtslehre. In: R. Brandt, ed. *Rechtsphilosophie der Aufklärung. Symposium Wolfenbüttel*. Berlin: De Gruyter, pp. 218-232.
- Macklin, R., 2003. Dignity is a Useless Concept. *The BMJ*, 327, pp. 1419-1420.
- McCrudden, C., 2008. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights. *The European Journal of International Law*, 19(4), pp. 655-724.
- Menke, C., 2014. Dignity as the Right to Have Rights: Human Dignity in Hannah Arendt. In: M. Duwell, J. Braarvig, R. Brownsword and D. Mieth, eds. 2014. *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 327-342.
- Meyer, M. J., 1989. Dignity, Rights and Self-Control. *Ethics*, 99(3), pp. 520-534.
- Michael, L., 2014. Defining Dignity and Its Place in Human Rights. *The New Bioethics*, 20(1), pp. 12-34.

- McCrudden C. Human Dignity and Judicial Interpretation of Human Rights // *The European Journal of International Law*. 2008. Vol. 19, №4. P. 655–724.
- Menke C. Dignity as the Right to Have Rights: Human Dignity in Hannah Arendt // *The Cambridge Handbook of Human Dignity: Interdisciplinary Perspectives* / ed. by M. Duwell, J. Braarvig, R. Brownsword, D. Mieth. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. P. 327–342.
- Meyer M. J. Dignity, Rights, and Self-Control // *Ethics*. 1989. Vol. 99, №3. P. 520–534.
- Michael L. Defining Dignity and Its Place in Human Rights // *The New Bioethics*. 2014. Vol. 20, №1. P. 12–34.
- Mitchell N., Howard R. E., Donnelly J. Liberalism, Human Rights, and Human Dignity // *American Political Science Review*. 1987. Vol. 81, №3. P. 920–927.
- Nussbaum M. Capabilities and Human Rights // *Fordham Law Review*. 1997. Vol. 66, №2. P. 273–300.
- Pritchard M. S. Human Dignity and Justice // *Ethics*. 1972. Vol. 82, №4. P. 299–313.
- Pippin R. B. Rigorism and the “New Kant” // *Kant und die Berliner Aufklärung: Akten des IX. Internationalen Kant-Kongresses*. Bd. 1 / hrsg. von V. Gerhardt, R.-P. Horstmann, R. Schumacher. Berlin : De Gruyter, 2001. P. 313–326.
- Sangiovanni A. Can the Innate Right to Freedom Ground a System of Rights? // *European Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 20, №3. P. 460–469.
- Sangiovanni A. *Humanity Without Dignity: Moral Equality, Respect, and Human Rights*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2017.
- Schmidt E. E., Schönecker D. Kant’s Moral Realism Regarding Dignity and Value: Some Comments on the *Tugendlehre* // *Realism and Antirealism in Kant’s Moral Philosophy: New Essays* / ed. by R. dos Santos, E. E. Schmidt. Berlin : De Gruyter, 2017. P. 119–152.
- Schneewind J. Kant and Stoic Ethics // *Aristotle, Kant, and the Stoics: Rethinking Happiness and Duty* / ed. by S. Engstrom, J. Whiting. Cambridge : Cambridge University Press, 1996.
- Schönecker D. Bemerkungen zu Oliver Sensen, *Kant on Human Dignity* // *Kant-Studien*. 2015. Bd. 106, №1. S. 68–77.
- Schönecker D., Schmidt E. E. Kant’s Ground-Thesis. On Dignity and Value in the Groundwork // *Journal of Value Inquiry*. 2018. Vol. 52, №1. P. 81–95.
- Sensen O. *Kant on Human Dignity*. Berlin : De Gruyter, 2011.
- Sensen O. Kant on Human Dignity Reconsidered: A Reply to My Critics // *Kant-Studien*. 2015. Vol. 106, №1. P. 107–129.
- Shaoping G., Lin Z. Human Dignity as a Right // *Frontiers of Philosophy in China*. 2009. Vol. 4, №3. P. 370–384.
- Waldron J. The Indignity of Legislation // *The Dignity of Legislation*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. P. 7–35.
- Willaschek M. Agency, Autonomy, and Moral Obligation // *Preferences* / ed. by C. Fehige, U. Wessels. Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 1998. P. 176–203.
- Mitchell, N., Howard, R. E. and Donnelly, J., 1987. Liberalism, Human Rights, and Human Dignity. *American Political Science Review*, 81(3), pp. 920-927.
- Nussbaum, M., 1997. Capabilities and Human Rights. *Fordham Law Review*, 66(2), pp. 273-300.
- Pippin, R. B., 2001. Rigorism and the “New Kant”. In: V. Gerhardt, R.-P. Horstmann and R. Schumacher, eds. 2001. *Kant und die Berliner Aufklärung: Akten des IX. Internationalen Kant-Kongresses, Volume 1*. Berlin: De Gruyter, pp. 313-326. <https://doi.org/10.1515/9783110874129.313>
- Pritchard, M. S., 1972. Human Dignity and Justice. *Ethics*, 82(4), pp. 299-313.
- Sangiovanni, A., 2012. Can the Innate Right to Freedom Ground a System of Rights? *European Journal of Philosophy*, 20(3), pp. 460-469.
- Sangiovanni, A., 2017. *Humanity Without Dignity: Moral Equality, Respect, and Human Rights*. Cambridge & MA: Harvard University Press.
- Schmidt, E. E., Schönecker, D., 2017. Kant’s Moral Realism regarding Dignity and Value: Some Comments on the Tugendlehre. In: R. dos Santos, E. E. Schmidt, eds. 2017. *Realism and Antirealism in Kant’s Moral Philosophy: New Essays*. Berlin: De Gruyter, pp. 119-152.
- Schneewind, J., 1996. Kant and Stoic Ethics. In: S. Engstrom, J. Whiting, eds. 1996. *Aristotle, Kant, and the Stoics: Rethinking Happiness and Duty*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schönecker, D., 2015. Bemerkungen zu Oliver Sensen, *Kant on Human Dignity*, Chapter 1. *Kant-Studien*, 106(1), pp. 68-77.
- Schönecker, D., Schmidt, E. E., 2018. Kant’s Ground-Thesis. On Dignity and Value in the Groundwork’. *Journal of Value Inquiry*, 52(1), pp. 81-95.
- Sensen, O., 2011. *Kant on Human Dignity*. Berlin: De Gruyter.
- Sensen, O., 2015. Kant on Human Dignity Reconsidered: A Reply to my Critics. *Kant-Studien*, 106(1), pp. 107-129.
- Shaoping, G., Lin, Z., 2009. Human Dignity as a Right. *Frontiers of Philosophy in China*, 4(3), pp. 370-384.
- Waldron, J., 1999. The Indignity of Legislation. In: J. Waldron, 1999. *The Dignity of Legislation*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 7-35.
- Willaschek, M., 1998. Agency, Autonomy, and Moral Obligation. In: C. Fehige and U. Wessels, eds. *Preferences*. Berlin and New York: De Gruyter, pp. 176-203.
- Wood, A.W., 1999a. *Autonomy as the Ground of Morality, O’Neil Memorial Lectures*. University of New Mexico. March, 1999, unpublished. [online] Available at: <https://philpapers.org/go.pl?id=WOOAAT&proxy-Id=none&u=http%3A%2F%2Fwww.stanford.edu%2F~allen-w%2Fwebpapers%2FAutonomy.doc> [Accessed 10.12.2018].
- Wood, A.W., 1999b. *Kant’s Ethical Thought*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wood A.W. *Autonomy as the Ground of Morality* // O'Neil Memorial Lectures. University of New Mexico. March, 1999a. URL: <https://philpapers.org/go.pl?id=WO0AAT&proxyId=none&u=http%3A%2F%2Fwww.stanford.edu%2F~allenw%2Fwebpapers%2FAutonomy.doc> (дата обращения: 10.12.2018).

Wood A.W. *Kant's Ethical Thought*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999б.

Об авторе

Санди Аденийи **Фасоро**, исследователь, философский факультет, Технический университет Берлина, Германия.

E-mail: adeniyi.fasoro@win.tu-berlin.de

О переводчике

Александр Сергеевич **Киселев**, студент бакалавриата направления «Философия», академический ассистент Академии Кантианы, Институт гуманитарных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AISKiselev@stud.kantiana.ru

Для цитирования:

Фасоро С. А. Кант о человеческом достоинстве: автономия, человечество и права человека // Кантовский сборник. 2019. Т. 38, №1. С. 81–98. doi: 10.5922/0207-6918-2019-1-4

The author

Sunday Adeniyi Fasoro, Researcher, Department of Philosophy, Technische Universität Berlin (TU Berlin), Germany.

E-mail: adeniyi.fasoro@win.tu-berlin.de

To cite this article:

Fasoro, S. A., 2019. Kant on Human Dignity: Autonomy, Humanity, and Human Rights. *Kantian Journal*, 38(1), pp. 81-98. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2019-1-4>

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
ПО ИЗУЧЕНИЮ НАСЛЕДИЯ И. КАНТА
«КАНТ О НАУКЕ И РАЦИОНАЛЬНОСТИ»

*Академия Кантиана Балтийского
федерального университета им. И. Канта
объявляет о проведении Третьей
международной летней школы
по изучению наследия Канта*

Целевая аудитория: студенты бакалавриата старших курсов, магистранты, аспиранты и кандидаты наук, защитившиеся не ранее 2017 г.

Даты проведения: 22 – 28 июля 2019 г.

Трансцендентальную философию И. Канта часто характеризуют как философию науки или, по крайней мере, как философию, которая очень тесно связана с науками своего времени и в которой понятие разума играет центральную роль. Летняя школа 2019 г. посвящена исследованию кантовских взглядов на значение и роль разума для наук, а также исторического влияния этого кантовского понятия. Основное внимание направлено на следующие три аспекта: 1) роль «конститутивного» априорного знания в науках; 2) роль «регулятивных» идей чистого разума в науках; 3) определение различных наук и их классификация в соответствии с «архитектоникой разума».

Летняя школа фокусируется на анализе центральных фрагментов кантовских произведений, включая работы Канта о естественных и гуманитарных науках, равно как и его критические сочинения. Кроме того, предметом обсуждения станет то длительное историческое влияние, которое кантовская философская мысль оказывает на науки.

Летняя школа включает лекции, семинары и тьюторий. В рамках школы планируется также научная конференция, в ходе которой участники представят собственные научные проекты по теме, связанной с философией Канта.

Участники школы отбираются на конкурсной основе. Участие в работе летней школы бесплатно. По итогам летней школы участникам выдается сертификат.

THE THIRD IMMANUEL KANT
INTERNATIONAL SUMMER SCHOOL
“KANT ON SCIENCE AND RATIONALITY”

*The Academia Kantiana
of the Immanuel Kant
Baltic Federal University
announces the Third Immanuel Kant
International Summer School*

Target audience: advanced bachelor students, master students, PhD students, recent postdocs (PhD awarded not before 2017).

Dates: 22 – 28 July 2019.

Kant’s transcendental philosophy has often been described as a philosophy of science or, at least, as a philosophy which is most closely related to the sciences of his times – and one in which his concept of reason plays a central role. The 2019 summer school is devoted to Kant’s views on the meanings and roles of reason for the sciences as well as its historical impact. Three aspects will take centre stage: (1) the role of “constitutive” *a priori* knowledge for the sciences; (2) the role of “regulative” ideas of pure reason for the sciences; (3) the definition of the different sciences, and their classification by an “architectonics of reason”.

The Summer School will focus on the analysis of central passages from Kant’s works, including publications on the natural and the human sciences as well as texts from his critical works. Furthermore, the school will also address the long-term historical impact of his philosophical thinking on the sciences.

The Summer School consists of lectures, seminars, and readings. Within the framework of the summer school there will also be a scientific conference, in which participants will give their own presentations on a research topic related to Kant’s philosophy.

School participants are selected on a competitive basis. Participation in the Summer School is free of charge. At the end of the Summer School the participants will be given a certificate confirming their participation.

Научный руководитель школы: доктор философии, профессор *Томас Штурм* (Германия) — профессор-исследователь Каталонского института научных исследований и инноваций (ICREA) в Автономном университете Барселоны, Испания.

Научные ассистенты: доктор философских наук *Вадим Чалый* (Россия) и доктор философии *Рудольф Мер* (Австрия) — старшие научные сотрудники Академии Кантианы Балтийского федерального университета им. И. Канта, Калининград, Россия.

Рабочие языки школы: английский, русский.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ЛЕКЦИЙ И СЕМИНАРОВ

Открытая лекция: Кант и философия науки сегодня.

Лекция 1. Начала в космологии: «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755).

Семинар 1. Космология и научные гипотезы.

Лекция 2. Уроки философии, полученные от науки: разум в логике, математике и естествознании.

Семинар 2. Априорные предпосылки науки.

Лекция 3. Философский каркас науки: априорное знание, метафизика и естествознание.

Семинар 3. Идеи разума в науках.

Лекция 4. Разум в истории и антропологии.

Семинар 4. «Архитектоника», или «искусство систем» для наук.

Место проведения: г. Светлогорск,
Калининградская область, Россия.

E-mail: academia@kantiana.ru

Подробную информацию см. на сайте
kant-online.ru

Данная летняя школа является частью Международной летней школы «Рациональность в философии и праве» и проводится при финансовой поддержке форума «Петербургский диалог» и субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности БФУ им. И. Канта.

Scientific Supervisor: *Prof. Dr Thomas Sturm* (Germany), ICREA Research Professor at the Universitat Autònoma de Barcelona, Spain.

Scientific Assistants: *Dr habil. Vadim A. Chaly* (Russia) and *Dr Rudolf Meer* (Austria), Senior Researchers at the *Academia Kantiana*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

Working languages are English and Russian.

THEMATIC PROGRAMME OF LECTURES AND SEMINARS

Open Lecture: Kant and the philosophy of science today

Lecture 1: Beginnings in cosmology: The General Natural History and Theory of the Heavens (1755)

Seminar 1: Cosmology and scientific hypotheses

Lecture 2: Philosophy's lessons from science: Reason in logic, mathematics, and natural science

Seminar 2: A priori presuppositions of science

Lecture 3: Philosophy's framing of science: A priori knowledge, metaphysics and natural science

Seminar 3: Ideas of reason in the sciences

Lecture 4: Reason in history and anthropology

Seminar 4: "Architectonics", or the "art of systems" of the sciences

Location: Svetlogorsk,
Kaliningrad region, Russia.

E-mail: academia@kantiana.ru

More information:
see at <http://www.kant-online.ru/en/>

This Summer School is part of the International Summer School "Rationality in Philosophy and Right", supported by the Forum "Petersburger Dialog" and the Russian Academic Excellence Project at the Immanuel Kant Baltic Federal University.

КАНТОВСКИЙ СБОРНИК
KANTIAN JOURNAL

2019

Том 38
Vol. 38

№ 1

Перевод с англ. *А.С. Киселев*
Перевод с нем. *А.С. Зильбер*
Перевод на англ. *Е.Н. Филиппов*
Редактор *Д.А. Малеваная*
Корректор *С.В. Ильина*
Компьютерная верстка *А.В. Иванов*

Translated from Russian by *E. N. Filippov*
Translated into Russian by *A. S. Kiselev, A. S. Zilber*
Copy-edited by *D. A. Malevanaya*
Russian version proofread by *S. V. Ilina*
English version proofread by *K. Caskie*
Layout by *A. V. Ivanov*

Подписано в печать 21.01.2019 г.
Формат 84×108 1/16. Усл. печ. л. 10,0
Тираж 500 экз. (1-й завод 100 экз.). Заказ 145

Sent to the printers on January 21, 2019
Size 84×108 1/16. 10.0 sheets
500 copies (first print: 100 copies). Order 145

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
6 Gaidara st., Kaliningrad, 236022, Russia